

Телфорд Тэйлор
при участии Алана Дершовица, Джорджа Флетчера,
Леона Липсона и Мелвина Стайна

СОВЕТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ И ЭМИГРАЦИЯ ЕВРЕЕВ

Перевод с английского Е. Белича

ALFRED A. KNOPF
NEW YORK 1977

Телфорд Тэйлор
при участии Алана Дершовица, Джорджа Флетчера
Леона Липсона и Мелвина Стайна

СОВЕТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

И ЭМИГРАЦИЯ ЕВРЕЕВ

Перевод с английского Е. Белича

ALFRED A. KNOPF
NEW YORK 1977

The publisher is offering this Russian-language edition in view of the world-wide interest in the subject of this book.

SOVIET CRIMINAL JUSTICE AND JEWISH EMIGRATION

**by Telford Taylor
with Alan Dershowitz, George Fletcher,
Leon Lipson, and Melvin Stein**

Copyright © 1976 by Alfred A. Knopf, Inc.
Translation Copyright © 1977 by Alfred A. Knopf, Inc.
All rights reserved under International and Pan-American
Copyright Conventions. Published in the United States by
Alfred A. Knopf, Inc., New York
Distributed by Random House, Inc., New York
Manufactured in the United States of America
First Russian language edition
Library of Congress Catalog Card Number: 77-9161
ISBN: 0-394-73401-7

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	V
Глава 1. Процессы	1
Глава 2. Проект американской правовой защиты	14
Глава 3. Сбор информации	24
Глава 4. Москва, апрель 1974 г.	30
Глава 5. Подготовка защиты	36
Глава 6. Москва, июнь 1974 г.	48
Глава 7. Советское молчание	54
Глава 8. Новый материал	61
Глава 9. Москва, март 1975 г.	69
Глава 10. Оглашение проекта. Что будет дальше?	73
Послесловие	75
Приложения	
А . Выдержки из советских законов . . .	79
1. Уголовный кодекс РСФСР . . .	79
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР	86
3. Конституция СССР	99
4. Конституция РСФСР	100
5. Положение о прокурорском надзоре в СССР	100
6. Исправительно-трудовое зако- нодательство Союза ССР и со- юзных республик	103

Б .	Выдержки из прошений	105
В .	Правовые меморандумы	151
	1. Право на защиту в советском законодательстве	151
	2. Процедуры, использованные для установления антисоветского ха- рактера о конфискованной лите- ратуре	155
	3. Условия содержания осужден- ных в местах заключения	165
	4. Правовые вопросы, возникшие на Ленинградских процессах	173
Г .	Показания под присягой	186
Д .	Письма	204

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — не исследование общего характера, а лишь описание конкретного проекта, принятого с целью облегчения участи ряда советских граждан еврейского происхождения (а также двух неевреев), которые при попытке эмигрировать в Израиль были привлечены к судебной ответственности, осуждены и лишены свободы. Американские юристы-участники планировали доведения советских властей факты нарушения советских законов представителями судебно-административных органов в залах суда и местах заключения и тем самым побудить высшие инстанции подвергнуть приговоры пересмотру и смягчить условия содержания заключенных.

Таким образом, в книге затрагивается и система советского правосудия и еврейская эмиграция из Советского Союза. Однако ни тот ни другой вопросы не являются предметом особого разбирательства. Мы описываем здесь лишь несколько случаев из сотен тысяч дел, ежегодно разбираемых советскими судами. Число жертв судебного произвола, рассматриваемых в книге, не составляет и сотни человек — ничтожная цифра даже в сравнении с ослабевшим потоком еврейских эмигрантов.

Однако значение этих дел далеко выходит за рамки действительного числа жертв и несколько не утрачивается даже на фоне общей картины эмиграции советских евреев. В любой стране, где существует закон, подлинным критерием прочности

судебной системы служит ее сопротивляемость силам общественных, расовых и иных предрассудков, ее стойкость перед лицом государства, преследующего свои политические цели и интересы. В данном случае государство было явно заинтересовано в осуждении и наказании обвиняемых и соответственно этому оказывало давление на судебные органы, результатом чего явилось поправление норм судебного разбирательства и содержания заключенных. Словом, в противовес старой поговорке, дурной закон породил трудные случаи, хуже того, скандальные нарушения правил судопроизводства.

Процессы, о которых идет речь в этой книге, были задуманы как показательные. Государство придерживалось политики сдерживания еврейской эмиграции, однако так, чтобы не создавать впечатления официального ее запрещения. Страх потери работы, квартиры и утраты иных привилегий или просто средств существования повлиял на решимость некоторого числа потенциальных эмигрантов, но далеко не всех. Поэтому в ход было пущено более радикальное средство — судебная расправа.

Некоторые из евреев сыграли на руку властям своими попытками нелегально бежать из страны, как, например, ленинградская группа, которая пыталась захватить небольшой пассажирский самолет и бежать в Швецию. В других случаях такого предлога не было, и обвинения на суде строились на лжи. Однако, независимо от того, были обвинения основательны или нет, государство усматривало свою главную задачу не только в осуждении и наказании обвиняемых, но прежде всего в запугивании других потенциальных эмигрантов.

С точки зрения острастки неправожденные суды оказались более эффективным средством, чем

процессы, опиравшиеся на факты. И действительно, стоит только советским евреям осознать, что процессуальные нормы на них не распространяются и предъявление обвинения автоматически влечет за собой обвинительный приговор, как сразу сдерживающее действие оказывается много сильнее, чем если когда обвинение строится на реальной основе, причем этот эффект будет тем сильнее, чем более нелепы обвинения.

В этом плане данную книгу можно считать хроникой протитуирования советского правосудия на потребу государства. Авторы надеются, что наряду с обычным читателем книгой заинтересуются с профессиональной точки зрения и юристы. Поэтому мы включили обширные выдержки из отдельных петиций, а также полный текст меморандумов по четырем юридическим вопросам, встретившимся в ходе нескольких процессов. Все эти документы были представлены на рассмотрение руководству советских органов юстиции и были приняты.

В осуществлении проекта, составляющего основу данного повествования, приняло участие много людей, ряд из которых пожелал остаться неназванным. Кроме того, некоторые участники проекта являются авторами материалов, включенных в книгу. Мы надеемся, что дело еще не закрыто и что опубликование книги сможет хоть как-то помочь жертвам судебного произвола и утешить их родственников и друзей, доверивших нам выступить от их имени.

Телфорд Тэйлор

Нью Йорк, октябрь 1975 г.

Глава 1. ПРОЦЕССЫ

В старинном русском городе Рязани, лежащем в 200 км к югу от Москвы, есть Радиотехнический институт, в течение ряда лет служащий прибежищем для молодежи некоторых национальностей, которая испытывает трудности при поступлении в высшие учебные заведения в более крупных городах. В конце 60-х годов в институте учились два молодых украинских еврея — братья Юрий и Валерий Вудка — и Шимон Грилюс — литовский еврей чуть более старшего возраста.

Старший из братьев Вудка, Юрий, отличался необычно смелым и широким умом. Довольно быстро он выдвинулся на роль духовного лидера небольшой группы, в которую кроме него вошли его брат и Шимон Грилюс. На первых порах группа интересовалась прежде всего политическими и экономическими вопросами, однако вскоре на первый план все более настойчиво стали выдвигаться еврейские проблемы. Ребята начали изучать и распространять учебники и энциклопедии на иврите, магнитофонные записи таких книг, как "Исход" Леона Юриса, "Шестидневная война" Рэндольфа Черчилля, различные материалы, преимущественно еврейской тематики, а также очерки самого Юрия Вудки, посвященные злободневным вопросам, в том числе и проблеме антисемитизма в Советском Союзе.

В 1969 г. братья Вудка и Грилюс получили вызовы от родственников в Израиле, без которых

невозможно подать документы на выезд. В августе того же года, вскоре после того, как они подали заявления и начали оформление бумаг на выезд в Израиль, все трое были арестованы, а заодно с ними и еще три члена их группы. В квартирах арестованных был произведен обыск, и все материалы политического характера или касающиеся еврейского вопроса были изъяты. В квартире Грилюса в Клайпеде* был конфискован не только меморандум Юрия Вудки, где отстаивается идея эмиграции советских евреев в противовес ассимиляции, но и пластинки еврейских песен, пишущая машинка и портрет типичного еврея. Всем шести арестованным было предъявлено обвинение по статьям 70 и 72 Уголовного кодекса РСФСР: "антисоветская агитация и пропаганда" и "участие в антисоветских организациях". Обвиняемые предстали перед Рязанским областным судом под председательством народного судьи Матвеева. В тяжелую атмосферу суда некоторое оживление внес фарс, устроенный обвинителем (неким Дубцовым), который представил суду в качестве вещественного доказательства копию работы Бертрана Рассела об антисемитизме в Советском Союзе, найденную у одного из подсудимых. Не имея понятия о том, кто такой Бертран Рассел и будучи не в состоянии даже правильно прочесть его имя, Дубцов яростно обрушился на подсудимых с изобличением их преступных связей с антисоветским отребьем "Бертроком и Росселом", к немалому смущению более информированного председателя суда.

19 февраля 1970 года суд приговорил Юрия Вудку к 7 годам заключения, Грилюса и полуеврея Олега Фролова — к 5, а самого младшего из подсу-

* К этому времени Грилюс уже закончил институт и работал радиоинженером в Литве.

димых двадцатилетнего Валерия Вудку — к 3 годам. Двое других подсудимых, которые "полностью признали свою вину" (по-видимому, они-то и донесли в КГБ на остальных членов группы), получили по 3 года условно. Верховный суд РСФСР утвердил все приговоры, и четверка осужденных была отправлена в исправительно-трудовые лагеря для "политических" заключенных в Мордовии, близ Потьмы.

Тем временем аналогичные события разворачивались далеко от Рязани, в маленьком молдавском городке Бендеры, который стоит на Днестре, километрах в 50 к юго-востоку от Кишинева. В 1968 году два бендеровских учителя-еврея, Иосиф Мешенер и Яков Сусленский, настроенные менее философски, чем рязанская группа, но более склонные к действию, направили письма в ЦК КПСС и лично Л.И. Брежневу с протестом против вторжения советских войск в Чехословакию и поддержки Советским Союзом Ирака — страны, где вешают евреев. Они также записывали на магнитофон и проигрывали своим друзьям передачи "Голоса Израиля" и других иностранных радиостанций, а кроме того, составили, хотя и не отправили письмо в Организацию Объединенных Наций с жалобой на трудности, чинимые в Советском Союзе тем, кто желает изучать язык и историю еврейского народа.

29 января 1970 г. в квартире Сусленского был произведен обыск. Магнитофонные записи, письмо в ООН и дневник хозяина квартиры были изъяты, а сам он арестован. Двумя неделями позже был арестован и Мешенер. Обоим было предъявлено обвинение по статье 67 Уголовного кодекса Молдавской ССР, аналогичной статье 70 Уголовного кодекса РСФСР. На суде, состоявшемся в октябре 1970 г. в Кишиневе, прокурор потребовал 3 года лишения

свободы для Мешенера и 5 лет для Сусленского. Тем не менее суд приговорил Мешенера к 6, а Сусленского к 7 годам заключения (максимальный срок по данной статье), и оба осужденных были отправлены в мордовский лагерь.

Рязанский и Бендеро-кишиневский процессы были первыми, дошедшими до сведения нашей группы, хотя несомненно проходили и другие процессы, в которых распространение "сионистских" материалов послужило официальным поводом для обвинения евреев в антисоветской пропаганде. Подсудимые на обоих процессах были критически настроены по отношению к политике советских властей не только в еврейском вопросе, но ни в том, ни в другом случае не было никаких доказательств стремления со стороны обвиняемых к свержению советского строя. Мешенер даже оказался членом КПСС. В целом Рязанский и Бендеро-кишиневский процессы прошли практически незамеченными в мире, однако их можно считать непосредственными предшественниками крупных процессов, на которых евреи были судимы как уголовные преступники за стремление эмигрировать и, по принятому в Израиле определению, стали "узниками совести".

Первый ленинградский процесс

Ленинградское дело возникло в связи с попыткой угнать самолет, предпринятой 15 июня 1970 г. двумя группами советских евреев из Ленинграда и Риги. Обе группы исповедовали сионизм, и большинство их членов ранее неоднократно предпринимали безуспешные попытки легально эмигрировать в Израиль. Ленинградская группа, возникшая в 1968 г., была более крупной и лучше организованной. Она организовала несколько улыпанов (круж-

ков) по изучению еврейской истории и иврита и распространяла значительное количество еврейской литературы. В нее входили в основном ученые, инженеры и врачи в возрасте от 30 до 40 лет. Рижская группа, значительно более молодая, состояла из студентов и лиц со средним техническим образованием.

В конце 1969 г. один из вожakov ленинградского кружка Гилель Бутман познакомился с бывшим гражданским летчиком Марком Дымщицем, в то время работавшим в Ленинграде инженером. Дымщиц, страстный энтузиаст летного дела, не мог устроиться в авиации, как он считал, из-за своей национальности. По-видимому, еврейская культура интересовала его постольку-поскольку, но эмигрировать он хотел. И вот в начале 1970 года он предложил Бутману бежать из Советского Союза. По плану Дымщица беглецы должны были в полете из Ленинграда в Мурманск захватить самолет типа ТУ-124, который Дымщиц собирался посадить в Швеции.

Бутман заинтересовался этим не очень удачным планом и привлек к участию в нем еще двух евреев из Ленинграда, братьев Льва и Михаила Коренблитов. Затем он повез Дымщица в Ригу и познакомил его с Сильвой Залмансон, ее мужем Эдуардом Кузнецовым и другими членами рижской сионистской группы. Некоторые из них, в том числе двое не-еврейских друзей Кузнецова, изъявили желание участвовать в побеге. Побег был назначен на 1 мая, однако незадолго перед тем Дымщицу удалось побывать в кабине пилота ТУ-124, и он пришел к выводу, что справиться с пятидесятиместной машиной в одиночку невозможно. Тем временем Бутман и Коренблиты одумались и стали отговаривать Дымщица, полагая, что его план противозаконен, непрактичен и опасен для всего дела советского еврейства.

Но Дымшиц твердо стоял на своем, а рижане, более молодые и горячие и, возможно, более страстно мечтавшие о побеге, по-прежнему были готовы следовать за ним. В начале июня Дымшиц разработал новый план. По этому плану беглецам предстояло угнать самолет меньшего размера, двенадцатиместный АН-2, летавший по маршруту Ленинград — Приозерск, небольшой городок к северу от Ленинграда и всего в 65 км от финской границы. Рижане должны были полностью закупить рейс, чтобы не подвергать опасности посторонних людей, и захватить самолет в полете, не причиняя вреда обоим членам экипажа. Затем самолет предполагалось посадить в Приозерске, высадить летчиков и взять на борт еще четырех человек из группы, которые должны будут ждать в аэропорту городка. Далее Дымшиц поведет самолет в Швецию, где беглецы бросят машину и будут просить политического убежища*.

Как показали события, властям этот план был заранее известен во всех подробностях. 15 июня 1970 года Дымшиц и его группа были арестованы в Смольненском аэропорту еще до того, как они поднялись на борт самолета, а четверка, приехавшая в Приозерск, была арестована несколькими часами ранее. В тот же день были арестованы Бутман и несколько членов ленинградского кружка. Одновременно в Москве, Риге и других городах были произведены обыски на квартирах некоторых евреев с конфискацией литературы на еврей-

* Итого в побеге должны были участвовать 16 человек: Дымшиц с женой и двумя несовершеннолетними дочерьми, 10 рижских евреев и еще два рижанина -нееврея. Группа была слишком многочисленной, чтобы в полном составе поместиться в самолете в Ленинграде, почему и было решено принять двухступенчатый план с посадкой в Приозерске.

скую тематику. Через несколько недель эта волна обысков и арестов докатилась до Кишинева, Харькова и Одессы.

15 декабря 1970 года Дымшиц и 10 рижан — участников попытки к бегству — предстали перед Ленинградским областным судом*. В то время в советском уголовном законодательстве не существовало особой статьи по угону самолета. Поэтому главные обвинения, предъявленные подсудимым, состояли в подготовке к измене Родине или попытке совершить таковую, хищении государственного имущества в особо крупных размерах, а также антисоветской пропаганде и агитации. Все подсудимые были признаны виновными в попытке совершить хищение и все, за исключением Менделя Бодни (выступившего в качестве свидетеля обвинения), — в попытке совершить государственную измену.

Приговоры, оглашенные 24 декабря, поражали своей суровостью: Дымшиц и Кузнецов, которые уже отсидели ранее по 7 лет за антисоветскую деятельность, не связанную с сионизмом (отец Кузнецова был русский, и сам Кузнецов по паспорту тоже русский), были приговорены к смертной казни. Два нееврейских друга Кузнецова, Алексей Мурженко и Юрий Федоров, также ранее сидевшие за "антисоветскую деятельность", получили соответственно 14 и 15 лет лишения свободы. Двадцатитрехлетний студент точного цикла Иосиф Менделевич также получил 15 лет. Остальные участ-

* Обвинение не было предъявлено жене и дочерям Дымшица, а также беременной жене Лейба Кноха Мери. Брат Сильвы Залмансон Вульф, лейтенант действительной службы, был отдан под суд военного трибунала и приговорен к 10 годам заключения.

ники группы были приговорены к разным срокам — от 13 (Лейб Кнох) до 8 лет (младший брат Сильвы Залмансон Израиль). Бодня, проявивший столь горячее желание сотрудничать с обвинением, был осужден на 4 года.

Смертные приговоры вызвали бурю протестов со стороны международной общественности, в том числе и итальянской компартии. Движение за отмену смертных приговоров особенно усилилось в связи с Рождеством, а также ввиду того, что 30 декабря Франко отменил смертные приговоры нескольким баскским националистам, что вызвало исключительное негодование советской прессы. Давление на советские власти было столь сильным, что уже 29 декабря, через какие-то 5 дней после вынесения приговоров, Верховный суд РСФСР рассмотрел кассационную жалобу подсудимых, и обвинитель на Ленинградском процессе сам ходатайствовал об отмене смертной казни. 31 декабря Верховный суд утвердил приговоры, но заменил смертную казнь Дымшицу и Кузнецову 15-летним заключением и сбросил несколько лет со сроков Менделевича, Кноха и Альтмана.

Сейчас, когда я пишу эту книгу, все осужденные на процессе отбывают наказание, за исключением Бодни и Сильвы Залмансон, которая была освобождена по неуказанным причинам, отсидев около половины срока.

Второй ленинградский процесс

Бутман, братья Коренблиты и шесть других членов ленинградской группы и их друзей проходили по Второму ленинградскому процессу. Этот процесс был ускорен попыткой угона самолета, но лишь самому Бутману и младшему из Коренбли-

тов Михаилу был предъявлено обвинение в соучастии по делу Дымшица и его товарищей. Кроме того, Бутман и Михаил Коренблит наряду со всеми другими участниками Второго ленинградского процесса обвинялись в антисоветской пропаганде и создании антисоветской организации. Четырем подсудимым было дополнительно предъявлено обвинение в соучастии в краже государственного копировального аппарата.

Бутман и Коренблит первоначально предполагали бежать вместе с Дымшицем, однако вскоре передумали и пытались отговорить и Дымшица. Еще до того как был разработан окончательный вариант плана побега, Бутман уехал из Ленинграда в отпуск. Тем не менее и Бутман и Коренблит были признаны виновными в попытке совершить государственную измену. Все восемь подсудимых были осуждены по статьям, предъявленным обвинением, хотя печатные материалы, захваченные на их квартирах и представленные суду как доказательство их антисоветской пропагандистской деятельности, носили чисто еврейско-сионистский, но никак не революционный характер.

20 мая 1971 года суд приговорил Бутмана и Михаила Коренблита соответственно к 10 и 8 годам заключения. Остальные члены группы получили по 5 лет и меньше. Верховный суд РСФСР все приговоры утвердил.

Рижский и Кишиневский процессы

Рижский и Кишиневский процессы, проходившие в мае и июне 1971 года, очевидно, были задуманы властями в подкрепление версии о том, что попытка угнать самолет в Ленинграде была ничем иным, как частью широко разветвленного

сионистского заговора, в котором кроме ленинградской группы принимали участие и еврейские организации Риги и Кишинева. При этом власти рассчитывали прежде всего на газетную кампанию, ибо на суде выявилась полная необоснованность обвинений, и ни один из подсудимых на обоих процессах не был осужден за причастность к попытке захвата самолета. Всем четверем подсудимым в Риге и восьми из девяти подсудимых в Кишиневе было предъявлено обвинение в антисоветской пропаганде и создании антисоветской организации. Всем обвиняемым на Кишиневском процессе, за исключением одного, было дополнительно инкриминировано соучастие в краже того самого копировального аппарата, который фигурировал на Втором ленинградском процессе и который, как утверждало обвинение, был якобы выкраден из одного кишиневского "института", где работал подсудимый Рабинович. Для того чтобы подкрепить версию о связи кишиневской группы с ленинградским делом, трех членов ленинградской сионистской группы — Давида Черноглаза, Анатолия Гольдфельда и Гилеля Шура — привезли в Кишинев и судили вместе с шестью местными евреями. Шур наотрез отказался участвовать в судебной процедуре на том основании, что юрисдикция молдавского суда на него не распространяется.

Обвинения на обоих процессах в основном строились на печатных материалах и вещественных доказательствах, изъятых в квартирах подсудимых. Это были, как правило, те же книги и документы, что фигурировали на ленинградских процессах, в которых описывается Израиль, его история и народ, а также учебные пособия по изучению иврита и иудаизма и материалы с анали-

зом еврейского вопроса в Советском Союзе.

За исключением Черноглаза и Гольдфельда, приговоренных к лишению свободы соответственно на 5 лет и 4 года, все подсудимые получили по два года или году, как, например, Рабинович, который обвинялся лишь в краже копировального аппарата. По сравнению с ленинградскими судебными решениями рижские судьи также вынесли относительно мягкие приговоры: наиболее суровая кара предусматривала лишение свободы сроком на 3 года, два подсудимых получили по 2 года, а последний — год. К моменту начала реализации проекта, описываемого в данной книге, Черноглаз и Гольдфельд, единственные из всех подсудимых на Рижском и Кишиневском процессах, отбывали наказание, а к концу лета 1975 года и они вышли из заключения и получили разрешение на выезд в Израиль.

Индивидуальные процессы

Четыре процесса, описанные выше, которые с основанием или без такового были привязаны к ленинградской попытке угона самолета, оказались последними групповыми делами. Однако им на смену пришла непрерывающаяся череда индивидуальных процессов над евреями, ставшими персонами нон-грата для местных властей в силу ли стремления эмигрировать из Советского Союза, или по причине иных видов деятельности, указывавших на их приверженность еврейскому вероисповеданию и еврейской культуре. Процессы такого рода прошли во многих провинциальных городах страны, в том числе в Свердловске, Виннице, Киеве, Ростове-на-Дону, Дербенте, Харькове. О некоторых из них имеется подробная информация, о других

мы знаем очень мало, и можно не сомневаться, что были еще процессы аналогичного рода, о которых нам вообще ничего не известно.

Кое-кого из евреев, проходивших по этим процессам, можно с полным основанием причислить к "активистам" в том смысле, что они постоянно досаждали местному начальству петициями, протестами, демонстрациями и тому подобными выступлениями. Другие же провинились, по-видимому, только тем, что начали оформлять документы на выезд из страны. Во всех случаях, описываемых здесь, обвинение либо строилось на чрезмерно раздутых пустяковых проступках обвиняемых, либо было просто сфабриковано.

Любимым оружием властей является обвинение в "злом хулиганстве" и "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" по статьям 206 и 190-1 Уголовного кодекса РСФСР или соответствующим статьям уголовных кодексов других республик. Обвинения такого рода не нуждаются в документальном подтверждении и легко могут быть подкреплены лжесвидетельством. Так, например, в ноябре 1973 года киевлянин Александр Фельдман был осужден на 3,5 года за "хулиганство", состоявшее в том, что он выбил торт на улице из рук какой-то женщины и обругал ее нецензурными словами. Ранее в том же году ростовчанин Лазарь Любарский получил 4 года по статьям 190-1 и 75 Уголовного кодекса РСФСР. В статье 75 говорится о "разглашении государственной тайны".

Обвинение было построено на эпизоде пятилетней давности, когда инженер-конструктор Любарский получил административный выговор за то, что, пытаясь отстоять свой вариант сметы, пока-

зал главному бухгалтеру своего института чертеж электростанции с грифом секретности. И Любарский и Фельдман были закоренелыми "петиционерами" и "подписантами".

Но, очевидно, наиболее отвратительным примером подобной практики судебного произвола явилось дело Исаака Школьника, механика на заводе автоматики в украинском городе Виннице. К моменту его ареста в июле 1972 года было широко известно, что он и его семья собираются эмигрировать в Израиль и дело только за вызовом.

При аресте Школьнику было предъявлено обвинение в распространении заявлений, порочащих советское государство, за что он мог получить максимум 3 года лишения свободы. Вскоре Школьнику предъявили новое обвинение в антисоветской агитации и пропаганде, преступлении, наказуемом заключением на срок уже до 7 лет. Однако то были только цветочки. Школьник не имел академического образования, но отличался активным и пытливым умом. В 1968 году он познакомился с несколькими английскими инженерами, работавшими в то время в Виннице. При обыске его квартиры были изъяты английские журналы, письма от английских друзей и визитная карточка одного из зарубежных инженеров. После полугода предварительного заключения Школьнику было предъявлено обвинение в государственной измене и шпионаже в пользу английского правительства.

Английские власти категорически отвергли эту формулировку, и, когда Школьник предстал наконец перед судом, обвинение гласило: "шпионаж в пользу Израиля". Никаких доказательств того, что подсудимый когда-либо мог встретиться или

вступить в контакт с каким-либо израильским агентом, не было и в помине, да и вообще суду не было представлено никаких документальных подтверждений вины подсудимого. Поэтому прокурор построил обвинение на смехотворном предположении о том, что Школьник, знавший лишь азы механики, пытался запомнить технические данные о своем предприятии, с тем чтобы по приезде в Израиль продать добытые таким образом сведения.

Школьника судил Военный трибунал, приговоривший подсудимого к 10 годам заключения. По кассационной жалобе защиты этот срок был снижен до 7 лет. В ходе процесса над Школьниковым помимо абсолютно явной фальсификации доказательств и их полной нелепости были допущены и другие грубейшие нарушения норм судопроизводства. В настоящее время Школьник находится в исправительно-трудовом лагере для политзаключенных неподалеку от уральского города Перми. Если приговор не будет смягчен, ему предстоит пробыть в лагере до апреля 1980 года.

Глава 2.

ПРОЕКТ АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Советские власти ведут в целом жесткую, но не последовательную политику в отношении еврейской эмиграции. Несмотря на то что явная цель этой политики состоит в сокращении эмиграции путем запугивания, к моему удивлению, практически всех родственников евреев, осужденных в вышеописанных процессах, отпустили в Израиль*. Так, например, дочери Дымшица, жены Бут-

* Объяснение подобной непоследовательности, ви-

мана, Михаила Коренблита и еще двух подсудимых, проходивших по Второму ленинградскому процессу (Каминского и Ягмана), жены Черноглаза и Школьника и многие другие покинули Советский Союз и ныне проживают в Израиле.

Более того, власти придерживаются аналогичного принципа и в отношении отбывших наказание заключенных. Абсолютно все, кто стремился выехать (иными словами, практически 100% заключенных), получили выездные визы в какие-то месяцы по выходе из заключения. В результате этого к осени 1973 года, т. е. к началу реализации нашего проекта, большинство осужденных на Кишиневском и Рижском процессах, несколько человек из группы, проходившей по Второму ленинградскому процессу, а также Валерий Вудка из рязанской группы оказались в Израиле.

Это означает, что в период с 1971 по 1973 г. в Израиль прибыла большая группа освобожденных узников и их родственников, а также родственников заключенных. Оказавшись в Израиле, они, естественно, начали думать о том, как помочь своим друзьям и родственникам в Потьминском, Пермском и других лагерях, как добиться их освобождения или хотя бы смягчения лагерного режима. Многие из эмигрантов — люди образованные и достаточно хорошо знакомые с советской системой законности, чтобы понимать, как часто на процессах допускались нарушения норм судопроизводства, принятых в Советском Союзе.

димо, следует искать в том, что родственники заключенных и диссидентов зачастую служат источниками неблагоприятной для советского режима информации. Поэтому власти и не препятствуют им в стремлении покинуть страну.

Точно так же для них очевидны и причины (о чем будет сказано ниже), по которым советские адвокаты не могли или не желали выступить в полную силу на стороне своих подзащитных.

В начале 1972 года в поисках помощи евреям-заключенным в Соединенные Штаты прибыли Сима Каминская (жена Лассалья Каминского, приговоренного к заключению сроком на 5 лет на Втором ленинградском процессе) и Миндель Вайнгель (золовка Черноглаза). Конкретного плана у них не было, но они, в частности, намеревались заручиться поддержкой американских юристов, с тем чтобы те с профессиональных позиций представили высшим юридическим инстанциям Советского Союза картину вопиющих нарушений советских же процессуальных норм на процессах, и на этом основании добивались облегчения участи заключенных.

Любопытно, что та же мысль возникла и у небольшой группы ньюйоркских юристов, которая образовалась в 1967 году по следам Шестидневной войны на Ближнем Востоке. После того как Советский Союз порвал дипломатические отношения с Израилем, в печати появились сообщения о растущем преследовании советских евреев в самых разных формах. С целью проверки этих сообщений на месте в Советский Союз отправились два американских юриста — Бэртон Робертс и Карл Вигари.

Однако деятельность ньюйоркской группы приобрела размах лишь в 1970 г. вслед за Первым ленинградским процессом, на котором ряду подсудимых были вынесены смертные приговоры, и ввиду надвигавшихся процессов евреев в Риге и Кишиневе. Центральную роль в этой группе играли в то время старший юрисконсульт страховой

компании "Эквитабл лайф ащюренс сосайети" Мелвин Стайн, ньюйоркский юрист Аллен Шварц и прокурор округа Кингс Каунти Юджин Голд. Весной 1971 года Голд и Роберт Леонард, прокурор из города Флинт в штате Мичаган, посетили СССР, где они имели встречи с официальными лицами в Москве, Ленинграде, Кишиневе и Риге. Деньги на их поездку были собраны прихожанами двух ньюйоркских синагог. Позднее аналогичные поездки, направленные на то чтобы продемонстрировать советским властям глубокую озабоченность американской юридической общественности по поводу еврейских процессов, совершили Николас Скопетта, занимающий должность специального уполномоченного по расследованиям города Нью Йорка, ньюйоркский юрист Дэвид Голдстайн и другие.

Тем временем у Стайна и Шварца возникла идея о том, чтобы американские юристы подняли вопрос о законности процессов. Стайн поделился своими мыслями с Джерри Гудманом, исполнительным директором Национальной конференции по делам советских евреев — той самой организации, что организовала поездку в Америку Симы Каминской и Миндель Вайнгер. Гудман сразу понял, что группа Стайна и гости из Израиля одновременно и независимо друг от друга пришли к одной и той же идее, и устроил встречу обеих женщин с Голдом, Стайном и Шварцем. На встрече также присутствовали сам Гудман и Филип Баум от Американского еврейского конгресса. Вот как описывает Стайн, что произошло:

"С самого начала встреча была очень волнующей. Женщины приветствовали нас дружеским рукопожатием и представились: "Сима Каминская из Ленинграда. Миндель Вайнгер из Ленинграда".

Без преувеличения скажу, что просто услышав эти простые слова — всего лишь имена и название города, произнесенные спокойным тихим голосом, — я как бы перенесся через годы и континенты. Полагаю, что мои товарищи испытали то же. Мы мгновенно ощутили единение с нашими братьями, томящимися в тюрьмах по ту сторону океана, хотя между нами пролегло огромное расстояние — больше, чем океан. Дыхание истории коснулось нас: мы много читали и слышали о притеснениях, которым испокон веков подвергаются наши единовверцы в России, но лишь в этот момент мы как бы сами стали частью советского еврейства и ощутили родство с жертвами. А вдруг мы хоть в чем-то сможем помочь?..

Помнится, за обедом Гудман сообщил нам о намерении его гостей заручиться поддержкой американских юристов в борьбе за облегчение участи узников совести — жертв Ленинградских и других процессов, причем не только евреев, но и неевреев. Голд, Шварц и я изложили наши соображения по этому поводу. Как нам представлялось, группа видных американских юристов тщательно изучит материалы процессов и сверит их с положениями советского судопроизводства, с тем чтобы выяснить, не явились ли процессы попранием тех самых законов, во имя которых они проводились, и если да — то в какой мере. Если в ходе этой работы выяснится, что нормы советской законности действительно нарушались (а из того, что мы уже тогда знали о процессах, вполне можно было прийти к такому заключению), мы подготовим тщательно разработанное высокопрофессиональное судебное дело и представим его советскому правительству в достойной форме и без шумихи.

Если такое представление возымеет действие — прекрасно; если же нет — результаты расследования будут преданы гласности.

Каминская и Вайнгер горячо одобрили наш проект. По их мнению, советское правительство исключительно остро реагирует на всякое обвинение в нарушении своих собственных законов. Голд, Шварц и я обещали приступить к созданию группы для реализации проекта.

Однако вскоре мы получили официальное уведомление от лиц, специально занимающихся вопросами советских евреев, о том, что правительство США предпринимает негласные усилия по дипломатическим каналам в пользу заключенных и что в этой связи целесообразность нашего проекта представляется сомнительной. Поэтому мы решили помириться с нашими планами.

К лету 1973 года, более чем через год после нашей встречи с родственниками узников, надежды на улучшение участи заключенных так и продолжали оставаться только надеждами. Похоже было, что все-таки придется дать ход нашему проекту”.

Лично я узнал об этом проекте в сентябре 1973 года от Николаса Скопетты. Впоследствии я встретился с ним, Стайном и Голдом, которые попросили меня присоединиться к их группе. Мне также сообщили, что профессор права Гарвардского университета Алан Дершовиц, которого я когда-то знал студентом юридического факультета Йела, согласился войти в состав нашей группы и что через него мы можем заручиться поддержкой юристов — знатоков советского права, к каковым я, увы, никак не мог себя причислять.

Вскоре мне стало ясно, что наиболее важным советским официальным лицом для целей нашего

проекта является Генеральный Прокурор СССР, который выполняет примерно те же функции, что и Атэрни Дженерал в США (министр юстиции), но облечен несколько более широкими полномочиями, во всяком случае формально. Главное же, Генеральный Прокурор в Советском Союзе имеет право надзора над обвинителями на процессах и администрацией трудовых лагерей и тюрем, и может назначить любое уголовное дело к пересмотру. С начала 50-х годов должность Генерального Прокурора СССР занимает Роман Руденко — главный советский обвинитель на 1-м Нюрнбергском процессе 1945-1946 гг. В Нюрнберге я выступал в роли помощника обвинителя в составе американской группы, возглавлявшейся членом Верховного суда Робертом Г. Джексоном. В мои обязанности входило, в частности, поддержание контактов с советской группой, благодаря чему я неоднократно имел возможность непосредственно общаться с Руденко. Мои коллеги по данному проекту решили, что мои давние личные связи с Руденко по крайней мере дадут нам прямой доступ к Генеральному Прокурору и облегчат прохождение наших материалов по советским инстанциям.

Сначала новизна проекта меня смущала, однако по зрелом размышлении я пришел к выводу о том, что исследовать проблему во всяком случае стоит. Доступные нам публикации о процессах явно ставили под сомнение их законность в рамках советского права. Сильны были и гуманные побуждения. Да и какой подлинный профессионал не соблазнится возможностью попробовать свои силы на редко возникающих глубоких проблемах принципиальной важности, равно как и на интересных проблемах тактического толка?

Работа по проекту почти наверняка означала поездки и в Израиль, и Советский Союз и встречи с интересными людьми, неважно, союзниками или противниками. Кроме того, некоторые из советских юристов, с которыми я свел знакомство в Нюрнберге, показались мне тогда людьми знающими и способными прислушаться к аргументам, отрицающим принципы и понятия права. Конечно, шансы на успех были невелики, но попытаться стоило, и я сообщил Мелвину Стайну о том, что я согласен войти в состав его группы и принимаю его план, во всяком случае до тех пор, пока мы не сможем более точно оценить его.

Вскоре после этого в США приехал Аркадий Волошин, один из обвиняемых на Кишиневском процессе, который был приговорен к 2-м годам заключения и по выходе на свободу получил разрешение эмигрировать в Израиль. Стайн, Скопетта и я встретились с ним. Разговор оказался очень плодотворным, и не столько в плане новой информации о Кишиневском процессе, сколько потому, что он продемонстрировал скудость нашего багажа. Дело в том, что наши убогие сведения о советском уголовном праве позволили нам задать всего несколько вопросов по существу дела, причем даже на эти вопросы мы не смогли получить удовлетворительного ответа вследствие языкового барьера. Стало ясно, что без экспертов в советской правовой практике и без переводчиков нам не обойтись.

Выручил нас Алан Дершовиц. Благодаря его усилиям, нам удалось вскоре завербовать специалиста в области советского уголовного права приглашенного профессора Джорджа П. Флетчера с юридического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, который в тот год

работал в Гарварде. Спустя некоторое время Флетчер и Дершовиц с помощью ряда гарвардских коллег составили несколько памятных записок по вопросам судопроизводства в Советском Союзе.

Поначалу приток новой информации лишь усугубил наши трудности. Так, советской системе совершенно чужд основополагающий принцип американской правовой практики, согласно которому материалы судебного разбирательства и решение суда открыты для всех желающих. В Советском Союзе, напротив, подобные материалы закрыты не только для общественности, но иногда даже и для заинтересованных сторон. За исключением нескольких отрывков, вывезенных из Советского Союза нелегально и не имевших юридической силы, в нашем распоряжении не было решений суда и кассационной инстанции. Сообщения советской прессы, разумеется, носили чисто официозный характер. Хотя по советским законам процессы считались "открытыми", на самом деле они были закрыты для прессы, иностранцев и широкой публики и проходили в присутствии тщательно отобранной аудитории. Обычно близкие родственники подсудимых допускались в зал суда, но в ряде случаев даже им было отказано в этом элементарном праве.

Мы также столкнулись с проблемой статуса: в какой мере мы могли претендовать на роль защитников подсудимых. Нам было известно, что некоторые родственники заключенных выражали желание иметь американских юристов, но именно в роли официальных защитников на суде, а с моей точки зрения, это было совершенно исключено. Прежде всего ни один из нас не принадлежал к советскому сословию адвокатов и стало быть

не имел права практиковать в пределах страны. Но самое главное, у нас не было никакой связи с заключенными, каждый из которых был представлен как на процессе, так и в кассационном суде советским адвокатом. Могли ли мы прилететь в Москву и просто заявить, что мы представляем интересы заключенных, не имея ровно никаких на то полномочий?

Из всего вышесказанного логически вытекало, что первые серьезные шаги должны быть приняты в Израиле. Родственники узников, естественно удрученные невозможностью оказать помощь и поддержку своим близким, томящимся в заключении, рвались в бой. С точки зрения американских правовых норм они имели все основания обратиться в суд. Это открывало перед нами перспективу реального действия: поехать в Израиль и в личных встречах заручиться официальным согласием родственников заключенных, если они того пожелают, выступить в защиту интересов узников от их имени.

Однако, не имея веских доводов в пользу обвиняемых, нам не было смысла приниматься за дело, да и для заключенных и их родственников это в конечном итоге обернулось бы горьким разочарованием. А к тому времени стало ясно, что если где-то и можно прийти к конкретному решению, то только в Израиле. Именно в Израиле можно было связаться с бывшими заключенными, отбывшими свой срок и получившими разрешение эмигрировать. Именно в Израиле можно было встретиться с родственниками, которые побывали на процессах и имели возможность хоть и крайне редко, но все же посещать своих близких в местах заключения. Если не считать немногих отрывочных судебных материалов, тайно вы-

везенных на Запад, эти категории лиц представляли собой единственный источник подлинной информации о том, как все было, с момента ареста до суда и далее при отбытии осужденными наказания. Естественно, такие показания нельзя признать полностью объективными, но иных свидетельств у нас не было. И вот поздней осенью 1973 года мы все пришли к выводу, что следующий и очень важный этап нашей кампании должен проходить в Израиле.

Глава 3. СБОР ИНФОРМАЦИИ

30 декабря 1973 года Джордж Флетчер и я прибыли в Израиль для переговоров и консультаций с родственниками узников и бывшими заключенными. Наши встречи в Тель-Авиве были организованы Общественным советом помощи советским евреям при личном участии вице-председателя совета Залмана Абрамова и профессора международного права Тельавивского университета Йорама Динштейна. Совет также выделил нам в помощь переводчиков и стенографисток. (Перевод был нужен прежде всего мне, поскольку Флетчер хорошо говорит как по-русски, так и на иврите.)

Нас разместили в отеле "Плаза" в Тель-Авиве, где спустя несколько дней к нам присоединился сначала Алан Дершовиц, а вслед за ним — Джин Бейкер — бостонская юристка, ранее сотрудничавшая в ряде дел с Дершовицем, которая согласилась войти в состав нашей группы. Мы пробыли в Израиле около 10 дней. Все это время целиком и полностью ушло на встречи с бывшими советскими гражданами, составление заметок и прове-

дение совещаний, на которых мы обменивались новыми сведениями, оценивали их важность и решали, какие дополнительные данные нужны, чтобы до конца прояснить ситуацию.

Из родственников заключенных мы провели встречу с женой Кноха, старшей дочерью Дымшица, сестрами Менделевича и дядей Залмансонов (Первый ленинградский процесс); женами Бутмана, Каминского, Ягмана и Михаила Коренблита (Второй ленинградский процесс); женой Черноглаза (Кишиневский процесс); отцом и братом Грилюса (Рязанский процесс), а также с женами Маркмана и Школьника. Из бывших узников мы встречались со Львом Коренблитом, Дрейзнером и Богуславским (Второй ленинградский процесс), Шуром и Левитом (Кишиневский процесс) и Валерием Вудкой (рязанское дело).

Все они либо присутствовали на процессах над их родственниками, либо сами сидели на скамье подсудимых. Никто из наших свидетелей не имел юридического образования, однако в целом они проявили достаточную осведомленность в области советского судопроизводства, чтобы описать ход процессов и указать на случаи нарушения прав подсудимых. В подобных встречах набралось довольно много материала. Перекрестная проверка показаний разных свидетелей показала, что кое-какие злоупотребления появлялись практически на всех процессах. Так начала выявляться общая схема, по которой они проводились.

По сути дела во всех случаях арест сопровождался обыском квартиры арестованного с изъятием всех документов и объектов, связанных с Израилем и иудаизмом, а также писем из-за границы и средств распространения информации, включая пишущие машинки. Затем арестованно-

го содержали без свиданий с родственниками в предварительном заключении, как правило, все 9 месяцев, разрешаемых советским законом, и лишь по истечении этого срока ему предъявлялось официальное обвинение и давали ознакомиться со своим делом. В течение предварительного заключения арестованных и потенциальных свидетелей подвергали длительным допросам.

Все это в принципе не противоречит советским законам, но то, что происходило потом, являло совершенно иную картину. Так, по советским процессуальным нормам подсудимый имеет право сам выбрать себе защитника. Тем не менее, стоило родственникам заключенных приступить к поискам защитников, неизменно выяснялось, что в "политических" делах — а именно к этой категории были причислены рассматриваемые случаи — адвокат не имеет права взять на себя ведение дела без особого допуска. Встречи подследственных с адвокатами жестко ограничивались во времени и проходили под строгим контролем; как правило, адвокатам не давали делать выписки из дел их подзащитных.

Когда же подследственные представляли, наконец, перед судом, их ожидали новые "сюрпризы". По статуту судебные дела в Советском Союзе обычно носят открытый характер. Однако власти позаботились о том, чтобы за исключением родственников подсудимых, да и то не всегда, в зале суда сидела подобранная публика из числа твердых партийцев, получавших специальные пропуска. Другие категории лиц на процессы не допускались. Многим, а иногда и всем свидетелям защиты отказывалось в праве выступить со своими показаниями. В тех случаях, когда подсудимые обвинялись, в частности, в распространении

антисоветской литературы, суд неизменно полагался на мнение обвинителя относительно характера представленных материалов и не допускал свидетельств или доказательств противного.

Таковы нарушения процессуальных норм, которые сопутствовали всем (или почти всем) процессам. Но случались и местные отклонения, нигде более не повторявшиеся. Так, например, когда Михаил Коренблит, вызванный в качестве свидетеля на Первом ленинградском процессе, собрался сказать что-то, что могло поставить обвинение в неловкое положение, его тут же вывели из зала суда, и защитники так и не смогли допросить его. Статья о государственной измене, предъявленная подсудимым на обоих ленинградских процессах, была прозрачной и неуклюжей попыткой вооружить суд более суровой карательной мерой.

Некоторые адвокаты на процессах вели защиту весьма активно. Другие просто советовали своим подзащитным признать вину и лишь указывали суду на смягчающие обстоятельства. По всей видимости, такой подход свидетельствует скорее о проницательности, нежели о робости защитников, поскольку активность храбрых адвокатов, кажется, мало чем помогла их подзащитным, в то время как раскаяние подсудимых принесло свои плоды. Правда, покаянных речей было немного, ибо в основном подсудимые действовали по убеждению и, за исключением участников попытки угнать самолет, считали, что ничем не провинились перед законом. Можно не сомневаться, что решение родственников заключенных обратиться к услугам американских юристов было отчасти вызвано поведением наших советских коллег.

После вынесения обвинительного приговора почти все подсудимые были отправлены в испра-

вительно-трудовые лагеря близ Потьмы в Мордовии и в районе Перми на Урале. Среди заключенных попадались монархисты, украинские и прибалтийские националисты и прочие диссиденты необычного толка, однако в большинстве своем это были лица, осужденные за пособничество нацистам во время 2-й мировой войны. Горстка евреев стала легкой добычей для этих многочисленных ярых антисемитов, многие из которых были лагерными старожилками, превратившимися в своего рода "доверенных лиц" лагерной администрации. Евреи подвергались постоянной дискриминации в отношении пищи, свиданий, почты, норм выработки и иных наказаний и поощрений лагерной жизни. Это неизбежно толкало их на нарушения лагерной дисциплины, что влекло за собой дополнительные наказания, такие, как длительные сроки карцера, лишение свиданий с близкими и т.п.

Особенно тяжело пришлось набожным евреям, пытавшимся строго блюсти религиозные законы в отношении одежды и пищи. В их числе оказались братья Вудка, Грилюс, Черноглаз и Менделевич. Братья Вудка и Черноглаз так твердо стояли на своем, что специальный трибунал прибыл в лагерь, представил их на суд и приказал перевести Вудку во Владимирскую тюрьму, известную еще более суровым режимом, чем лагерь.

После недели пребывания в Израиле мне стало ясно, что имеются все предпосылки оспорить правомочность процессов и норм содержания заключенных в рамках советского законодательства и что нам следует попытаться претворить наш замысел в жизнь. Поскольку дело могло иметь влияние на международные отношения, мы решили, что нужно проинформировать Госдепартамент. Поэто-

28

му 3 января 1974 года я встретился с послом США в Израиле, покойным Кеннетом Китингом, и представил ему полный доклад о нашем проекте и о том, что уже сделано в этом плане.

Последние дни нашего пребывания в Израиле ушли на обработку собранного нами материала, который предполагалось оформить в виде affidavits (заявлений под присягой) бывших заключенных и родственников узников. Мы также подготовили форму доверенности для тех родственников, которые пожелают, чтобы мы их официально представляли. Поскольку вряд ли было бы разумно и справедливо выступить в защиту кого-либо из заключенных без подобной доверенности, было решено действовать только на основе соответствующих полномочий, полученных непосредственно от родственников узников.

По возвращении в Соединенные Штаты мы подготовили эти affidavits и доверенности, в основном силами Джин Бейкер, и отослали их в Израиль. В конечном итоге нам прислали из Израиля официальные поручения выступить в защиту 17 заключенных: 7 — из группы, проходившей по Первому ленинградскому процессу, 4 подсудимых — на Втором ленинградском процессе, Грилюса и Юрия Вудки по рязанскому делу, Черноглаза по Кишиневскому процессу, а также Азерникова, Маркмана и Школьника. Вдобавок нам удалось наладить контакт в Советском Союзе с женами обоих заключенных-неевреев — Федорова и Мурженко — и получить от них доверенности на ведение дел их мужей. Итого к весне 1974 года перед нами лежало 19 дел.

Глава 4. МОСКВА: АПРЕЛЬ 1974 г.

По приезде из Израиля наша группа получила внушительное подкрепление в лице одного из крупнейших в Америке знатоков советского права, к тому же свободно владеющего русским языком, профессора права Йельского университета Леона Липсона.

Теперь у нас в руках было достаточно данных, чтобы выдвинуть весьма веские аргументы, оспаривающие правомочность судебных решений на процессах. Однако оставался главный вопрос: как представить наши материалы? Как иностранцы мы не имели права выступить в советском суде. Рассчитывать на то, что кто-либо из советских юристов возьмется продвигать наши дела от своего имени, не приходилось. Да даже если бы такой юрист и нашелся, вряд ли подобный метод привел бы к чему-либо конкретному. Более того, дела, на которые распространялись наши полномочия, прошли все обычные стадии судебного разбирательства, и добиться их пересмотра можно было только чрезвычайными средствами.

Советское законодательство предусматривает возможность пересмотра приговоров по уголовным делам посредством процедуры "прокурорского надзора". Согласно этой процедуре, двое из трех лиц, облеченных высшей юридической властью в стране, а именно Генеральный Прокурор и Председатель Верховного Суда СССР*, имеют полномочия оспорить приговор суда на том или ином основании, в том числе при наличии грубых нарушений

* Третьим является министр юстиции.

процессуальных норм или в случае неправильного толкования судом законоположений. Вмешательство Генерального Прокурора или Председателя Верховного Суда СССР может повести к пересмотру оспариваемого дела или даже закрытию судопроизводства по данному делу. Генеральный Прокурор и Председатель Верховного Суда СССР правомочны выступать по своему усмотрению. Поэтому мы решили, что имеет смысл ходатайствовать перед одним из них или обоими с просьбой воспользоваться своими полномочиями и опротестовать решения суда по делам наших подзащитных на основании судебных ошибок, которые будут продемонстрированы в наших материалах. Кроме того, Генеральный Прокурор наделен полнотой власти по надзору за местами заключения и отвечает за соблюдение всех правил содержания заключенных и за устранение их нарушений.

Мы знали, что на посту Генерального Прокурора находится Роман Руденко, с которым я был в Нюрнберге. Но мне как-то в голову не приходило, что Председатель Верховного Суда Лев Смирнов — тот самый помощник Руденко на Нюрнбергском процессе, с которым мы вполне благожелательно раскланивались, хотя и не имели серьезных профессиональных контактов.

Никаких правовых препятствий к тому, чтобы наши материалы были приняты Генеральным Прокурором или Председателем Верховного Суда, не существовало. С другой стороны, ни тот, ни другой не обязаны были это сделать. Откровенно говоря, я не верил, что наш план сработает, но других возможностей мы не видели.

Как же лучше всего к ним подойти? Мне не хотелось писать им из Америки и объяснять в письме причины, по которым мне желательно с

ними встретиться. В таком случае я рисковал получить ответ, что моя поездка в Советский Союз для такой цели нежелательна, и что во въездной визе мне будет вследствие этого отказано. Точно так же представлялось малоперспективным ехать в Москву обычным туристом, добиваться аудиенции в качестве частного лица, желающего возобновить старое знакомство, и в нужный момент выложить на стол наши материалы. Такой недостойный образ действий с полным основанием будет истолкован как злоупотребление законами гостеприимства. И, наконец, подготовка дел в официальном виде для представления их в советские юридические инстанции требовала большого труда, и вряд ли имело смысл заваривать кашу, не имея хоть доли уверенности в том, что труд будет затрачен не понапрасну и наши материалы пойдут по назначению.

Ввиду всех этих соображений я и заключил, что лучше всего будет предварительно встретиться с Руденко и Смирновым и заручиться их согласием принять материалы. 15 марта 1974 года я написал им обоим о том, что собираюсь быть в Москве в период с 29 марта по 6 апреля и хочу встретиться с ними "для возобновления старого знакомства и обсуждения вопросов профессионального характера, представляющих обоюдный интерес". Ответа на письма не последовало, но визы на деловую поездку в Москву Джорджу Флетчеру и мне выдали без всяких затруднений. В пятницу 29 марта мы прибыли в Москву и остановились в гостинице "Россия". Алан Дершовиц и его сын Элон приехали в Москву независимо от нас на пару дней раньше.

На следующий день я пошел в американское посольство с целью объяснить причины нашего

приезда в Москву (которые оказались им известными в результате моего разговора с послом в Тель-Авиве Китингом) и заодно попросить содействия в организации встреч с Руденко и Смирновым. Поскольку наше предприятие носило в основном частный характер, посольство совершенно справедливо отказалось занять какую-либо позицию по существу вопроса, но оба раза, когда мы были в Москве, сотрудник посольства Мелвин Левицкий всячески помогал нам в получении аудиенций и иных делах.

Ни Руденко, ни Смирнов на наш запрос не ответили, поэтому в понедельник 1 апреля мы с Флетчером отправились в прокуратуру, здание которой находится неподалеку от гостиницы по адресу: Пушкинская ул., 15-а, и оставили записку на имя Руденко. В записке говорилось, что мы остановились в "России" и ждем, что он с нами свяжется. На этот раз нас провели в кабинет работника прокуратуры, некоего Цыбульника, который, как нам было известно, уже принимал ранее американцев и, видимо, служил своеобразным буфером между руководством прокуратуры и иностранными посетителями. Цыбульник сообщил нам, что Руденко нездоров и находится за городом, но нам сообщат, сможет ли он нас принять.

На следующий день мы совершили аналогичный поход в Верховный Суд СССР и узнали от секретарши, принявшей наше письмо, что у Смирнова недавно был инсульт. (Руденко впоследствии сказал мне, что Смирнов идет на поправку, но увидеть его нам не довелось ни разу.)

К четвергу 4 апреля от Руденко по-прежнему не было никаких известий. Ожидание было особенно томительным, поскольку кто-то из нас, либо

Флетчер, либо я, должен был неотлучно дежурить у телефона на случай, если Руденко все же позвонит. Правда, вечерами мы были свободны и поэтому смогли сходить на симфонический концерт, посмотреть балет в Большом театре и послушать "Псковитянку" Римского-Корсакова — великолепную оперу, которую почти не ставят за пределами России. Однако время шло, а в субботу мы должны были улетать из Москвы.

И все же письмо Смирнову сделало свое дело. Не будучи в состоянии лично принять нас, Смирнов проявил большую любезность и поручил Генеральному секретарю Ассоциации советских юристов Галушко встретиться с нами в гостинице. Галушко приехал в четверг ближе к вечеру, и мы с Флетчером объяснили ему цель нашего приезда и тему, которую мы надеялись обсудить с Руденко.

Галушко был сама любезность, но видно было, что наша идея вызвала в нем чувства далекие от восторга и что в его глазах дело это весьма скользкое. Он согласился передать полученную от нас информацию в Прокуратуру, но выразил сомнение в том, что Руденко вернется в Москву до нашего отъезда.

Пятница 5 апреля была последним днем нашего пребывания в Москве. Где-то к середине дня, не имея никаких новых сведений, мы оставили всякую надежду и примирились с тем, что придется возвращаться домой с пустыми руками. Флетчеру очень хотелось походить по книжным магазинам, и, так как дежурить у телефона более смысла не было, около 4 часов дня он ушел из гостиницы.

Примерно через час зазвонил телефон. Я поднял трубку и с помощью тех немногих русских слов, которые я знаю, понял, что на другом конце про-

вода находится первый заместитель Генерального Прокурора М.П. Маляров. Но мой убогий запас русских слов был явно не достаточен для того, чтобы поддерживать разговор. Поэтому через несколько минут мне перезвонил уже переводчик и сообщил, что Руденко все еще нездоров, но Маляров примет меня в здании прокуратуры как только я смогу туда добраться. Мне также предложили прийти со своим переводчиком.

Найти Флетчера не было никакой возможности, и я заказал переводчика через "Интурист"— мужчину средних лет с прекрасным английским языком, явно специально выбранного для такого случая в предпочтение милым девушкам, обычно сопровождающим иностранцев. Мы взяли такси и поехали в прокуратуру.

Маляров — суровый коренастый человек уже в годах — принял меня предельно корректно, но сухо. Он извинился от имени Руденко за то, что тот не смог меня принять, после чего мы без дальнейших околичностей перешли к делу. Маляров слушал меня внимательно и лишь изредка вставлял вопросы: "Итак, американский юрист приезжает в Москву как представитель советских граждан?" Я ответил в достаточно вежливой форме, что представляю не заключенных, а их израильских родственников. Маляров ничего не сказал, но саркастически улыбнулся: "А откуда вы получили сведения об этих процессах?" Я объяснил, что от родственников заключенных и от бывших узников. "Почему вы верите в их добросовестность?" Я ответил, что мы произвели наивозможно тщательную перекрестную проверку показаний разных свидетелей, и добавил, что буду рад ознакомиться с официальными протоколами судов, если таковые мне будут предоставлены. На это

последовал резкий отказ: "У вас свои методы, у нас — свои". В заключение разговора я подчеркнул наше намерение действовать строго в профессиональных рамках, избегая всякой гласности. Пусть он подумает, что мы намерены предпринять, если наши материалы не будут приняты.

Маляров не был расположен вдаваться в частности ведения процессов. Он категорически заявил, что процессы велись в строгих рамках закона, и не оставил мне никакой надежды на благополучный исход нашего ходатайства. Он также заявил, что наши материалы не могут быть подшиты к официальным протоколам процессов, однако в самом конце разговора все же разрешил представить прошения от имени заключенных и согласился принять и рассмотреть их.

Это было пределом моих надежд и больше, чем я ожидал. По крайней мере, теперь наши бумаги не будут "возвращены к отправителю", и работа по их составлению не пойдет насмарку. Мы возвращались домой с известной долей удовлетворения от того, что нам, по крайней мере, удалось пробиться на высший уровень прокуратуры, и мы были полны решимости не упустить такую благоприятную возможность.

Глава 5. ПОДГОТОВКА ЗАЩИТЫ

Когда Дершовиц, Флетчер и я вернулись из Москвы, на юридических факультетах университетов подходил к концу очередной семестр. Все мы, включая и Липсона, были крайне загружены преподавательскими обязанностями, поэтому систематическая работа над проектом началась только в середине мая.

Благодаря в основном усилиям Алана Дершовица нам удалось организовать штаб работ на базе юридического факультета Гарвардского университета. В понедельник 20 мая участники проекта в полном составе собрались в Гарварде. Нам отвели помещение, дали доступ в библиотеку и прикрепили к нам стенографисток. Дершовиц, Флетчер, Джин Бейкер и я взяли на себя основную тяжесть юридической работы, в которой нам помогали два юриста, получивших образование в Советском Союзе (они предпочли остаться неназванными), а также молодые ньюйоркские юристы Джозеф Файт и Дэвид Шэкоу. Результаты наших трудов проверял Леон Липсон, при первой возможности приезжавший из Йельского университета.

У нас на руках было 19 дел, причем с самого начала решено было составлять отдельное прошение по поводу каждого из заключенных. Что касается правовых вопросов, то некоторые из них кочевали с одного процесса на другой, поэтому во избежание ненужных повторений мы составили в подкрепление прошений четыре правовых меморандума*.

Первый правовой меморандум касается "права на защиту", как оно определяется в советском законоположении, причем основной упор сделан на постоянное нарушение права подсудимых выбирать себе защитников по своему усмотрению. Второй меморандум охватывает те случаи, когда подсудимым было предъявлено обвинение в антисоветской пропаганде по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР. В нем также излагались факты нарушения советских процессуальных норм при вынесении решений об антисоветском характере изъятых у обвиняе-

* Полный текст всех правовых меморандумов приводится в приложении В, стр.151-185.

мых печатных материалов. В третьем меморандуме речь идет об условиях содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и Владимирской тюрьме. И, наконец, четвертый меморандум касается обвинений в соучастии в измене Родине и хищении государственного имущества в особо крупных размерах, на основании которых были осуждены участники Первого ленинградского процесса, а также Бутман и Михаил Коренблит на Втором ленинградском процессе.

Обвинения, составляющие предмет обсуждения в четвертом меморандуме, послужили основанием для суровых приговоров, вынесенных Бутману, Коренблиту и подсудимым, проходившим по Первому ленинградскому делу.

Дершовиц взялся руководить подготовкой четвертого правового меморандума и большинства прошений по делу Дымшица и его однодельцев. Флетчер выступил в аналогичной роли по трем другим меморандумам. Я взял дело Бутмана, на его основе разработал структуру и форму всех прошений, а затем подготовил прошения по Второму ленинградскому, Рязанскому и Кишиневскому процессам.

Во всех прошениях на имя Генерального Прокурора содержались три ходатайства, поэтому после констатирующей преамбулы и изложения фактов каждое прошение распадалось на три раздела соответственно трем ходатайствам. В 1-м разделе, во всех случаях намного более обширном, чем остальные два, излагались доводы в подкрепление ходатайства о пересмотре приговора в свете статьи 342 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР на следующих основаниях: "односторонность и неполнота дознания", "существенные нарушения уголовно-процессуального закона" или "неправильное применение уголовного закона". 2-й раз-

38

дел взывал к чувству ответственности Генерального Прокурора в духе статьи 32 Положения о прокурорском надзоре "над соблюдением установленных законом правил содержания заключенных" и содержал ходатайство об исправлении нарушений закона, изложенных в этом разделе. Третий раздел прошения содержал ходатайство о смягчении наказания. Согласно конституции это право принадлежит Президиуму Верховного Совета той республики, на чьей территории проводился суд. Поскольку ходатайство о смягчении наказания может исходить как от частных лиц, так и от правительственных органов, суть нашего ходатайства заключалась в том, чтобы побудить Генерального Прокурора войти в Президиум Верховного Совета РСФСР и других соответствующих республик с рекомендацией применить это право.

Измена Родине и хищение государственного имущества

В том разделе всех прошений, где оспаривалась справедливость приговоров, содержались два важнейших положения, касавшиеся большинства заключенных. Первое положение, касавшееся Бутмана и Коренблита на Втором ленинградском процессе и всех обвиняемых на Первом, заключалось в том, что обвинения по статьям, предусматривающим смертную казнь, а именно статье 64 (измена Родине) и 93-1 (хищение государственного имущества в особо крупных размерах), были применены неправильно. Вне всякого сомнения, участники попытки угона самолета действовали противозаконно. Они явно пытались покинуть Советский Союз "без разрешения надлежащих властей" и соответственно этому подлежали наказанию по статье 83.

Возможно, они также были виновны в недонесении о преступных намерениях (статья 88-1) и хищении государственного имущества (статьи 93 и 212-1). Но по всем этим статьям максимальная кара составляет лишение свободы на срок не более 3 лет. Как определяется в статье 64, измена Родине связана с "деяниями, умышленно совершенными... в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР". Ни намерение эмигрировать в Израиль, ни стремление получить политическое убежище как промежуточный этап эмиграции в Израиль никак не могут быть квалифицированы как измена Родине по определению, содержащемуся в этой статье.

Советские обвинители, конечно, сознавали это слабое место в своих построениях и настаивали на том, что намерение изменить Родине явствует из характера литературы, распространяемой внутри сионистских групп. Не подлежит сомнению, однако, что эта литература никоим образом не является покушением на "государственную независимость", "территориальную неприкосновенность" или "военную мощь" Советского Союза. Более того, ни русские Федоров и Мурженко*, ни Дымшиц, которого авиация интересовала больше, чем иудаизм, не имели никакого касательства к литературе подобного толка.

Обвинения по статье 93-1 были столь же неосно-

* В случае Мурженко суд столь рьяно пытался найти в действиях подсудимого хоть что-то, что можно было квалифицировать как намерение изменить Родине, что даже привлек в качестве обоснования приговора свое собственное определение Мурженко как не стопроцентного советского человека.

вательны. Как показано в четвертом правовом меморандуме, хищение толкуется советским законом, как нечто большее, чем просто пользование чужим имуществом без разрешения владельца. В рамках советского закона хищение подразумевает присвоение чужого имущества с намерением не возвращать его и пользоваться им как своим собственным. В планах угона самолета такого намерения не содержалось. Цель заговорщиков состояла в том, чтобы воспользоваться самолетом для бегства в Швецию, после чего они намеревались оставить самолет, который несомненно был бы возвращен в собственность советского правительства. Как указано выше, этот план был несомненно противозаконен, но не по статье 93-1.

Из всего этого ясно, как мне кажется, что советские власти прибегли к статьям 64 и 93-1, невзирая на их совершенную неприменимость к данному делу, с целью поставить подсудимых перед угрозой смертной казни. Неосновательность обвинений по этим статьям подчеркивается тем фактом, что Бодня, выступивший свидетелем обвинения, был осужден только по статье 83, хотя он был полноправным членом группы, планировавшей захватить самолет.

Антисоветская агитация и участие в антисоветской организации

Второй важный правовой вопрос связан с обвинениями по статьям 70 и 72, основанием для которых послужили прежде всего сионистская литература и другие печатные материалы на еврейскую тематику, изъятые в квартирах подсудимых. На этих статьях было построено обвинение на Втором ленинградском, Рижском, Кишиневском и Рязанском процес-

сах. Их также использовали на Первом ленинградском процессе в деле Бутмана и Михаила Коренблота для доказательства их намерения изменить Родине.

Любое обвинение по статье 70, базирующееся на наличии в собственности подсудимого или распространении им литературы, должно быть подкреплено доказательствами того, что эти материалы порочат "советский государственный и общественный строй". Более того, такая литература должна распространяться подсудимым или находиться в его собственности "в целях подрыва советской власти" или "совершения... особо опасных государственных преступлений".

Но, как показано во 2-й памятной записке, эти важнейшие формулировки вообще не фигурировали в ходе процессов. Причина очевидна: сионистская литература, изъятая у подсудимых, не могла быть квалифицирована как подрывная и, стало быть, не подпадала под статью 70. Подобным же образом не было и намека на подрывные цели со стороны подсудимых, наличие которых необходимо доказать при предъявлении обвинения по этой статье. Вместо того чтобы представить доказательства, власти включили в дела подсудимых официальный анализ изъятых у них материалов, сделанный то ли Облитом (областной цензурой), то ли Главлитом. Согласно этому анализу материалы, изъятые у подсудимых, полностью или частично подпадают под формулировки статьи 70. На этом экспертизу суд счел исчерпанной, и доказательства противного не были даже допущены к рассмотрению. *По важнейшему пункту обвинения судебного разбирательства вообще не было.* Такое ведение процессов идет вразрез с рядом положений Уголовно-процессуального кодекса, согласно кото-

42

рым все документы, привлеченные обвинением, должны оглашаться (статья 240). В кодексе далее провозглашается, что "суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании" (статья 301), и что подсудимый имеет право "заявить отвод эксперту" и "просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц" (статья 185).

Помимо этого, суд во всех случаях действовал вопреки требованию кодекса о необходимости продемонстрировать наличие подрывных намерений. Более чем ясно, что обвиняемые не стремились к подрыву советского государства, а лишь пытались соблюдать обряды своей религии и углублять свои знания национальной еврейской культуры, а также мечтали воссоединиться с соотечественниками в стране, которую они почитали своей родиной.

Поправление права на защиту

Прочие нарушения советской законности и правовой практики были не столь универсальны, как перечисленные выше, но встречались почти столь же часто и были никак не менее серьезными. Вероятно, наиболее грубым нарушением процессуальных норм явилось несоблюдение правила выбора защитника. По советским законам подсудимому недвусмысленно гарантируется право выбора защитника по его усмотрению (статья 48 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Тем не менее, практически во всех рассматриваемых случаях это коренное право подсудимых грубо игнорировалось требованием суда, чтобы все защитники имели специальный допуск, а также и иными путями. В частности, Бутман помимо инженерного

образования также имел диплом юридического факультета Ленинградского университета. Он заявил, что желает сам защищать себя, согласно статье 50 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, гарантирующей это право обвиняемого. Однако Ленинградская коллегия адвокатов назначила Бутману защитника, а подсудимому было сказано, что отказаться от защитника он не имеет права.

Но, вероятно, самый возмутительный случай нарушения права обвиняемого на защиту имел место в деле Школьника. Когда жена Школьника приступила к поискам адвоката, ей сказали, что в Виннице есть всего один адвокат по фамилии Макаренко, имеющий допуск, необходимый для ведения дел подобного рода. Ей не понравилось, как Макаренко строит защиту, но она не сделала никаких попыток отстранить его в ходе процесса. После того как Школьник был осужден, его жена попросила составить апелляционную жалобу, но тот отказался. Тогда жена Школьника заручилась услугами Сарри, адвоката, рекомендованного ей Московской коллегией адвокатов*. Однако тюремная администрация отказалась допустить нового защитника к осужденному. Тут же объявился Макаренко и настоял на своем праве обжалования приговора (которое, кстати, успеха не имело), хотя жена Школьника от его услуг отказалась. Протесты Сарри и жены Школьника ни к чему не привели.

Нарушения правил содержания заключенных

Советский закон в той части его, где речь идет о наказаниях, содержит много превосходных по-

* Сарри защищал Кноха на Первом ленинградском процессе.

ложений, которые не могут не вызвать одобрения большинства пенологов. В основополагающем труде "Основные принципы законодательства в отношении исправительного труда в СССР и союзных республиках" основной упор делается на исправительные цели заключения и отвергается идея причинения физических страданий заключенным и унижения их человеческого достоинства. Особое место в официальных предписаниях отводится вопросам здоровья и благополучия заключенных. Для того чтобы обеспечить соблюдение этих принципов и правил, а также для предотвращения всевозможных злоупотреблений, Генеральный Прокурор наделен полнотой власти по осуществлению надзора за деятельностью администрации исправительно-трудовых лагерей и тюрем.

Разумеется, получить беспристрастную информацию об условиях содержания заключенных в советских лагерях и тюрьмах практически невозможно. К тому же, лагеря и тюрьмы тоже не одинаковы: в одних условия лучше, чем в других, или, говоря напрямик, в иных местах заключения условия хуже, чем в других. Мы получили нашу информацию в первую очередь от бывших узников, ныне проживающих в Израиле, а также от родственников заключенных, посещавших своих близких в местах заключения, причем большинство свидетелей второй категории принадлежали к числу наших клиентов. Свидетелей было достаточно много, чтобы дать нам солидную базу для перекрестной проверки показаний. Результаты этой работы легли в основу 3-й памятной записки и affidavits (письменных показаний под присягой), приложенных к этой памятной записке и прошениям.

Результаты говорят сами за себя, и нет нужды

повторять то, что можно прочитать в приложениях, где приводятся оригинальные тексты аффидевитов. И все же следует указать на две главные черты, характеризующие общее отношение к евреям-заключенным.

Это в первую очередь трудности и притеснения, с которыми сталкивались заключенные, пытавшиеся соблюдать предписания своей веры, особенно в том, что касается пищи и ношения бород и ермолок. Не подлежит сомнению, что и в других странах тюремная администрация далеко не безгрешна в этом вопросе. Но Уголовный кодекс РСФСР (статья 143) предписывает наказание исправительными работами на срок до 6 месяцев или общественным порицанием любого лица, препятствующего "совершению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан". Более того, Советский Союз как член ЮНЕСКО в 1957 году проголосовал за принятие Стандартных минимальных правил обращения с заключенными, где в статьях 41 и 42 провозглашается благожелательное отношение к соблюдению религиозных обрядов заключенными при условии, что от этого не страдает тюремная дисциплина. В свете этих фактов выходит, что администрация исправительно-трудовых лагерей, где содержались Менделевич, Грилюс и братья Вудка, запрещая заключенным отправлять еврейские религиозные обряды и наказывая их, действовала вопреки закону, и Генеральный Прокурор обязан был вмешаться.

Второй особенностью является практика содержания евреев в лагерях, где большую часть заключенных составляют лица, осужденные за пособничество нацистам. Подобные факты приводятся в аффидевитах Шимона Левита и Валерия Вудки и

подтверждаются рассказами других бывших узников. Так, Валерий Вудка рассказывает, что в лагере ему приходилось сталкиваться с бывшими власовцами. "Среди них был некто Стаплинский, бывший офицер власовской армии. Некий Балашов также пособничал нацистам". Левит пишет более подробно:

"В лагере № 3 было около 450 заключенных. Среди них было 8 евреев, небольшие группы "националистов" (группа, в которую входили вышеупомянутые евреи, украинцы, литовцы и т.д.), так называемые "демократы", "русские националисты" (включая монархистов) и религиозная группа, в которую входили баптисты и Свидетели Иеговы! Все эти группы вместе составляли около 1/4 числа заключенных.

Остальные заключенные, составляющие три четверти личного состава заключенных, были осуждены за преступления, совершенные по обвинениям в сотрудничестве с немецкими фашистами, вторгшимися в Советский Союз во время второй мировой войны. За время, прошедшее между этой войной и до моего заключения, в лагере № 3 были объявлены две амнистии, вследствие которых многие из бывших нацистских коллаборантов были освобождены. Те из них, которые находились в заключении во время моего пребывания в лагере, отбывали большие сроки заключения, т.к. они совершили одно или несколько убийств.

Нацистским коллаборантам предоставлялись для работы лучшие и более выгодные должности, на которых выполнение норм было возможным. Еврейским заключенным давали самые тяжелые работы, причем установленные нормы были на невыполнимом уровне. Например, еврейскому заключенному инженеру Залмансону была вначале дана

техническая работа на заводе автомобильных колес, где работало больше ста заключенных. Однако через несколько недель после его прибытия, когда власти лагеря узнали, что он еврей, осужденный на так называемом Ленинградском процессе по угону самолета, они поставили его на тяжелую физическую работу вместе с другими евреями. В то же время нацистские коллаборанты получили работу в лагере в качестве надзирателей и т.д., а некоторых поставили бригадирами. В результате этого создались условия, которые причиняли евреям постоянные трудности на работе из-за невыполнения норм, и они лишались привилегий получать продукты, посылки, свидания и т.д., в то время как к нацистским коллаборантам относились снисходительно”.

Во всем, что я узнал при подготовке этих дел, ничто так сильно не поразило и не шокировало меня, как эти факты. С другой стороны, именно на них я возлагал наибольшие надежды, полагая, что Руденко, известный как обвинитель на Нюрнбергском процессе, не сможет не предпринять хоть что-нибудь. Однако, как станет ясно из дальнейшего повествования, моим надеждам не суждено было сбыться.

Глава 6. МОСКВА: ИЮНЬ 1974 г.

Помимо своего весьма весомого вклада в составление прошений и памятных записок Алан Дершовиц с помощью Джин Бейкер, Файта и Шэкоу взвалил на себя бремя ответственности за перепечатку, перевод и составление целой горы юридических материалов. Было решено представить материалы в прокуратуру на двух языках, русском и

английском, так что всего набралось 46 документов*.

Найти русские машинки и квалифицированных переводчиков в нужном числе оказалось нелегким делом, и иногда казалось, что мы не успеем все подготовить к 9 июня, когда Леон Липсон и я должны были лететь в Москву. Однако благодаря упорству и долгим часам ночных бдений все важные материалы были подготовлены вовремя, и мы с Липсоном повезли в Советский Союз туго набитые портфели. Мы прибыли в Москву в понедельник 10 июня и остановились в гостинице "Украина".

На этот раз мы без труда получили аудиенцию у Руденко, который передал нам через посредство Левицкого, сотрудника посольства США, что он примет нас в 2 часа дня в среду 12 июня.

В назначенный день начальник канцелярии прокуратуры Владимир Роговин провел нас в конференц-зал Генерального Прокурора. Через несколько минут вошел Руденко в сопровождении переводчика. Роговин присутствовал на встрече, но рта не раскрывал.

Я не видел Руденко с 1946 года. За это время он почти не изменился ни по внешности, ни по манерам. Одет он был в обычный костюм; на лацкане пиджака сверкала Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Руденко находился на посту Генерального Прокурора более 20 лет подряд и, должно быть, проявил немало ловкости, чтобы благополучно избежать превратностей бурной политической жизни тех лет, в том числе и падения своего личного друга и тоже украинца Н.С. Хрущева, могилу которого на Новодевичьем клад-

* 19 прошений и 4 памятные записки на двух языках.

бище я осматривал в мой прошлый приезд в марте.

Руденко принял меня радушно, я бы даже сказал, сердечно, причем у меня не было впечатления, что теплота эта деланая. Более четверти часа мы предавались воспоминаниям о Нюрнберге и некоторых общих знакомых, что настроило нас на несколько меланхолический лад, ибо многих из них уже не было в живых. Руденко не делал попытки прервать поток воспоминаний и перейти к делу, поэтому мне пришлось взять инициативу на себя.

Поскольку Руденко был в курсе моей предыдущей беседы с Маляровым, мне не было нужды повторять все с самого начала. Он сразу же подтвердил согласие своего заместителя принять наши прошения, но категорически заявил, что никаких нарушений закона на процессах допущено не было. Он повторил это несколько раз, несмотря на то, что я просил его воздержаться от суждения до тех пор, пока он не ознакомится с нашими документами. Наконец мне пришлось заметить, что бывали в моей практике случаи, когда новые данные заставляли меня менять казалось бы совершенно твердое мнение. Руденко согласился, что в принципе так бывает, однако незаметно было, что его принципиальное согласие с такой возможностью распространяется на предмет нашего разговора.

В какой-то момент разговора Руденко спросил меня, откуда мы получили информацию о ходе процессов. Я упомянул о показаниях израильских родственников заключенных, и он в первый и последний раз за все время выказал некоторую враждебность. Потом я выслушал длинную лекцию о серьезности такого преступления, как угон самолета. На это я ответил, как только мне удалось вставить слово, что меня в этом убеждать не

приходится, тем более, что обычно угоняют именно американские самолеты, а советские никогда. На это Роговин засмеялся, но Руденко даже не улыбнулся. Далее я сказал, что подсудимые на Первом ленинградском процессе были осуждены не за угон самолета, а за измену родине, а это уже совсем другое дело. Руденко неосторожно ответил, что в то время в советском кодексе не существовало специальной статьи по этому преступлению*. Иными словами, он, по сути дела, признал, что статья об измене родине была применена просто за отсутствием другой подходящей статьи.

В течение всей беседы Руденко вел себя так, как будто речь шла только об участниках попытки угона самолета. О других же процессах он говорить или не хотел, или не смел. Как и ранее, в апрельской беседе с Маляровым, мне не удалось вовлечь собеседника в детальное обсуждение юридических частных вестий процессов. Чувствуя, что разговор наш никуда не ведет, я перешел к просьбам о смягчении приговоров. Руденко вполне логично заметил, что этот вопрос находится в компетенции Президиума, и добавил, что прокуратура не будет выступать "в роли почтальона" и переадресовывать наши ходатайства по назначению. Такой ответ отнюдь не соответствовал просьбе, ибо единственное, о чем его просили, это рассмотреть прошения и представить свое мнение Президиуму.

* Такой закон был принят в январе 1973 года. Статья предусматривает лишение свободы на срок от 5 до 15 лет, а также высшую меру наказания в случаях, когда действия преступников являются причиной "смерти или тяжких увечий".

Далее Липсон подчеркнул, что мы не преследуем цели очернить советские органы правосудия вообще, а стремимся лишь к тому, чтобы, действуя в рамках советской системы, привлечь внимание к нарушениям советских же процессуальных норм. На этом деловая часть встречи закончилась. Руденко сказал, что передаст прошение на рассмотрение Малярову, после чего мы получим ответ, и предложил нам передать документы Роговину. По окончании беседы он пригласил нас в свой кабинет, и мы несколько минут поболтали на общие темы. Затем мы вручили Роговину все наши 46 документов и откланялись.

Перед уходом Липсон спросил Роговина, как скоро можно ожидать ответа, но тот ничего вразумительного не сказал. Мы сообщили Роговину, что пробудем в Москве еще неделю на случай, если от нас потребуются дополнительные разъяснения по поводу наших материалов, но он предложил, чтобы мы сами позвонили Малярову в понедельник.

Поскольку на этот раз нам не было нужды дежурить у телефона, период ожидания прошел много более приятно, чем в прошлый мой приезд в Москву. Погода была почти все время хорошая, мы гуляли в Парке им. Горького и побывали в домах-музеях Толстого, Чехова и Скрябина. В воскресенье мы поехали туристским автобусом на осмотр старинных церквей и монастырей в Суздаль и Владимир, где в то время отбывали заключение Юрий Вудка и Черноглаз*.

Мы дозвонились до Малярова во второй поло-

* За это время Черноглаз отбыл свой срок, вышел из заключения и сейчас живет в Израиле. Бутман, Мешенер и Сусленский были переведены во Владимирскую тюрьму.

вине дня во вторник, 18 июня. Разговор вел Липсон, который переводил для меня содержание беседы. Суть того, что сказал Маляров, заключалась в следующем: Генеральный Прокурор уже заявил нам, что приговоры правильные, и он, Маляров, как заместитель Генерального Прокурора не имеет права придерживаться иного мнения. Такой подход к делу выглядел издевательством и прямо противоречил заявлению Руденко о том, что Маляров рассмотрит петиции и составит свое мнение. Мы спросили, будет ли дан ответ в письменном виде, Маляров сказал: "Нет".

Далее Липсон спросил, собирается ли прокуратура что-нибудь предпринять в ответ на нашу просьбу об улучшении условий содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях. Маляров ответил, что особого отношения к евреям не будет. Из его слов с очевидностью явствовало, что либо он прошений не читал, либо предпочел проигнорировать их содержание, поскольку, естественно, там речь шла не о том, чтобы для евреев-заключенных были созданы особые условия, а лишь напоминалось о необходимости соблюдать советские законы и положить конец практике наказаний и притеснений евреев.

В конце разговора Маляров несколько раз подчеркнул, что если мы желаем добиться облегчения участи заключенных, то нужно, чтобы они сами подали прошения об облегчении их участи в Президиум Верховного Совета РСФСР или соответствующих республик. Когда же Липсон заметил, что заключенные не являются нашими подзащитными, Маляров посоветовал нам поставить в известность об этой процедуре тех лиц, которые прибегли к нашим услугам, с тем чтобы они уже

оповестили своих родственников, отбывающих наказание.

На этом программа нашего пребывания в Москве была исчерпана, поэтому мы проинформировали Левицкого из посольства США о ходе дел, взяли билеты и на следующий день улетели домой.

Глава 7. СОВЕТСКОЕ МОЛЧАНИЕ

Адвокат, вложивший много труда в дело, в которое он верит, склонен чересчур оптимистически оценивать свои шансы на успех. Даже если он отчетливо сознает, что по той или иной причине его доводы скорее всего не будут приняты судом, в тот момент, когда подготовка наконец закончена и он представляет суду, с его точки зрения, неопровержимый материал, мираж победы нет-нет, да и замерцает перед его взором. Не были исключением и мы с Липсоном, и не стоит отрицать, что реакция прокуратуры нас разочаровала. Но в нашем разочаровании не было примеси удивления. Вряд ли кто-либо из нашей группы хоть в какой-то момент серьезно рассчитывал на то, что советские власти покаются в грехах. В конце концов все, что творилось на процессах и в лагерях, было сделано намеренно и в полном сознании противозаконности подобных действий. Почему же им не выкручиваться?

Мы, однако, надеялись, что русским нежелательно опубликование прошений — настолько это были сильные документы, и поэтому они предпочтут пойти навстречу требованиям заключенных при условии, что мы будем придерживаться строго профессиональных рамок, избегая огласки и полагаясь только на прямые переговоры с официальными советскими лицами.

В конце концов число заключенных, о которых шла речь, было ничтожно малым, и с точки зрения советского государства, не все ли равно, просидят они 2 года или 10 лет.

Именно поэтому мы всячески старались, чтобы о нашем проекте не пронюхали газеты, и нам это удалось. Наша тактика заключалась в том, чтобы использовать не сам факт огласки, а ее угрозу, и тем самым дать возможность советским властям спасти свою репутацию. Хотя не приходилось сомневаться, что официальная реакция на словах будет отрицательной, мы надеялись, что на деле все же хоть что-то будет предпринято в положительном смысле.

Более того, казалось вполне вероятным, что наш частный демарш будет истолкован в Москве не изолированно, а в свете общих проблем еврейской эмиграции, положения на Ближнем Востоке и советско-американских торговых отношений. Как бы высоко Руденко не сидел, он вряд ли осмелится принять решение по вопросу, поднятому нами, без одобрения вышестоящих инстанций. Существовала возможность того, что наш проект будет поднят как частный вопрос в рамках предстоящих советско-американских переговоров по вопросам торговли и эмиграции. И чем неопровержимее будут звучать наши доводы, тем больше вероятности пожать плоды ситуации, созревшей благодаря поправке сенатора Генри Джексона к закону о торговле.

Одна из причин, почему мы с Липсоном стремились попасть в Москву именно в начале июня, заключалась в том, что вскоре после нас туда должен был прибыть с официальным визитом президент Никсон. Нам казалось, что наши шансы встретить

сочувственное внимание или хотя бы просто внимание, поднимутся, если советские чиновники, встречи с которыми мы добивались, будут помнить, что их руководители готовятся к скорой важной встрече с президентом той страны, откуда прибыла наша необычная делегация. Насколько реальны были наши расчеты, мы не знаем. Во всяком случае, в ходе нашей встречи Генеральный Прокурор упомянул о предстоящем визите президента Никсона, но лишь в плане развития дружественных отношений, которое, сказал Руденко, имеет место между нашими правительствами.

По возвращении в Соединенные Штаты мы начали думать, как сделать так, чтобы вопрос о судьбе наших заключенных вошел в повестку дня переговоров, которые должны были вскоре состояться между главами правительств СССР и США. Нам было, конечно, известно, что переговоры затронут широкий круг вопросов, касающихся советско-американских отношений и международных отношений вообще. Но у нас были основания полагать, что проблема эмиграции будет фигурировать в этом списке. Вследствие этого мы пришли к выводу, что пришла пора посвятить американское правительство в нашу деятельность в больших подробностях и на более высоком уровне, чем раньше, когда мы просто информировали посольских работников.

Соответственно этому решению 27 июня, когда президент со своей свитой уже находился в Советском Союзе, Юджин Голд и Леон Липсон встретились со специальным советником президента Леонардом Гарментом. Гармент и Голд дружили еще со студенческих лет, когда оба работали в студенческой газете "Ло ривью" в Бруклинском юридическом институте. Гармент с президентом не поехал. Советско-американские отношения и в

56

целом вопросы внешней политики его касались в последнюю очередь. Однако он занимался вопросами гражданских прав, прав человека и нацменьшинств. Липсон так описывает разговор с советником президента:

”Гармент принял Голда и меня в президентском дворце. В течение часа он слушал наш рассказ о том, что мы сделали в качестве представителей родственников заключенных, включая, конечно, и отчет о нашей встрече несколькими днями ранее с Генеральным Прокурором Руденко.

Он подробно расспросил нас о процедурной стороне наших ходатайств об облегчении участи заключенных. Кроме того, мы в качестве примеров детально обсудили несколько дел из нашего досье. Уходя, мы оставили Гарменту комплект английского варианта всех прошений и памятных записок. Он сказал, что подумает, следует ли информировать о нашем деле президентскую группу в Москве, и обещал сообщить нам результаты.

На следующий день Гармент прочел мне и Голду текст сообщения президентской группе, который он составил после того, как проглядел кое-какие материалы из представленных нами. Если не считать некоторых мелких деталей, сообщение Гармента было точным и достаточно всеобъемлющим.

Спустя несколько недель Голд рассказал мне, что, по словам Гармента, послание его было направлено Государственному секретарю и Хельмуту Зонненфельдту (главному советнику Госсекретаря по советским делам) и что вопрос о наших заключенных был-таки поднят в ходе двусторонних переговоров, но на каком уровне и насколько подробно, я не знаю”.

Поскольку в позиции прокуратуры ничего неожиданного не было, упадок духа длился у нас

недолго. Причин приподнимать вуаль секретности над нашим проектом мы пока не видели. Подождем, а вдруг через какое-то время в Москве что-то скажут или сделают, и тогда можно будет судить, есть ли основания надеяться на благоприятный исход ходатайств. Однако пока мы ждали, важно было дать почувствовать прокуратуре, что мы не считаем дело закрытым. Поэтому вскоре по возвращении из Москвы я написал Руденко письмо, где выразил ему признательность за то, что он смог нас принять, а также указал, что устный ответ Малярова никак не соответствовал его обещанию рассмотреть наши прошения*. Я также сообщил Руденко, что мы последуем совету Малярова и посоветуем нашим израильским клиентам связаться со своими родственниками в заключении, с тем чтобы те подавали прошения об облегчении участи непосредственно в президиумы верховных советов соответствующих республик.

Разумеется, наши клиенты были в курсе разговоров с Руденко и Маляровым и в большинстве своем сообщили в письмах заключенным, что надо делать. Однако на самом деле такой курс сулил мало перспектив, ибо большинству заключенных совесть не позволила бы каяться в вине, которую они за собой не чувствовали.

Настаивать на том, чтобы заключенные пренебрегли соображениями совести, мы не могли, да и вряд ли наши настояния возымели бы желаемое действие. Мы сделали несколько предложений относительно стиля подобных прошений, который по нашим понятиям мог оказаться прием-

* Это письмо от 7 июля 1974 года, равно как и другие письма к Генеральному Прокурору, приводятся в приложении "Д", стр. 206.

лемым для некоторых заключенных, а с другой стороны, уложился бы в рамки официальных требований по составлению подобных документов. Насколько мне известно, ни один из заключенных не пошел по этому пути, хотя некоторые их родственники, проживающие в Советском Союзе, такие прошения подавали, но безуспешно.

Почтовая связь между израильскими родственниками и заключенными была ненадежной и медленной. Многие письма и посылки вообще не доходили; часто письма приходили искромсанными цензурой до такой степени, что трудно было понять, о чем вообще идет речь. Словом, у нас не было никакой уверенности, что советы прокуратуры относительно того, как добиваться облегчения их участи, вообще когда-нибудь дойдут до адресатов. По этой причине, а также чтобы еще разок встряхнуть прокуратуру 30 сентября я вновь написал Руденко с просьбой переслать каждому из наших заключенных копию прошения, составленного для него, и письмо с информацией относительно совета прокуратуры по процедуре подачи прошения. Как и все прочие письма, адресованные Руденко, это письмо осталось без ответа.

Тем временем в конце августа из тюрьмы была освобождена Сильва Залмансон. Она заявила, что не уедет из страны, пока ей не дадут свидания с обоими братьями и мужем. Ей устроили короткую встречу с Кузнецовым в Москве, после чего, уступая настояниям властей, она выехала из Советского Союза и 10 сентября прибыла в Израиль. Сначала мы надеялись, что освобождение Сильвы Залмансон является добрым предзнаменованием, но нашим надеждам не суждено было сбыться. К тому же не было никаких свидетельств в пользу того, что выход на свободу Сильвы Залмансон

каким-либо образом связан с нашими усилиями. На сегодняшний день она пока единственный узник совести, досрочно освобожденный властями *.

Шли недели, а на мои письма ответа все не было, как не было никаких признаков того, что власти серьезно рассматривают наши прошения или что-нибудь предпринимают. Естественно, в такой ситуации мы стали подумывать, не пора ли покончить с политикой молчания и предать огласке наш проект и все собранные нами материалы. И лишь предстоявшие переговоры о торговле сдерживали нас той осенью 1974 года.

19 октября были опубликованы письма, которыми обменялись Государственный секретарь Киссинджер и сенатор Генри Джексон, что указывало на успешный исход переговоров. Однако советское правительство отказалось подтвердить содержание этой переписки, а в начале декабря отвергло те, якобы ранее оговоренные соглашения, на основе которых была достигнута договоренность Джексона с Киссинджером.

В течение этих месяцев наша группа в составе Дершовица, Липсона, Стайна, Голда, Скопетты, Гудмана и меня часто собиралась для обсуждения того, как текущие события могут отразиться на нашем проекте. Еще до провала соглашения Джексона с Киссинджером среди нас стала расти уверенность в том, что "тихая дипломатия" ни к чему не приведет. У нас в запасе оставалась тактика оглашения материалов и публичного протеста, которая в прошлом неизменно приводила к нужному результату, как было в случаях со смертными

* См. Послесловие, стр. 75.

приговорами Дымшицу и Кузнецову, с преследованием Пановых и т.п. К концу ноября мы уже все были убеждены, что подобная кампания в печати остается единственной альтернативой и что, по крайней мере, мы ничего не теряем.

Однако нам не хотелось столь резко менять курс, не поставив предварительно в известность наших клиентов. Более того, за год, что прошел с нашей первой поездки в Израиль, туда прибыли еще другие родственники заключенных, а также несколько отбывших наказание узников. Эти последние представляли самый надежный и наиболее свежий источник сведений об условиях содержания заключенных в лагерях. Поэтому, прежде чем предавать наш проект гласности, было решено еще раз съездить в Израиль.

Глава 8. НОВЫЙ МАТЕРИАЛ

В пятницу 13 декабря я вновь оказался в тель-авивском отеле "Плаза". Через два дня приехала моя жена Тоби Голик, тоже юрист, которая присоединилась к нашей группе. А 21 декабря прибыли Алан Дершовиц и Джин Бейкер.

К их приезду я уже успел повидаться с нашими клиентами, а также с родственниками некоторых других заключенных, которые изъявили желание воспользоваться нашими услугами. Я рассказал о том, как продвигается дело, и выразил мнение, что в нынешних обстоятельствах вряд ли удастся добиться чего-нибудь от советского правительства. Я также сообщил им о решении нашей ньюйоркской группы предать дело огласке и спросил, что они думают по этому поводу. Все

единодушно поддержали идею.

Будучи в Израиле, мы провели немало встреч с разными людьми, которых можно подразделить на три группы: наши клиенты, от которых мы ожидали новых сведений из переписки с узниками; стремившиеся войти с нами в контакт другие родственники заключенных, которые незадолго до этого приехали в Израиль; и наконец четверо бывших заключенных, только что прибывших в Израиль. С Сильвой Залмансон мы еще раньше разговаривали в Нью-Йорке.

От наших клиентов мы узнали мало нового. Большинство заключенных, хотя и не все, узнали о нашем проекте, однако, насколько нам известно, ни один не подал прошения о смягчении наказания. С другой стороны, многие их родственники как в Советском Союзе, так и в Израиле подали такие прошения. Некоторые были отклонены, другие остались без ответа. Условия заключения в целом, кажется, не изменились, хотя некоторые заключенные, в первую очередь Бутман и Черноглаз, подвергались наказаниям за разного рода протесты.

В результате наших встреч с родственниками узников у нас появились еще четыре клиента, в том числе Илана Мешенер, жена Иосифа Мешенера из Бендер, который проходил вместе с Яковом Сусленским по Кишиневскому процессу в 1970 году и был осужден на шесть лет. Госпожа Мешенер заявила под присягой, что мужа ее судили закрытым судом, куда не были допущены даже родственники подсудимых в нарушение положений Уголовно-процессуального кодекса, гарантирующих право на публичный суд. Во всех остальных аспектах этот процесс был практически точной копией Второго ленинградского процесса, и так же, как и в Ленинграде, суд в нарушение закона отказал-

ся заслушать свидетельские показания относительно якобы антисоветского характера литературы.

Киевлянин Александр Фельдман и ростовчанин Лазарь Любарский были оба "воинствующими" евреями, которые безуспешно пытались добиться разрешения на выезд в Израиль и досаждали властям письменными протестами против официальных притеснений евреев. Процессы над Фельдманом и Любарским, прошедшие в 1973 году, являются яркие примеры фабрикации, пущенной в ход властями в стремлении заткнуть рот подобным активистам. Фельдман получил 3,5 года за "злостное хулиганство" (статья 206 УК РСФСР) на основе сомнительного обвинения* в том, что он выбил торт из рук прохожей. Любарский был осужден на четыре года по статьям 75 (разглашение государственной тайны) и 190-1 (распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй).

О том, насколько зыбким было первое обвинение, я уже писал во вступительной главе. Второе обвинение было выведено из дневника и заметок Любарского, никогда не предназначавшихся к распространению, как того требует кодекс, а также открытых писем протеста властям.

Дело Пинхасова

Четвертый обвиняемый из нашей новой группы резко отличается от этих образованных и темпераментных активистов. Пинхас Пинхасов работал

* Неофициальные сообщения о ходе суда дают веские основания усомниться в правдивости показаний "жертвы хулиганства", причем председатель суда не дал защите провести перекрестного допроса истицы.

плотником в Дербенте, главном городе Дагестанской Автономной Республики, и никогда не писал писем протеста. Да и вообще ничего не сделал такого, чтобы попасть в поле зрения властей, если не считать того, что он подал заявление с просьбой разрешить выезд в Израиль ему и его семье. Очевидно, Пинхасовы были первой семьей в округе, выразившей желание эмигрировать, поскольку в противном случае трудно объяснить то, что за этим последовало.

Летом 1973 года столица Дагестана Махачкала выдала разрешения на выезд. После этого дербентские власти стали всячески добиваться, чтобы Пинхасов отказался от своего решения, но тот твердо стоял на своем. Тогда 9 сентября 1973 года его арестовали. Жена и шестеро детей Пинхасова выехали в Израиль двумя неделями позже, но его шурин и золовка эмигрировали лишь в следующем году и успели побывать на процессе, проведенном в ноябре 1973 года.

Пинхасова обвинили в рвачестве по статье 92 (злоупотребление служебным положением) и обмане покупателей по статье 156 УК РСФСР. Обвиняемый предстал перед Дербентским городским судом в обычном составе судьи-юриста и двух "народных заседателей". Так случилось, что одним из заседателей была еврейка Рая Мишиева, которая в 1974 году тоже выехала в Израиль. Благодаря этому стечению обстоятельств нам удалось подкрепить показания родственников Пинхасова свидетельством Мишиевой.

Встречу с Мишиевой описал Дершовиц: "Мы попросили организовать нам встречу с ней, но официальный представитель израильских властей сообщил нам, что она не хочет никого видеть и вряд ли согласится сотрудничать с нами. Она была очень

напугана и не знала, какой прием ей окажут в Израиле, когда узнают, что она выступала в роли председателя и вдобавок была партийной и профсоюзной активисткой. Не обращая внимания на это предостережение, мы все же решили повидаться с Мишиевой, как бы мало ни было у нас шансов преодолеть ее сопротивление. Связаться с Мишиевой, чтобы предупредить ее о нашем приезде, нам не удалось, и мы попросту выехали на юг страны и стали искать, где она живет. Сначала выяснилось, что она переехала, но после некоторых расспросов мы все же узнали ее адрес. Оказалось, что Мишиева живет в новом поселении, построенном специально для новоприбывающих советских эмигрантов. Город буквально возник из песков. Пока — это просто рыночная площадь в окружении нескольких оштукатуренных четырех- и пятиэтажных домов без лифта — все очень опрятно, чисто, красиво, но очень и очень скудно. Мы нашли Мишиеву в квартире друзей. Вся обстановка состояла из кухонного столика и стульев, а также нескольких матрасов и раскладушек. Хозяева ждали прибытия из Советского Союза других пожитков. Стоило нам сесть, как нам тут же предложили поесть, причем в числе прочего на стол поставили большую рыбу, завернутую в советскую газету. Из этого мы заключили, что рыба прибыла в Израиль вместе со своими владельцами несколько недель, а может быть, и месяцев назад. Тем не менее, отказаться от рыбы, по нашим понятиям, значило обидеть хозяев, а поскольку наша цель заключалась в том, чтобы вытянуть из председателя как можно больше сведений, мы набрались храбрости и отведали рыбы, она оказалась копченой и довольно вкусной. Во всяком случае мы основательно продезинфицировали рыбу несколькими стаканами водки. Вскоре Мишиева

стала подробно рассказывать историю процесса Пинхасова. Она охотно признала свою роль на суде и столь же откровенно объяснила, что против Пинхасова не было практически никаких улик, но суд был состряпан для того, чтобы Пинхасов и ему подобные и думать не смели об эмиграции в Израиль. Мишьева произвела на нас впечатление все еще убежденной коммунистки. Она в целом защищала советскую систему и отрицала, что ее отъезд из СССР был хотя бы отчасти мотивирован тем, что она увидела на процессе Пинхасова и других судебных разбирательствах аналогичного рода”.

Дербентские власти отказали родственникам Пинхасова в праве нанять московского адвоката и настояли, чтобы его защищал местный юрист Овадия Иляев. Ни один из многочисленных свидетелей, вызванных обвинением, не дал показаний против Пинхасова. Ни одному из свидетелей защиты не дали выступить. В ходе процесса судья Расмазанов поручил Мишиевой передать Пинхасову, что если он отзовет семью из Израиля и останется в Дербенте, суд будет отменен. Пинхасов отказался. Тогда Расмазанов и второй заседатель предложили приговорить его на семь лет. Мишьева, убежденная в невиновности подсудимого, отказалась подписать приговор. Но после того как Расмазанов и второй заседатель снизили предлагаемый срок до пяти лет, все же подписала. По ее словам, если бы она этого не сделала и на этот раз, ее бы вывели из состава суда, и Пинхасов получил бы все семь лет.

После окончания суда Иляев отказался писать апелляционную жалобу. Второй адвокат (их в Дербенте всего двое) также наотрез отказался участвовать в подобном деле. Тогда Пинхасов сам составил жалобу в Верховный суд Дагестанской АССР,

66

а когда она была отклонена, все попытки добиваться пересмотра приговора пришлось оставить просто за отсутствием адвоката, хотя по закону еще оставалась возможность апеллировать в Верховный Суд РСФСР. Пинхасов, в 1959 году потерявший ногу в результате несчастного случая, был заточен в исправительно-трудовой лагерь на территории Калмыкской АССР *.

Аффидевиты Грилюса

В числе лиц отбывших свой срок и приехавших в Израиль за время, истекшее с нашего первого посещения страны**, был Шимон Грилюс, проходивший по Рязанскому процессу, прошение в пользу которого мы написали от имени его отца и младшего брата. Грилюс был только что освобожден из заключения по окончании пятилетнего срока, который он отбывал частично в Мордовии, частично в Перми. Как и Вудке с Менделевичем, ему пришлось особенно трудно из-за его приверженности еврейским религиозным обрядам. Именно от Грилюса мы получили наиболее полные и свежие сведения об условиях содержания заключенных в лагерях. Мы оформили рассказ Грилюса в виде аффидевитов и представили их в прокуратуру в

* Незадолго до опубликования этой книги пришла весть о том, что приговор по делу Пинхасова снизили до двух лет, и, поскольку Пинхасов уже отсидел больше, его выпустили. См. Послесловие, стр. 75.

** Трое других новоприбывших в Израиль, с которыми мы также имели встречи, были Анатолий Гольдфельд с Кишиневского процесса, Владимир Могилевер со Второго ленинградского процесса и Валерий Кукуй, осужденный в 1971 году в Свердловске по статье 190 УК РСФСР. Их показания, однако, добавляют мало нового к тому, что передал нам Грилюс.

подкрепление прошений в пользу Вудки, Черноглаза и Менделевича.

Аффидевиты Грилюса содержат детальное описание того, как обходились в лагере с этими тремя заключенными, включая обстоятельства, при которых Юрия Вудку и Черноглаза перевели во Владимирскую тюрьму. Описывая общие условия, с которыми сталкиваются евреи-заключенные в мордовском и пермском лагерях, он пишет:

"В обеих колониях, в которых я отбывал свой срок, я и другие заключенные-евреи подвергались преследованиям и оскорблениям из-за того, что мы евреи. В обоих лагерях многие заключенные — бывшие нацисты, включая многих немцев. Нацисты сотрудничали с администрацией лагеря, им представлялись лучшие работы, они раздавали пищу, производили обыски и надзор за жилыми помещениями с ведома администрации лагеря.

Заключенные-нацисты часто провоцировали евреев-заключенных, выражая ярый антисемитизм.

В обоих лагерях мне и другим евреям-заключенным было запрещено выполнять обряды нашей религии. Нам не разрешалось носить ермолки, носить бороды, изучать нашу религию и соблюдать религиозные обряды, касающиеся пищи. Еврейские молитвенники и Библии, а также другие письменные документы, относящиеся исключительно к еврейской религии, были конфискованы, и нам постоянно насильно брили бороды.

В январе 1973 г. прокурор Пермской области Мякишев посетил Пермские лагеря и подтвердил, что заключенным-евреям и впредь будет запрещено соблюдать религиозные обряды.

Мякишев заявил, что Декларация прав человека не предназначается для евреев, а предназначается только для негров и, несмотря на то что

христианам разрешалось носить кресты, он не получил никаких инструкций по отношению к тому, что евреям разрешается соблюдать их религиозные обряды”.

Будучи в Израиле, я вновь нанес визит в посольство США и проинформировал сотрудников посольства (посол Китинг находился в то время в США) о том, как продвигается наш проект, и рассказал, что мы намерены в ближайшее время опубликовать наши материалы. В целом по объему и характеру новых сведений поездка удалась. По возвращении домой мы засели за составление прошений в пользу Мешенера, Любарского, Фельдмана и Пинхасова, а также аффидевитов Мишиевой и Грилюса.

Глава 9. МОСКВА: МАРТ 1975 г.

К февралю 1975 года мы завершили работу над четырьмя новыми прошениями и получили аффидевиты в их подкрепление. За время, прошедшее с декабря, мы только укрепились в мнении, что чисто профессиональный подход и конфиденциальность себя не оправдали, и нет смысла более удерживать наш проект в тайне.

Все же, прежде чем приподнять вуаль секретности, окружавшей нашу деятельность, нам хотелось передать новые прошения в прокуратуру и дать советским властям достаточное время на то, чтобы изучить их и дать ответ, если таковой вообще последует. Отправлять прошения по почте значило тратить много времени. Кроме того, метод передачи документов из рук в руки имел то преимущество, что в случае необходимости можно было на месте дать разъяснения.

К счастью, Джордж Флетчер, который предыдущим летом вернулся в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, смог поехать в Москву. Он прибыл в советскую столицу вечером 2 марта, взяв с собой прошения и мое сопроводительное письмо на имя Руденко, в котором вкратце излагалась суть дела. Письмо заканчивалось следующими словами:

”Хочу заверить Вас, что в данном случае у меня и мысли не было подвергать критике систему советского правосудия вообще или пытаться представить ее в невыгодном свете по сравнению с аналогичными системами других стран. И у меня на родине суды подчас допускают серьезные ошибки и злоупотребления. Долг юристов, где бы они не жили, заключается в том, чтобы вскрывать подобные нарушения и доводить их до сведения высших судебных инстанций. Именно в надежде на то, что в Советском Союзе подобная практика существует и мои мотивы будут правильно истолкованы, я и затеял настоящее предприятие, в ходе которого меня весьма поддерживала выраженная готовность прокуратуры принять и рассмотреть решения.

К сожалению, я вынужден заключить, что прошения, хотя и были приняты, но не рассматривались. Позиция, занятая прокуратурой в отношении документов, поданных Вам 12 июня 1974 года, наводит на мысль, что прошения отвергли, даже не ознакомившись с их содержанием. Весомые аргументы и доводы, ставящие под сомнение правомочность судебных решений, остались без содержательного ответа, из чего напрашивается заключение, что серьезных опровержений просто не существует. Остались без ответа и мои письма, датированные 7 июля и 30 сентября 1974 года. От мо-

70

их клиентов мне стало известно, что Вы не передали заключенным письмо от 30 сентября 1974 года, написанное мною на основе Вашего предложения относительно процедуры подачи прошений о смягчении приговоров.

И все же я не оставляю надежды на то, что Вас можно побудить тщательно изучить прошения и дать по ним содержательное заключение, а равно и принять соответствующие Вашему высокому положению меры для исправления судебных ошибок. Но даже если я и ошибаюсь, во всяком случае настоящие документы пополнят собой список деяний советского правосудия”.

В Шереметьевском аэропорту таможенный инспектор долго рассматривал эти документы, затем вызвал своего начальника. Словом, Флетчеру пришлось прождать минут сорок, пока его не пропустили. Зато как бы в компенсацию за эту задержку его поместили в роскошном двухэтажном номере на крыше гостиницы ”Интурист”. На следующий день он доложил о своем прибытии в американское посольство и поехал в прокуратуру, хотя договоренности о приеме у него не было. В приемной прокуратуры дежурный ознакомился с документами и предложил ему прийти утром следующего дня. Вот как, по словам Флетчера, его встретили 4 марта в прокуратуре:

”Прихожу где-нибудь без четверти одиннадцать и жду в приемной. Ровно в 11 меня приглашают в кабинет Цибульника. Со мной интуристовский переводчик, но проблемы перевода не возникает. Мы с Цибульником начинаем разговор по-русски и сразу же берем быка за рога. Он держится строго, высказывается без обиняков, но слегка нервничает. Курит сигарету за сигаретой. Объясняю ему, что я приехал для того, чтобы передать

по назначению документы и сопроводительное письмо. Он осыпает меня риторическими вопросами вроде того, красиво ли со стороны иностранцев вмешиваться в дела советской юриспруденции. Отвечаю, что, с моей точки зрения, мы проводим в жизнь одну из форм международного сотрудничества юристов. Он долго расспрашивает меня об участниках проекта и о характере деятельности Тэйлора в США. Я объясняю ему, чем занимается американская юридическая фирма, и что означает шапка на личном бланке Тэйлора.

С нами сидит секретарь. В какой-то момент Цибульник начинает диктовать ему заметки по поводу полученных документов. Он расстраивается при мысли о том, что в письме к Руденко не упоминается об аффидевите Грилюса. Я успокаиваю его — упоминается. Он спрашивает интуриста о программе моего пребывания в Москве, явно намекая ему, чтобы с меня не спускали глаз. Ко мне все обращаются по-дружески — Георгий Николаевич: должно быть им доставляет удовольствие делать вид, что я один из них.

Затем Цибульник предлагает нам "погулять", что мы и делаем. Ждем в прихожей наверху минут двадцать, затем нас вновь приглашают в кабинет. Вроде ничего не изменилось. Разве что Цибульник несколько успокоился. Разговор поворачивается на более неотложные дела. Можно ли ждать ответа? Когда? Оставить ли номер моего телефона в гостинице? Будет ли личное письмо к Тэйлору от Руденко? Отвечают мне в том смысле, что больше со мной им говорить не о чем: "Если Вы нам понадобится, мы с Вами свяжемся через Интурист. Ответ на прошения будет не ранее, чем через год-два. С Тэйлором будем связываться непосредственно в Нью Йорке. Разумеется, передайте Тэйлору,

что прокуратура приняла документы и письмо со всем уважением”.

После этого Москва замолчала. А это значило, что более не существовало причин откладывать момент опубликования материалов проекта и документов, разработанных нами и представленных в прокуратуру.

Глава 10. ОГЛАШЕНИЕ ПРОЕКТА. ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ?

Учитывая, что все мы приняли участие в проекте в своем профессиональном качестве, логично было огласить проект в помещении Нью-Йоркской ассоциации адвокатов. 18 марта 1975 года мы провели пресс-конференцию, на которой я сделал общее заявление пояснительного характера, а затем мы ответили на вопросы журналистов.

Надо признать, что пресса уделила мало внимания нашему проекту. Причина того, что нам не удалось привлечь достаточно внимания к проекту, очевидно, заключается отчасти в том, что наши подзащитные (за исключением Сильвы Залмансон, все до одного мужчины) составляют малую горстку, и никто из них не имеет широкой известности. Хотя в их числе есть люди недюжинных способностей, среди них нет ни поэтов, ни солистов балета, ни знаменитых ученых, короче говоря, ни Сахаровых, ни Пановых, ни Солженицыных. Самому старшему из них всего тридцать с небольшим, а многим и того меньше, и вся жизнь у них еще впереди.

Наиболее замечательной чертой, характеризующих их как группу, является их глубочайшая преданность идее иудаизма, мужество и стойкость

в борьбе за право эмигрировать и соблюдать предписания своей веры еще на территории Советского Союза. За эти свои качества им пришлось горько поплатиться, и плата взимается не по закону, а по праву силы и беззакония.

Напрашивается вопрос: разумно ли рассчитывать на большие результаты путем огласки, нежели тактикой негласных переговоров, которой мы придерживались в 1974 году. Конечно, однозначного ответа здесь быть не может. Однако в ряде случаев, как, например, в деле Пановых или в связи со смертными приговорами, вынесенными на Первом ленинградском процессе, давление международной общественности все-таки возымело действие.

Лично я считаю, что наиболее сильное воздействие на советскую политику имеют высказывания и вопросы иностранных посетителей, прежде всего официальных лиц и представителей деловых кругов. Если советским лидерам станет ясно, что все больше и больше иностранцев, приезжающих в Советский Союз, хорошо проинформированы об этих случаях и задают трудные вопросы, из которых явствует нелестное мнение о работе советских органов правосудия, рано или поздно власти могут счесть невыгодным для себя продолжать прежнюю политику, навлекающую на них международное презрение.

Конечно, встречаются американцы, настроенные резко антикоммунистически и враждебные по отношению к Советскому Союзу, которые считают, что глупо ожидать каких-либо изменений в лучшую сторону. Я же полагаю, что такая точка зрения страдает близорукостью. Не подлежит сомнению, что в коммунистическом государстве закон рассматривается скорее как средство проведения

политики, а не как совокупность принципов, не подвластных воле политического руководства. И все же, не взирая на такую концепцию, столь отличающуюся от западной, некоторые советские юристы взирают на свою систему законности не без чувства гордости. Возможно, мы переоценивали это чувство, полагая, что вкупе с боязнью публичных разоблачений оно даст желанные плоды. Но даже если подобным надеждам не суждено сбыться, наши усилия хотя бы дадут знать жертвам этой судебной системы, что они не забыты. Наш проект помощи заключенным войдет в летопись деяний советского правосудия, по которой мир будет судить систему законности в СССР.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Незадолго перед тем, как эта книга должна была пойти в печать, поступили первые, сначала не подтвержденные сведения о том, что в деле Пинхасова произошли позитивные сдвиги. И действительно, власти смягчили его приговор еще в сентябре 1975 года, но, очевидно, жена Пинхасова не имела официального подтверждения этого, пока не получила письма, датированного 17 ноября 1975 года от Московской коллегии адвокатов за подписью начальника юридического отдела Каминского. В письме говорилось:

”Президиум Верховного суда Дагестанской Автономной Социалистической Республики 24 сентября 1975 года принял решение снизить приговор Вашему мужу до двух лет лишения свободы и выпустить его из мест заключения, как только он отбудет этот срок.

Поскольку в настоящее время место, где Ваш муж отбывает наказание, нам не известно, мы не можем удовлетворить Вашу просьбу и связать Вас с ним”.

Учитывая, что Пинхасов был арестован 9 сентября 1973 года, к моменту решения Верховного Суда он уже отсидел на две недели больше срока. По выходе из заключения Пинхасов получил разрешение эмигрировать и в настоящее время проживает с семьей в Израиле.

Мы не знаем, в силу каких причин и обстоятельств было принято это решение. Кроме нас делом Пинхасова занимались и другие американцы. Уникальность ситуации Пинхасова заключается в том, что один из членов суда, вынесшего ему приговор, получил разрешение выехать в Израиль и под присягой дал показания, из которых явствует, что обвинения против Пинхасова были сфабрикованы.

Каково бы ни было действительное объяснение, случилось как раз то, на что мы и рассчитывали с самого начала, а именно: официально ошибки не будут признаны, но паллиативные меры могут быть приняты. Мы продолжаем надеяться, что решение в связи с делом Пинхасова не останется единственным в своем роде.

Июль, 1976 год

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СОВЕТСКИХ ЗАКОНОВ

1. УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР

Статья 15. Ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление

Приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий или иное умышленное создание условий для совершения преступления.

Покушением на преступление признается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного.

Наказание за приготовление к преступлению и за покушение на преступление назначается по статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за данное преступление.

При назначении наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца.

Статья 17. Соучастие

Соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления.

Соучастниками преступления, наряду с исполнителями, признаются организаторы, подстрекатели и пособники.

Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление.

Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением.

Подстрекателем признается лицо, склонившее к совершению преступления.

Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем.

Степень и характер каждого из соучастников в совершении преступления должны быть учтены судом при назначении наказания.

Статья 43. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом

Суд, учитывая исключительные обстоятельства дела и личность виновного и признавая необходимым назначить ему наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом за данное преступление, или перейти к другому, более мягкому виду наказания, может допустить такое смягчение с обязательным указанием его мотивов.

Статья 64. Измена Родине

а) Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти — наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества.

Статья 65. Шпионаж

Передача, а равно похищение или собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентуре сведений, составляющих государственную или военную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб интересам СССР, если шпионаж совершен иностранцем или лицом без гражданства, —

наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества...

Статья 70. Антисоветская агитация и пропаганда

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания —

наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

Статья 72. Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации

Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, к созданию организации, имеющей целью совершить такие преступления, а равно участие в антисоветской организации —

наказываются соответственно по статьям 64—71 настоящего Кодекса.

Статья 75. Разглашение государственной тайны

Разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны по службе или работе, при отсутствии признаков измены Родине или шпионажа, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

То же деяние, если оно повлекло тяжкие последствия, — наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

Статья 83. Незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР

Выезд за границу, въезд в СССР или переход границы без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей —

наказываются лишением свободы на срок от одного года до трех лет.

Действие настоящей статьи не распространяется на случаи прибытия в СССР иностранных граждан без установленного паспорта или разрешения для использования права убежища, предоставленного Конституцией СССР.

Статья 88¹. Недонесение о государственных преступлениях

Недонесение об известных готовящихся или совершенных государственных преступлениях, предусмотренных статьями 64 (измена Родине), 65 (шпионаж), 66 и 67 (террористический акт), 68 (диверсия), 69 (вредительство), 72 (организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации), 77 (бандитизм), 87 (изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг) настоящего Кодекса, —

наказываются лишением свободы на срок от одного года до трех лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года.

Статья 92. Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением

Присвоение либо растрата государственного или общественного имущества, вверенного виновному, а равно завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением —

наказываются лишением свободы на срок до четырех лет или исправительными работами на срок до одного года, или лишением права занимать определенные должнос-

ти или заниматься определенной деятельностью.

Те же действия, совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц, —

наказываются лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового.

Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, причинившие крупный ущерб государству или общественной организации, —

наказываются лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Статья 93¹. Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах

Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, независимо от способа хищения (статьи 89—93), —

наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества, со ссылкой или без таковой или смертной казнью с конфискацией имущества.

Статья 143. Воспрепятствование совершению религиозных обрядов

Воспрепятствование совершению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан, —

наказывается исправительными работами на срок до шести месяцев или общественным порицанием.

Статья 156. Обман покупателей

Обмеривание, обвешивание, превышение установленных розничных цен, обсчет или иной обман покупателей в магазинах и иных торговых предприятиях или в предприятиях общественного питания —

наказываются лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года, или лишением права занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания.

Те же действия, совершенные по предварительному

сговору группой лиц, или в крупных размерах, или лицами, ранее судимыми за те же преступления, —

наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без таковой, с лишением права занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания.

Статья 190. Недонесение о преступлениях

Недонесение об известных готовящихся или совершенных преступлениях, предусмотренных статьями 102, 103 и 240 пунктом "в" (умышленное убийство), 117 частями второй и третьей (изнасилование при отягчающих обстоятельствах), 89 частью третьей и 144 частью третьей (кража при отягчающих обстоятельствах), 90 частью третьей и 145 частью третьей (грабеж при отягчающих обстоятельствах), 91 и 146 (разбой), 92 частью третьей (хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением при отягчающих обстоятельствах), 93 частью третьей и 147 частью третьей (мошенничество при отягчающих обстоятельствах), 93¹ (хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах), 173 частью второй, 174 частью второй и 174¹ частью второй (получение, дача взятки и посредничество во взяточничестве при отягчающих обстоятельствах), 191² (посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника), 218¹ частями второй и третьей (хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ) настоящего Кодекса, —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года.

Статья 190¹. Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания —

наказываются лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

Статья 206. Хулиганство

Хулиганство, то есть умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, а равно мелкое хулиганство, совершенное лицом, к которому в течение года была применена мера административного воздействия за мелкое хулиганство, —

наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до одного года или исправительными работами на тот же срок, или штрафом от тридцати до пятидесяти рублей.

Злостное хулиганство, то есть те же действия, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью, либо связанные с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или иным гражданам, пресекающим хулиганские действия, а равно совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство, —

наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет.

Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены с применением или попыткой применения огнестрельного оружия либо ножей, кастетов, или иного холодного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Статья 212¹. Угон автомототранспортных средств

Угон автомототранспортных средств или других самоходных машин без цели их хищения —

наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до ста рублей, либо влечет применение мер общественного воздействия.

Те же действия, совершенные повторно, —

наказываются лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года.

2. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РСФСР

Статья 5. Обстоятельства, исключющие про- изводство по уголовному делу

Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбуж-
денное дело подлежит прекращению...

10) в отношении лица, о котором имеется неотменен-
ное постановление органа дознания, следователя, проку-
рора о прекращении дела по тому же обвинению, кроме
случаев, предусмотренных статьями 255 и 256 настоящего
Кодекса.

Статья 19. Обеспечение обвиняемому права на защиту

Обвиняемый имеет право на защиту.

Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее до-
знание, обязаны обеспечить обвиняемому возможность
защищаться установленными законом средствами и спо-
собами от предъявленного ему обвинения и обеспечить
охрану его личных и имущественных прав.

Статья 20. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела

Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее до-
знание, обязаны принять все предусмотренные законом ме-
ры для всестороннего, полного и объективного исследо-
вания обстоятельств дела, выявить как уличающие, так
и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и
смягчающие его вину обстоятельства.

Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее до-
знание, не вправе перелгать обязанность доказывания на
обвиняемого.

Запрещается помогать показаний обвиняемого путем
насилия, угроз и иных незаконных мер.

Статья 43. Передача уголовного дела по подсуд- ности

Судья или суд в распорядительном заседании, установив,
что поступившее дело не подсудно данному суду, направ-
ляет дело по подсудности.

Суд, установив, что находящееся в его производстве дело подсудно другому такому же суду, вправе оставить дело в своем производстве только в случае, если он уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании. Однако, если дело подсудно вышестоящему суду или военному трибуналу, оно во всех случаях подлежит направлению по подсудности.

Передача в нижестоящий суд дела, начатого рассмотрением в судебном заседании вышестоящего суда, не допускается.

Статья 46. Обвиняемый

Обвиняемым признается лицо, в отношении которого в установленном настоящим Кодексом порядке вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Обвиняемый, преданный суду, именуется подсудимым; обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, — осужденным.

Обвиняемый имеет право: знать, в чем он обвиняется, и давать объяснения по предъявленному ему обвинению; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться по окончании предварительного следствия или дознания со всеми материалами дела; иметь защитника с момента, предусмотренного статьей 47 настоящего Кодекса; участвовать в судебном разбирательстве в суде первой инстанции; заявлять отводы; приносить жалобы на действия и решения лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда.

Подсудимый имеет право на последнее слово.

Статья 47. Участие защитника в уголовном судопроизводстве

Защитник допускается к участию в деле с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления обвиняемому для ознакомления всего производства по делу. По постановлению прокурора защитник может быть допущен к участию в деле с момента предъявления обвинения.

По делам о преступлениях: несовершеннолетних, немых, глухих, слепых и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту, защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения.

По делам, по которым не производилось предварительное следствие, защитник допускается с момента предания

обвиняемого суду.

В качестве защитников допускаются адвокаты, представители профессиональных союзов и других общественных организаций.

По определению суда или постановлению судьи в качестве защитников могут быть допущены близкие родственники и законные представители обвиняемого, а также другие лица.

Одно и то же лицо не может быть защитником двух обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого *(в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 года, — "Ведомости Верховного Совета РСФСР", 1972 год, № 26, стр. 663)*.

Статья 50. Отказ от защитника

Обвиняемый вправе в любой момент производства по делу отказаться от защитника. Такой отказ допускается только по инициативе самого обвиняемого и не может являться препятствием для продолжения участия в деле государственного или общественного обвинителя, а равно защитников других подсудимых.

Отказ от защитника в случаях, предусмотренных пунктами 2, 3, 4 и 5 статьи 49 настоящего Кодекса, не обязателен для суда или соответственно для следователя и прокурора.

Статья 51. Обязанности и права защитника

Защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь.

С момента допущения к участию в деле защитник вправе: иметь свидание с обвиняемым; знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения; представлять доказательства; заявлять ходатайства; участвовать в судебном разбирательстве; заявлять отводы; приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора и суда. С разрешения следователя защитник может присутствовать при допросах обвиняемого и при производстве иных следственных действий, выполняемых по ходатайствам обвиняемого или его защитника.

В случаях, когда защитник допущен к участию в деле с момента предъявления обвинения, он, кроме того, может:

1) присутствовать при предъявлении обвинения и допроса обвиняемого и с разрешения следователя задавать вопросы обвиняемому;

2) присутствовать при производстве других следственных действий и задавать с разрешения следователя вопросы свидетелю, потерпевшему и эксперту;

3) делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия, в котором он принимал участие.

Следователь может отвести вопросы защитника, но обязан занести отведенные вопросы в протокол.

Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого.

Статья 78. Экспертиза

Экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и судебном разбирательстве необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле. Экспертиза производится экспертами соответствующих учреждений либо иными специалистами, назначенными лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом. В качестве эксперта может быть вызвано любое лицо, обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения. Требование лица, производящего дознание, следователя, прокурора или суда о вызове эксперта обязательно для руководителя учреждения, предприятия или организации, где работает эксперт. Вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение не могут выходить за пределы специальных познаний эксперта.

Статья 84. Хранение вещественных доказательств

Вещественные доказательства должны быть подробно описаны в протоколах осмотра, по возможности сфотографированы и приобщены к делу особым постановлением лица, производящего дознание, следователя, прокурора или определением суда. Вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле.

Если те или иные предметы в силу их громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, они должны быть сфотографированы, по возможности опечатаны и храниться в месте, указанном лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судом, о чем в деле должна иметься соответствующая справка.

При передаче дела от органов дознания следователю или от одного органа дознания или следователя другому, а равно при направлении дела прокурору и в суд либо при передаче дела из одного суда в другой вещественные доказательства препровождаются вместе с делом, за исключением случая, предусмотренного частью второй настоящей статьи.

Статья 184. Порядок назначения экспертизы

Признав необходимым производство экспертизы, следователь составляет об этом постановление, в котором указываются основания для назначения экспертизы, фамилия эксперта или наименование учреждения, в котором должна быть произведена экспертиза, вопросы, поставленные перед экспертом, и материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

До назначения эксперта следователь выясняет необходимые данные о его специальности и компетентности.

Следователь обязан ознакомить обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы и разъяснить его права, установленные статьей 185 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и обвиняемым.

Постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы и заключение экспертов не объявляются обвиняемому, если его психическое состояние делает это невозможным.

Статья 185. Права обвиняемого при назначении и производстве экспертизы

При назначении и производстве экспертизы обвиняемый имеет право:

- 1) заявить отвод эксперту;
- 2) просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц;
- 3) представить дополнительные вопросы для получения по ним заключения эксперта;
- 4) присутствовать с разрешения следователя при производстве экспертизы и давать объяснения эксперту;
- 5) знакомиться с заключением эксперта.

В случае удовлетворения ходатайства обвиняемого следователь соответственно изменяет или дополняет свое постановление о назначении экспертизы.

В случае отказа в ходатайстве следователь вносит постановление, которое объявляется обвиняемому под расписку.

Статья 202. Права защитника при ознакомлении со всеми материалами дела

Защитник обвиняемого имеет право:

- 1) иметь свидание с обвиняемым наедине;
- 2) знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения;
- 3) обсуждать с обвиняемым вопрос о заявлении ходатайств;
- 4) заявлять ходатайства о производстве следственных действий, истребовании и приобщении к делу доказательств и по всем иным вопросам, имеющим значение для дела;
- 5) заявлять отвод следователю, прокурору, эксперту, специалисту, переводчику;
- 6) приносить прокурору жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие права защитника или обвиняемого;
- 7) присутствовать с разрешения следователя при производстве следственных действий, выполняемых по ходатайствам, заявленным обвиняемым и его защитником.

Статья 232. Возвращение дела для дополнительного расследования

Суд в распорядительном заседании направляет дело для дополнительного расследования в случаях:

- 1) неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании;
- 2) существенного нарушения уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного следствия;
- 3) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении;
- 4) наличия оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела;
- 5) неправильного соединения или разъединения дела.

Дело направляется для дополнительного расследования прокурору. При этом суд обязан указать в своем определении, на каком основании дело возвращается и ка-

кие обстоятельства должны быть дополнительно выяснены.

При направлении дела для дополнительного расследования суд обязан разрешить вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого.

Статья 240. Непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства

Суд первой инстанции при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы.

Судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение теми же судьями других дел ранее окончания слушания начатого дела не допускается.

Статья 245. Равенство прав участников судебного разбирательства

Обвинитель, подсудимый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители в судебном разбирательстве пользуются равными правами по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств.

Статья 246. Участие подсудимого в судебном разбирательстве

Разбирательство дела в заседании суда первой инстанции происходит с участием подсудимого, явка которого в суд обязательна.

Разбирательство дела в отсутствие подсудимого может быть допущено лишь в исключительных случаях, если это не препятствует установлению истины по делу:

1) когда подсудимый находится вне пределов СССР и уклоняется от явки на суд;

2) когда по делу о преступлении, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, подсудимый ходатайствует о разбирательстве дела в его отсутствие. Суд, однако, вправе признать явку подсудимого обязательной.

Статья 249. Участие защитника в судебном разбирательстве

Защитник принимает участие в исследовании доказательств, высказывает свое мнение по возникающим во время судебного разбирательства вопросам, излагает суду соображения защиты по существу обвинения, относительно обстоятельств, смягчающих ответственность, о мере наказания и гражданско-правовых последствиях преступления.

Статья 255. Возбуждение уголовного дела по новому обвинению

Если при судебном разбирательстве будут установлены обстоятельства, указывающие на совершение подсудным преступлением, по которому обвинение ему ранее предъявлено не было, суд, не приостанавливая разбирательство, возбуждает дело по новому обвинению и направляет необходимые материалы для производства дознания или предварительного следствия в общем порядке.

В случае, когда новое обвинение связано с первоначальным и раздельное их рассмотрение не представляется возможным, все дело должно быть возвращено для производства дополнительного расследования.

Статья 276. Заявление и разрешение ходатайств

Председательствующий опрашивает обвинителя, подсудимого и его защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов об истребовании вещественных доказательств и документов. Лицо, заявившее ходатайство, обязано указать, для установления каких именно обстоятельств необходимы дополнительные доказательства.

Суд, выслушав мнение остальных участников судебного разбирательства, должен обсудить каждое заявленное ходатайство, удовлетворить его, если обстоятельства, подлежащие выяснению, имеют значение для дела, или вынести мотивированное определение об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства.

Отказ суда в ходатайстве не ограничивает права лица, которому отказано в ходатайстве, заявить его в дальнейшем в зависимости от хода судебного разбирательства.

Суд вправе, независимо от того, заявлено ли ходатай-

ство, вынести определение о вызове новых свидетелей, назначении экспертизы, истребовании документов и других доказательств.

Статья 283. Допрос свидетелей

Свидетели допрашиваются порознь и в отсутствие еще не допрошенных свидетелей.

Председательствующий выясняет отношение свидетеля к подсудимому и потерпевшему и предлагает сообщить свидетелю все, что ему известно по делу. После этого свидетеля допрашивают судьи, обвинители, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, защитники и подсудимые.

Если свидетель вызван в судебное заседание по ходатайству одного из участников судебного разбирательства, этот участник задает вопросы такому свидетелю первым. Председательствующим устраняются вопросы, не имеющие отношения к делу.

Судьи вправе задавать вопросы свидетелю в любой момент судебного следствия.

Допрошенные свидетели остаются в зале заседания и не могут удаляться до окончания судебного следствия без разрешения суда.

Председательствующий может разрешить допрошенным свидетелям удалиться из зала судебного заседания ранее окончания судебного следствия не иначе, как по заслушании мнений обвинителя, подсудимого, защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

Статья 301. Законность и обоснованность приговора

Приговор суда должен быть законным и обоснованным.

Суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании.

Приговор суда должен быть мотивирован.

Статья 303. Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора

При постановлении приговора суд в совещательной комнате разрешает следующие вопросы:

- 1) имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;
- 2) содержит ли это деяние состав преступления и каким

именно уголовным законом оно предусмотрено;

3) совершил ли это деяние подсудимый;

4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления;

5) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление;

6) какое именно наказание должно быть назначено подсудимому и подлежит ли оно отбытию подсудимым;

6¹) имеются ли основания для признания подсудимого особо опасным рецидивистом; какой вид исправительно-трудового учреждения с соответствующим режимом должен быть определен подсудимому на основании статьи 24 Уголовного кодекса РСФСР при назначении ему наказания в виде лишения свободы;

7) подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в пользу кого и в каком размере, а также подлежит ли возмещению материальный ущерб, если гражданский иск не был предъявлен;

8) как поступить с вещественными доказательствами;

9) на кого и в каком размере должны быть возложены судебные издержки;

10) о мере пресечения в отношении подсудимого.

Если подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, суд разрешает вопросы, указанные в пунктах 1—6 настоящей статьи, по каждому преступлению в отдельности.

Если в совершении преступления обвиняется несколько подсудимых, суд разрешает эти вопросы в отношении каждого подсудимого в отдельности.

Статья 309. Виды приговоров

Приговор суда может быть обвинительным или оправдательным.

Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. Суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания, если к моменту рассмотрения дела в суде деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным.

Оправдательный приговор постановляется в случаях, если:

1) не установлено событие преступления;

2) в деянии подсудимого нет состава преступления;

3) не доказано участие подсудимого в совершении преступления.

Если при постановлении оправдательного приговора за недоказанностью участия подсудимого в совершении преступления лицо, совершившее это преступление, останется невыясненным, суд, по вступлении приговора в законную силу, направляет дело прокурору для принятия мер к установлению лица, подлежащего к привлечению в качестве обвиняемого.

Статья 314. Описательная часть приговора

Описательная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, характера вины, мотивов и последствий преступления; доказательства, на которых основаны выводы суда и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства; указания на обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность; в случае признания части обвинения необоснованной — основания к этому. Суд обязан также привести мотивы изменения обвинения, если таковое было произведено в суде, а в необходимых случаях — мотивы относительно избранной меры наказания. Кроме того, должно быть мотивировано признание подсудимого особо опасным рецидивистом, освобождение подсудимого от наказания, применение условного осуждения, а также назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного уголовным законом за данное преступление, переход к другому более мягкому наказанию или назначение вида исправительно-трудовой колонии, или воспитательно-трудовой колонии с отступлением от общих правил. Если по делу имеется более одного подсудимого, перечисленные указания должны быть сделаны в отношении каждого из подсудимых в отдельности.

В описательной части оправдательного приговора излагается сущность обвинения, по которому обвиняемый был предан суду: обстоятельства дела, установленные судом; приводятся доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого с указанием мотивов, объясняющих, почему суд отвергает доказательства, на которых было основано обвинение. Не допускается включение в оправдательный приговор формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного.

В описательной части обвинительного и оправдательного приговора должны содержаться мотивы, обосновывающие решение суда в отношении гражданского иска или возмещения материального ущерба, причиненного преступлением.

Статья 342. Основания к отмене или изменению приговора

Основаниями к отмене или изменению приговора при рассмотрении дела в кассационном порядке являются:

- 1) односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия;
- 2) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела;
- 3) существенное нарушение уголовно-процессуального закона;
- 4) неправильное применение уголовного закона;
- 5) несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного.

Статья 362. Освобождение от отбывания наказания по болезни

В случае, когда осужденный во время отбывания наказания заболел хронической душевной или иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, суд по представлению начальника органа, ведающего исполнением наказания, на основании заключения врачебной комиссии вправе вынести определение о его освобождении от дальнейшего отбывания наказания.

При освобождении от дальнейшего отбывания наказания осужденного, заболевшего хронической душевной болезнью, суд вправе применить принудительные меры медицинского характера или передать его на попечение органов здравоохранения.

При решении вопроса об освобождении от дальнейшего отбывания наказания лиц, заболевших тяжелой болезнью, кроме лиц, заболевших душевной болезнью, суд учитывает тяжесть совершенного преступления, личность осужденного и другие обстоятельства.

Статья 365. Замена исправительных работ и штрафа другими мерами наказания

Замена исправительных работ штрафом, общественным порицанием или возложением обязанности загладить причиненный вред в отношении лиц, признанных нетрудоспособными, в соответствии со статьей 27 Уголовного кодекса РСФСР, а равно замена исправительных работ лишением свободы, в соответствии со статьей 28 Уголовного кодекса РСФСР, производится судом по представлению органа, исполняющего этот вид наказания.

Замена штрафа исправительными работами производится судом в соответствии со статьей 30 Уголовного кодекса РСФСР.

Статья 371. Пересмотр в порядке судебного надзора вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда

Пересмотр в порядке судебного надзора вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда допускается лишь по протесту прокурора, председателя суда и их заместителей, поименованных в настоящей статье.

Протесты вправе приносить:

1) Генеральный Прокурор СССР — на приговоры, определения и постановления любого суда РСФСР;

2) Председатель Верховного Суда СССР — на постановления Президиума, а также на приговоры и определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, действующей в качестве суда первой инстанции;

3) Заместители Генерального Прокурора СССР — на приговоры, определения и постановления любого суда РСФСР, за исключением постановлений Президиума Верховного Суда РСФСР;

4) Заместители Председателя Верховного Суда СССР — на приговоры и определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, действующей в качестве суда первой инстанции;

5) Прокурор РСФСР, Председатель Верховного Суда РСФСР и их заместители — на приговоры, определения и постановления любого суда РСФСР, за исключением постановлений Президиума Верховного Суда РСФСР;

6) Председатель Верховного Суда АССР, краевого, областного, городского суда, суда автономной области и суда национального округа, прокурор автономной республики, края, области, автономной области и национального округа — на приговор и определение районного (городского) народного суда и определение судебной коллегии по уголовным делам соответственно Верховного суда АССР, краевого, областного, городского суда, суда автономной области и суда национального округа, рассматривавших дело в кассационном порядке.

Протесты на приговоры военных трибуналов приносятся в порядке, установленном статьями 20 и 21 Положения о военных трибуналах.

Лицо, принесшее протест, вправе его отозвать. Про-

тест, принесенный прокурором, может быть отозван вышестоящим прокурором. Отзывание протеста допускается только до начала судебного заседания, в котором протест подлежит рассмотрению.

Статья 379. Основания к отмене или изменению вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда

Основаниями к отмене или изменению приговора при рассмотрении дела в порядке судебного надзора являются обстоятельства, указанные в статье 342 настоящего Кодекса.

Определения суда первой инстанции, постановления судьи, определения кассационной инстанции, определения и постановления надзорной инстанции подлежат отмене или изменению, если суд, рассматривающий протест, признает, что этим определением или постановлением вынесено незаконное или необоснованное решение судом первой инстанции, неосновательно оставлены без изменения, отменены или изменены вышестоящим судом предшествующие определения, постановления или приговор по делу, либо если при рассмотрении дела в вышестоящем суде были допущены нарушения закона, которые повлияли или могли повлиять на правильность вынесенного им определения или постановления.

3. КОНСТИТУЦИЯ СССР

Статья 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

Статья 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения, — караются законом.

Статья 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Статья 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

4. КОНСТИТУЦИЯ РСФСР

Статья 127. Равноправие граждан РСФСР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая пропаганда расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения,— караются законом.

Статья 128. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в РСФСР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свободы антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

5. ПОЛОЖЕНИЕ О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ В СССР

Статья 22. Генеральный Прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры обязаны осуществлять надзор за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений, вынесенных судебными органами.

Статья 23. Генеральный Прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры:

- 1) участвуют в распорядительных заседаниях суда;
- 2) участвуют в рассмотрении уголовных и гражданских дел в судебных заседаниях и дают заключения по вопро-

сам, возникающим во время судебного рассмотрения;

3) поддерживают государственное обвинение в суде при рассмотрении уголовных дел;

4) предъявляют иски в порядке гражданского судопроизводства или гражданские иски в уголовном судопроизводстве и поддерживают иски в суде, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав и законных интересов граждан;

5) приносят в порядке, установленном законом, протесты на незаконные и необоснованные приговоры, решения, определения и постановления судебных органов;

6) дают заключения по уголовным и гражданским делам, рассматриваемым вышестоящим судом по жалобам и протестам;

7) осуществляют надзор за исполнением приговоров суда.

Статья 25. Право принесения протестов на приговоры, решения, определения и постановления судов, вступившие в законную силу, принадлежит:

Генеральному Прокурору СССР и его заместителям — в отношении приговоров, решений, определений и постановлений любого суда СССР, союзных и автономных республик;

Прокурору союзной республики и его заместителям — в отношении приговоров, решений, определений и постановлений судов союзной республики и входящих в нее автономных республик, кроме постановлений Президиума Верховного суда союзной республики;

Прокурору автономной республики — в отношении приговоров, решений и определений народных судов автономной республики, а также определений судебных коллегий Верховного суда автономной республики в качестве суда второй инстанции;

Прокурору края, области, автономной области — в отношении приговоров, решений и определений народных судов, а также определений судебных коллегий соответственно краевого, областного суда, суда автономной области в качестве суда второй инстанции;

Главному военному прокурору и Главному транспортному прокурору — в отношении приговоров и определений, соответственно, любого военного трибунала или транспортного суда;

Военному прокурору военного округа (флота) — в отношении приговоров и определений нижестоящих военных трибуналов.

Надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы

Статья 32. Генеральный Прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры, в пределах своей компетенции, обязаны осуществлять надзор за тем, чтобы в местах лишения свободы содержались лишь лица, заключенные под стражу с санкции прокурора или по постановлению суда, а также за соблюдением установленных законом правил содержания заключенных.

На органы прокуратуры возлагается ответственность за соблюдение социалистической законности в местах лишения свободы.

Статья 33. Прокурор обязан систематически посещать места лишения свободы, непосредственно знакомиться с деятельностью их администрации, приостанавливать исполнение противоречащих закону приказов и распоряжений администрации мест лишения свободы, опротестовывать их в установленном порядке, а также принимать меры к привлечению к уголовной или дисциплинарной ответственности лиц, виновных в нарушении законности в местах лишения свободы.

Статья 34. Прокурор обязан немедленно освободить из-под стражи всякого, кто незаконно подвергнут аресту или незаконно содержится под стражей в местах лишения свободы.

Статья 35. Осуществляя надзор за законностью содержания заключенных в местах лишения свободы, Генеральный Прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры, в пределах своей компетенции, имеют право:

1) в целях проверки соблюдения установленного законом порядка содержания заключенных под стражей, в любое время посещать места лишения свободы с беспрепятственным доступом во все помещения;

2) знакомиться с документами, на основании которых лица подвергнуты лишению свободы;

3) производить личный опрос заключенных;

4) проверять соответствие закону приказов и распоряжений администрации мест лишения свободы, определяющих условия и режим содержания заключенных;

5) требовать личных объяснений представителей администрации мест лишения свободы по поводу нарушений законности содержания заключенных.

Статья 36. Администрация места лишения свободы обязана не позднее чем в суточный срок направить прокурору адресованную ему жалобу или заявление заключенного.

Прокурор, получивший жалобу или заявление заключенного, обязан рассмотреть их в установленные законом сроки, принять необходимые меры и сообщить о своем решении жалобщику.

Прокурор обязан наблюдать за тем, чтобы жалобы и заявления заключенных незамедлительно направлялись администрацией мест лишения свободы в те органы или тем должностным лицам, которым они адресованы.

Статья 37. Администрация места лишения свободы обязана выполнять предложения прокурора относительно соблюдения установленных законом правил содержания заключенных.

6. ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Статья 1. Задачи советского исправительно-трудового законодательства

Исправительно-трудовое законодательство имеет своей задачей обеспечение исполнения уголовного наказания с тем, чтобы оно не только являлось карой за совершенное преступление, но исправляло и перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, предупреждало совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности.

Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Статья 36. Материально-бытовое обеспечение лиц, лишенных свободы

Лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы, обеспечиваются необходимые жилищно-бытовые условия, соответствующие правилам санитарии и гигиены.

Осужденным предоставляются индивидуальное спальное место и постельные принадлежности. Они обеспечиваются одеждой, бельем и обувью по сезону и с учетом климатических условий.

Осужденные получают питание, обеспечивающее нормальную жизнедеятельность организма. Нормы питания дифференцируются в зависимости от климатических условий места расположения исправительно-трудового учреждения, характера выполняемой осужденными работы и их отношения к труду. Лица, водворенные в штрафной или дисциплинарный изолятор, в карцер, в помещения камерного типа, а также в одиночную камеру в колонии особого режима, получают питание по пониженным нормам.

Беременным женщинам, кормящим матерям, несовершеннолетним, а также больным создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания.

Осужденным женщинам, добросовестно относящимся к труду и соблюдающим требования режима, администрацией исправительно-трудового учреждения по согласованию с наблюдательной комиссией может быть разрешено проживание вне колонии на время освобождения от работы по беременности и родам, а также до достижения ребенком двухлетнего возраста. Порядок проживания осужденных женщин вне колонии определяется исправительно-трудовыми кодексами союзных республик.

Осужденным, освобожденным от работы по болезни, беременным женщинам и кормящим матерям на период освобождения их от работы питание предоставляется бесплатно. Несовершеннолетним, а также инвалидам первой и второй групп питание и одежда предоставляются бесплатно. С осужденных, злостно уклоняющихся от работы, стоимость питания и одежды взыскивается из средств, имеющихся на их лицевых счетах.

Нормы питания и материально-бытового обеспечения лиц, лишенных свободы, устанавливаются Советом Министров СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ "Б"

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРОШЕНИЙ

*Господину Генеральному Прокурору
СССР от Юлии Дымшиц и от имени
ее отца Марка Юльевича Дымшица
через ее адвоката
г-на Телфорда Тэйлора*

ПРОШЕНИЕ

1. Проситель — Юлия Дымшиц, в прошлом — гражданка Советского Союза. Выехала в Израиль 12 августа 1973 года и в настоящее время является гражданкой Израиля.

2. Проситель — дочь Марка Дымшица, гражданина Советского Союза, в настоящее время отбывающего срок наказания в лагере 36 (город Пермь) по приговору, вынесенному Ленинградским городским судом 24 декабря 1970 года; Марк Дымшиц был приговорен к смертной казни. Верховный Суд РСФСР смягчил приговор до 15 лет лишения свободы в исправительно-трудовом лагере строгого режима.

3. Проситель — разлученная с отцом вследствие заключения отца по приговору, вынесенному 24 декабря 1970 года, — передает это прошение через своего адвоката господина Телфорда Тэйлора для оказания помощи, как далее указывается.

4. Нижеподписавшийся Телфорд Тэйлор — гражданин США — адвокат, уполномоченный законами штата Нью-Йорк и округа Колумбия. Он уполномочен выступить в качестве поверенного по просьбе просительницы 24 марта 1974 года, доверившей ему под присягой действовать в качестве защитника ее интересов по этому делу.

Копия документа, подтверждающего полномочия адвоката, прилагается к этому прошению (приложение А).

5. Разрешение представить прошение на рассмотрение от имени просителя и др. нижеподписавшемуся адвокату было лично дано первым заместителем Генерального Прокурора 5 апреля 1974 года.

ПРОШЕНИЕ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ

6. На основании причин, изложенных ниже, проситель обращается к Генеральному Прокурору СССР с просьбой:

а) Воспользоваться его полномочиями (статьи 23 и 25 Положения о прокурорском надзоре СССР и статьей 371 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР) и опротестовать приговор Ленинградского суда, по которому Дымшиц осужден, и решение Верховного суда РСФСР, отклонившего кассационную жалобу Дымшица на вышеупомянутый приговор.

б) Воспользоваться его полномочиями (Положения о прокурорском надзоре СССР, статьи 32-37 включительно) и принять необходимые меры и дать указания соответствующим органам проверить условия, в которых содержится Дымшиц, к соблюдению требований закона о порядке содержания лиц, находящихся в заключении; и

в) Принять другие подходящие меры, включая обращение к верховным властям с просьбой о помиловании.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

7. К смертной казни Марк Дымшиц был приговорен по решению судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда, признавшего Дымшица виновным по статьям: 218 ч. 1 Уголовного кодекса РСФСР (хранение огнестрельного оружия и боевых припасов без соответствующего разрешения) со сроком наказания — 2 года лишения свободы; по статьям 16, 64-а и 72 (приготовление и/или покушение на измену и участие в анти-советской организации) — смертная казнь с конфискацией имущества; по статьям 15, 93 ч. 1 (приготовление и/или покушение на хищение государственного имущества в особо крупных размерах) — смертная казнь с конфискацией имущества; и на основании статьи 40 окончательной мерой наказания суд определил смертную казнь с конфискацией имущества; мера наказания была смягчена Верховным судом РСФСР до 15 лет лишения свободы.

8. Дымшиц был арестован 15 июня 1970 года и находился под стражей с этого дня. Вышеупомянутый приговор был вынесен по решению суда по обвинению Дымшица и 10 других лиц. Процесс происходил с 15 по 24 декабря 1970 года. Дымшиц и 10 других лиц обжаловали приговоры в кассационном порядке. Дымшиц охарактеризован в приговоре Верховного суда РСФСР как "еврей, исключенный из рядов КПСС в связи с этим делом, имеющий высшее образование".

9. Марк Юльевич Дымшиц родился 10 мая 1927 года на ст. Лозовая Харьковской области. Он женат, является отцом двух дочерей, одна из которых — проситель. Вторая дочь также проживает в Израиле. Ко времени его ареста он не работал, но раньше он занимал должность главного инженера в "Птицепроме". В прошлом Дымшиц не был судим.

10. Верховный суд РСФСР инкриминировал Дымшицу и 9 другим подсудимым преступный сговор в 1969—1970 годах с целью приготовления побега за границу на похищенном государственном самолете. Этот план мотивировался якобы антисоветскими побуждениями. Это явилось основой обвинения по статьям 15 и 64-а, 72, 15 и 93 ч. 1.

11. Дымшиц был также обвинен в незаконном изготовлении и хранении четырехзарядного револьвера. Это было основой обвинения по статье 218 ч. 1.

ПРОШЕНИЕ К ОПРОТЕСТОВАНИЮ ПРИГОВОРА

12. Приговор по статьям 15, 64-а не может считаться состоятельным. Уголовная ответственность по статье 64-а предполагает не только само деяние (в данном случае — "побег за границу"), но также чтобы деяние было "умышленно совершено гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР". Юридические соображения, касающиеся применения статьи 64-а, подробно развернуты в Правовом меморандуме IV, который прилагается к данному прошению отдельно и является составной частью его.

13. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в своем решении пришла к выводу о намерении к измене Родине на основании совокупных материалов дела.

Но ни Верховным судом, ни Ленинградским городским судом не было выявлено прямого показания на такое непосредственное намерение лично со стороны Дымшица. Чтобы подтвердить намерение обвиняемого, подпадающее под статью 64-а, Верховный суд РСФСР опирался на четыре доказательства: а) составление и подписание так называемого "обращения", которое судом было определено как антисоветское; б) изготовление и размножение литературы, охарактеризованной судом как антисоветская; в) намерение просить о предоставлении политического убежища; г) организационная деятельность, направленная на подготовку похищения самолета, начатая осенью 1969 года.

14. Верховный суд особенно подчеркнул подписание

Дымшицем так называемого "обращения".

Но несомненно установлено, что лично Дымшицем "обращение" подписано не было. Он даже не присутствовал при подписании "обращения". Его фамилия была внесена в этот документ другими. Верховный суд сделал заключение о намерении Дымшица совершить измену родине на основании того факта, что *большинство обвиняемых систематически занималось изготовлением и хранением антисоветской литературы*. Но Дымшиц лично не был обвинен ни в одном из указанных действий.

А одно из основных положений советского права — это индивидуальность вины. Ни одному из обвиняемых не может быть инкриминировано преступление на основании того, что было совершено большинством его сообвиняемых.

15. Единственные упомянутые в решении Верховного суда свидетельства антисоветских побуждений, касающиеся лично Дымшица, касаются того, что он: а) принимал участие в организационной деятельности, ведущей к подготовке и осуществлению побега в течение длительного периода времени, и б) что он намеревался просить компетентные шведские власти о предоставлении ему политического убежища. Однако оба эти действия являются точным нарушением статьи 83 Уголовного кодекса РСФСР и не подпадают под действие статьи 64. Указанное положение развивается в Правовом меморандуме IV, а также ниже в пунктах 16—19.

16. По статье 83 объявляется преступником каждый, кто выезжает за границу или переходит границу "без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей", и он наказывается тремя годами лишения свободы. Вполне очевидно, что всякий советский гражданин, который хочет выехать за границу без требуемого паспорта или разрешения, непременно должен искать политического убежища в другой стране. Если намерение советского гражданина просить о предоставлении политического убежища считать достаточным, чтобы обратить нелегальный выезд (статья 83) в действие, равносильное измене (статья 64), то следовало бы считать положение статьи 83 излишним в отношении советских граждан. Следовательно, для того чтобы нелегальный выезд считался изменой, недостаточно одного лишь желания гражданина СССР покинуть страну и переехать в другую.

17. Действительно, суды в этом деле определенно признали это в деле Бодни: они пришли к заключению, что нет никаких улик, обнаруживающих его антисоветские побуждения. Суд пришел к такому заключению потому,

что Бодня действительно виновен только в желании совершить побег за границу (статьи 15 и 83 ч.1). Но неоспоримо, что Бодня тоже пытался бы заручиться политическим убежищем. Как иначе мог бы он встретиться со своей матерью за границей?

Поэтому очевидно, что желание просить о предоставлении политического убежища в случае нелегального выезда (подпадающее под действие статьи 83) недостаточно, чтобы нелегальный выезд, наказующийся статьей 83, трактовался как измена, наказуемая статьей 64.

18. К тому же один лишь факт, что Дымшиц участвовал в планировании побега не является достаточно состоятельным для того, чтобы подтвердить доказательства о намерении изменить родине. Верховный суд подчеркнул, что организационная деятельность для подготовки побега проводилась в течение длительного периода времени, начиная с осени 1969 года. Но Дымшицу даже ничего не было известно о плане до февраля 1970 года. Поэтому, если длительный период участия в организации может доказывать намерение, он не может относиться в полной мере к Дымшицу.

19. Так, наличие антисоветских побуждений – существенный фактор, который обращает нарушение по статье 83 в нарушение по статье 64, – так же отсутствует в деле Дымшица, как и в деле Бодни.

Из этого следует, что приговор в отношении Дымшица по статье 64 следует отменить; действия Дымшица подпадают только под статью 83, предусматривающую максимальный срок – 3 года лишения свободы *.

20. *Обвинение по статье 93 ч. 1 не может считаться обоснованным.*

Статья 93 ч. 1 инкриминирует хищение государственной или социалистической собственности. Из основного принципа правосудия следует, что временное пользование собственностью без намерения присвоения ее не считается хищением. Хищение предполагает намерение лишить владельца его собственности для постоянного, а не кратко-

* Ленинградский городской суд отметил, что у Дымшица было намерение выступить на пресс-конференции с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Никакими доказательствами не исключена возможность аналогичного намерения со стороны Бодни. К тому же не было никакого доказательства о том, что именно сказал бы сам Дымшиц. Во всяком случае, Верховный суд в своем определении не упоминал этих доказательств.

временного пользования. Несомненно, что план в данном деле предусматривал намерение посадить самолет в Швеции и оставить его там. Нет никаких сомнений, что самолет был бы возвращен Советскому Союзу через несколько часов. Таким образом, если бы план осуществился, ясно, что факт хищения не имел бы места. Из этого следует, что, поскольку план *провалился*, не может быть и речи о наказании по статьям 15 и 93 ч. 1.

21. Более того, последующее установление закона, специально препятствующее похищению самолетов, показывает, что такие правонарушения не подпадали полностью под статью 93 ч. 1. Этот аргумент выдвинут в Правовом меморандуме IV, который прилагается отдельно.

22. *Наказание является чрезмерным, если принять во внимание провал плана.*

Бесспорно, ущерб, который якобы планировал Дымшиц, не имел места. Побега не было. Хищения не было, и не было причинено ущерба Советскому Союзу.

Но известно, что основной принцип советского законодательства предусматривает меньшее наказание за правонарушение при меньшем конечном ущербе в итоге совершенного преступления. Соответственно, в деле Дымшица приговор к 15 годам лишения свободы должен быть смягчен (основанием может служить статья 43 УК РСФСР), принимая во внимание бесспорный факт, что подсудимый был далек от совершения конечного ущерба, который им якобы планировался.

Это замечание развито в Правовом меморандуме IV, который прилагается отдельно.

23. Дымшицу было отказано в праве иметь защитника, обеспечиваемого статьей 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (обязанности и права защитника).

Адвокат Дымшица отказался оспаривать неприменимость статьи 64 к делу Дымшица. Он прямо заявил на суде, что согласен с квалификацией действий Дымшица по этой статье. Он признал Дымшица виновным по статье 64, несмотря на категорическое отрицание самим Дымшицем своих антисоветских настроений и побуждений и несмотря на полное отсутствие улик, указывающих на подобные намерения со стороны подзащитного.

24. Верховный суд определенно указал, что Дымшиц отрицал обвинение в намерении изменить родине. Городской суд также указал, что Дымшиц отказался признать себя виновным в предательстве. И при этом адвокат отказался оспорить применимость статьи об измене в суде.

Вместо этого он заявил суду, что согласен с квалификацией действий Дымшица по этой статье.

25. Защитники других подсудимых оспаривали на самом деле применение статьи 64 к своим подзащитным на основании отсутствия со стороны их клиентов соответствующих антисоветских побуждений. В свою очередь непричастность Дымшица в этом отношении определеннее, чем у других клиентов, исключая, может быть, Бодню, поскольку Дымшиц не подписывал "обращения" и не был обвинен по статье 70 в хранении или распространении антисоветской литературы. И все же, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств антисоветских намерений и перед лицом факта категорического отрицания самим Дымшицем таких намерений, его адвокат отказался от аргументации по этому вопросу. Этот отказ показывает, что Дымшиц был лишен своего права на надлежащую защиту в лице адвоката по этому — самому критическому — пункту.

26. Нарушение права на защиту.

Правовой меморандум I устанавливает законные требования, относящиеся к праву обвиняемого на защиту и прилагается отдельно. Как ясно из этого Правового меморандума и фактов, приведенных в прилагаемых показаниях, данных под присягой, Дымшицу было отказано в праве на надлежащую защиту, как это показано в дальнейшем.

27. Дымшицу, так же, как и другим обвиняемым, было отказано в праве задавать вопросы свидетелю Михаилу Коренблиту. Как следует из показаний, данных под присягой, прилагаемых к Правовому меморандуму I, — показаний Пинхаса Хноха (В-1) и Полины Коренблит (Д-1), жены свидетеля Коренблита, — произошло следующее.

Давая показания по прямому допросу прокурора, Коренблит начал описывать, что именно произошло в доме Дымшица за два дня до ареста последнего, 15 июня 1970 года. На середине фразы свидетель Коренблит был прерван председателем суда и немедленно удален из зала заседания суда. В момент удаления Коренблит старался закончить свои показания относительно фактов, свидетелем которых он был в доме Дымшица 13 июня 1970 года. Присутствующий на суде Пинхас Хнох показал под присягой, что Коренблит был остановлен в момент, когда он начал объяснять отношение Дымшица к решению покинуть Советский Союз. Полина Коренблит — жена свидетеля — представила показание под присягой, указывающее на то, что если бы Коренблиту разрешили закончить его показания, он бы засвидетельствовал, что он обсуждал с Дымшицем проникновение КГБ в их группу с намерением стимулировать преступление.

28. Показание Коренблита, если бы оно было закончено, было бы весьма уместным для разъяснения некоторых важных моментов дела. Оно поддержало бы заявление Дымшица о том, что мотивы, побуждающие его покинуть Советский Союз, не были антисоветскими. Оно подтвердило бы, что советским властям было известно о намерении похитить самолет задолго до 15 июня 1970 года.

29. Столь же важно, что удаление свидетеля Коренблита до завершения его показаний лишило подсудимого Дымшица права задавать вопросы свидетелю. В таком ограничении содержится нарушение советского судебного производства и особенно статьями 276 и 283 УПК РСФСР. Этот вопрос развит в Правовом меморандуме I, который прилагается к делу.

30. Основание на прошение к опротестованию.

Согласно статье 379 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, причины, правомерные для отмены приговора, вступившего в законную силу, перечисляются в статье 342 как основание для кассации. Все пять причин, перечисленных в статье 342, содержатся в обстоятельствах и аргументах, изложенных выше.

31. Другие просители предъявили заявления об условиях содержания в Перми, и представлен Правовой меморандум III по правилам, установленным законом о порядке содержания лиц в местах заключения. Эти документы следует считать составной частью настоящего прошения. (...)

33. Это показание под присягой просителя, как и ряд других, подтверждающих его, свидетельствует о том, что Дымшиц, еврей, содержится в заключении вместе с бывшими нацистами. Бывшие нацисты занимают в лагере положение, при котором они обладают властью над Дымшицем. Руководство лагеря № 36 Перми разрешает бывшим нацистам антисемитские выходки по отношению к Дымшицу и другим заключенным-евреям.

34. В показании просителя также указывается, что лагерным руководством были конфискованы некоторые из писем Дымшица семье.

35. Проситель обращается к Генеральному Прокурору с просьбой использовать свои полномочия (статьи 32-37 "Положения о прокурорском надзоре") на основании этого показания и Правового меморандума, представляемого нижеподписавшимися, и позаботился о соблюдении правил содержания заключенных (Правовой меморандум III).

ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ ИЛИ СМЯГЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

36. Проситель осознает, что, согласно статье 33 (1) Конституции РСФСР, помилование граждан — таких, как Дымшиц, которые были осуждены судебными органами РСФСР, — может быть осуществлено Президиумом Верховного Совета РСФСР. Проситель также опирается на взятое из официально принятого учебника по исправительно-трудовому праву (Москва, 1971) положение, которое гласит, что основания, на которых предоставляется помилование, не регулируются законом, и что инициатива прошения о помиловании может исходить от родственников осужденного лица или от любого органа государственной власти (стр. 371-373). Кроме того, там указывается что помилование может быть частичной или полной отменой оставшегося срока заключения.

37. Исходя из этого, заявитель просит в случае, если другие просьбы этого прошения не будут удовлетворены прошение расценивать как заявление с просьбой о помиловании и передать его в соответствующие инстанции Президиума Верховного Совета СССР. (...)

39. Заявитель обращается с просьбой к господину Генеральному Прокурору принять также другие необходимые меры по решению данного дела в интересах правосудия и справедливости.

Представлено с глубоким уважением —

Телфорд Тэйлор,

поверенный просительницы

10 июня 1974 года

Приложение А

Юлия Дымшиц, дочь Марка Дымшица, содержащегося в настоящее время в заключении в Союзе Советских Социалистических Республик, по приговору Городского Суда Ленинграда, будучи лишена участия и поддержки Марка Дымшица, сим уполномочиваю и доверяю г-ну Телфорду Тэйлору из Нью-Йорк Сити, штат Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки, действовать от моего имени в качестве моего поверенного в пользу смягчения приго-

вора и в отношении срока и условий содержания его в заключении, а также связаться с такими адвокатами или консультантами, которых он сочтет подходящими и полезными для этих целей.

20 марта 1974 года

(Юлия Дымищц)

*Господину Генеральному Прокурору
СССР от Авраама Залмансона и от
имени его племянника Эдуарда Самуиловича Кузнецова через его адвоката
г-на Телфорда Тэйлора*

ПРОШЕНИЕ

1. Проситель Залмансон Авраам, в прошлом гражданин Советского Союза, в настоящее время является гражданином Израиля.

2. Проситель — дядя жены Эдуарда Самуиловича Кузнецова, гражданина СССР, в настоящее время отбывающего срок наказания в Потье по вынесенному 24 декабря 1970 года приговору Ленинградского городского суда, приговорившего его к смертной казни — впоследствии приговор смягчен к 15 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере особого режима. (...)

ИЗ ИЗЛОЖЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

9. Кузнецов Эдуард Самуилович родился 29 января 1939 года в Москве. Он женат на Сильвии Залмансон. Проситель, Залмансон Авраам, является ее дядей. К моменту ареста Кузнецова работал методистом в Республиканской психиатрической больнице г. Риги. (...)

11. Кузнецов и пять других подсудимых были обвинены также в хранении, подготовке, размножении и распространении антисоветской литературы. Это является основанием обвинения по статье 70 ч. 1.

ПРОШЕНИЕ К ОПРОТЕСТОВАНИЮ ПРИГОВОРА

12. Нельзя считать обоснованным приговор, вынесенный по статье 70. Решение Верховного суда РСФСР, подтвердившего виновность Кузнецова и других обвиненных по статье 70, основано на определении, что литература,

которая подготавливалась, размножалась и распространялась Кузнецовым и другими, носила "антисоветский характер". В свою очередь решение, по которому подтвержден приговор, осудивший Кузнецова и других обвиняемых по статьям 15 и 64-а, основывается частично на выводе о мнимой виновности подсудимых по статье 70. Между тем в состав правонарушения, наказуемого статьей 70, неизбежно входит распространение пропаганды "в целях подрыва или ослабления советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений". В статье 70 также отмечается, как преступное действие распространение или хранение с целью распространения печатных материалов, содержащих "клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй".

13. В решении Верховного суда РСФСР по делу Кузнецова в списке антисоветской литературы, которая якобы хранилась и распространялась им, названы следующие материалы:

"Мемуары Максима Литвинова" — авторство не выяснено.

Шуб. "Политические лидеры России".

"Обращение" — авторы из числа подсудимых.

"Итон".

14. Документы, перечисленные в параграфе 13 вместе с другими, названными документами были положены в основу определения, вынесенного Верховным судом РСФСР в подтверждение приговоров против всех обвиняемых по статьям 70, 15 и 64-а.

15. Определение, что литература носила антисоветский характер в смысле, предусмотренном статьей 70, нельзя считать правильным или состоятельным, и порядок его вынесения является нарушением статей Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. В поддержку этого положения проситель ссылается на общий меморандум о законодательных требованиях для установления антисоветского характера литературы, представляемый нижеподписавшимся в поддержку этого и других прошений под названием "Правовой меморандум II".

16. К "Правовому меморандуму II" приложены показания под присягой, данные в марте 1973 года Соней Друк (Е-1), Евой Лисицыной (Г-1), просителями от имени их брата Иосифа Менделевича, обвиняемого в этом процессе, и Пинхасом Хнохом (В-1), просителем от имени его брата Льва Хноха, обвиняемого в этом процессе.

17. В решении Верховного суда РСФСР не дается никаких оснований для заключения, что литература, на кото-

рую опиралось обвинение, носит антисоветский характер.

Показания под присягой, перечисленные выше в параграфе 16, устанавливают, что:

а) никаких показаний экспертизы или других улик*, устанавливающих антисоветский характер литературы, не было представлено на суде;

б) никаких ссылок на какое-либо предыдущее определение относительно антисоветского характера литературы не было включено в протоколы, зачитанные на судебном заседании;

в) никаких ссылок на какое-либо предыдущее определение относительно антисоветского характера литературы не было сделано прокурором или судьей на процессе;

г) некоторые из подсудимых оспаривали, что литература носит антисоветский характер.

18. Как более полно показано в "Правовом меморандуме II", обстоятельства, изложенные выше в параграфе 17, устанавливают нарушения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Эти обстоятельства также подтверждают, что обвинительное заключение по статье 70 не состоятельно и не может служить основой законного правильного приговора по делу Кузнецова; что заключение о виновности по статьям 15 и 64-а, поскольку оно частично базируется на хранении и распространении этой литературы, объявленной в судебном приговоре антисоветской, не доказано.

19. Приговор по статьям 15 и 64-а не может считаться состоятельным. Уголовная ответственность по статье 64-а предполагает не только само деяние (в данном случае " побег за границу"), но также чтобы деяние было "умышленно совершено гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР". Юридические соображения, касающиеся применения статьи 64-а, подробно развернуты в "Правовом меморандуме IV", который прилагается к данному прошению отдельно и является составной частью его.

* Контрастом могут служить обстоятельства, как утверждается в показаниях под присягой перечисленных выше в параграфе 16, что были получены заключения экспертов по другим пунктам обвинения на суде, включая характеристику револьвера, бывшего у Дымшица, и медицинская экспертиза о состоянии душевного здоровья двух обвиняемых — Менделевича и Федорова.

20. С тем, чтобы установить умысел подсудимого, являющийся необходимым фактором обвинения по статье 64-а, Верховный суд РСФСР опирался на 4 доказательства:

а) составление и подписание так называемого "Обращения", которое судом было определено как антисоветское;

б) подготовка и размножение литературы, охарактеризованной антисоветской в судебном решении;

в) намерение искать политическое убежище и

г) организационная деятельность, направленная на захват самолета, начатая осенью 1969 года.

21. По причинам, изложенным в параграфах 12-18 и в "Правовом меморандуме II", предполагается, что заключение суда о том, что "Обращение" и другие документы, перечисленные в параграфе 13, носят антисоветский характер, было выдвинуто в нарушение требований Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и потому не подлежат использованию для подтверждения вывода об антисоветских намерениях. (...)

26. Наконец участие в планировании побега вполне соответствует правонарушению статьи 83 УК РСФСР. Побег из СССР, совершенный советским гражданином, несмотря на то, является ли он нарушением, наказуемым статьями 83 или 64, предполагает тщательное планирование и организацию. Только лишь факт такого плана и организации не проливает света на цели такого побега. Если уличение в планировании и организации нелегального выезда (статья 83) считать достаточным, чтобы обратить это в действие, равносильное измене (статья 64), то следовало бы считать положение статьи 83 излишним в отношении советских граждан. Следовательно, для того чтобы нелегальный выезд считался изменой, недостаточно одного лишь участия человека в планировании покинуть СССР и переселиться в другое место.

Случай Бодни еще раз подтверждает это положение. Бодня также участвовал в планировании побега, он также играл определенную роль в общем плане побега, но он был осужден по статье 83, а не 64. (...)

*Господину Генеральному Прокурору
СССР от Любови Мурженко-Петру-
ченко и от имени ее мужа Алексея
Григорьевича Мурженко через ее
адвоката г-на Телфорда Тэйлора*

ПРОШЕНИЕ

1. Просительница является гражданкой Советского Союза.

2. Просительница — жена Алексея Григорьевича Мурженко, гражданина Советского Союза, в настоящее время находящегося в заключении по приговору Ленинградского городского суда, вынесенного 24 декабря 1970 года и приговорившего его к 14 годам лишения свободы с отбыванием их в исправительно-трудовом лагере особого режима. (...)

9. Алексей Григорьевич Мурженко родился 3 ноября 1942 года в г. Лозовая Харьковской области. Он женат на просительнице, они имеют дочь. Ко времени ареста он уже два месяца как не работал. В 1962 году он был осужден по статьям 70 и 72 УК РСФСР и приговорен к 6 годам лишения свободы. (...)

ПРОШЕНИЕ К ОПРОТЕСТОВАНИЮ ПРИГОВОРА

14. Заключение Верховного суда РСФСР, что стремление Мурженко покинуть СССР носило антисоветский характер, не подтверждается ни одним из двух нижеследующих оснований. Лично Мурженко не обвинялся в намерении обратиться за политическим убежищем за границу, а по советским законам правонарушение может инкриминироваться только индивидуально. Мурженко не может обвиняться в антисоветских намерениях только на основе того, что другие подсудимые были найдены виновными в намерении обратиться за границей за политическим убежищем.

15. Верховный суд приводит лишь единственное доказательство такого намерения со стороны Мурженко, а именно, что он участвовал в организационных приготовлениях к побегу. Верховный суд подчеркивает тот факт, что организационные действия по приготовлению побега велись долгое время и начались еще осенью 1969 года. Однако Мурженко не принимал участия в названном плане

до 10 апреля 1970 года. Если доказательством последующих намерений может являться долговременное участие в организационном плане, то оно не имело места в случае Мурженко. (...)

19. Помимо четырех пунктов обвинения, рассмотренных в 12-м параграфе и приведших к инкриминированию статьи 64-а, на которую опирался Верховный суд РСФСР, Ленинградский городской суд ссылается на другие свидетельства, относящиеся к Мурженко (они не упоминаются в заключении Верховного суда). Ленинградский городской суд ссылается на прошлое осуждение и заключение Мурженко, как находящееся в противоречии с утверждением последнего, что его попытка к бегству за границу не является изменой Родине. Но, как будет изложено в параграфах от 20 до 22 включительно, эта ссылка не является достаточной для доказательства, что Мурженко хотел в дальнейшем использовать побег для нанесения ущерба советскому государству.

20. Ленинградский городской суд утверждал, что Мурженко не стал стопроцентным советским человеком. Но само по себе, согласно советским законам, это не является преступлением. Не может это и относиться к тому, чем мог бы заниматься Мурженко, покинув Советский Союз. Это может быть соотнесено с его намерением покинуть Советский Союз, но само намерение в данном случае не оспаривается. Можно задать вопрос, намеревался ли Мурженко принять участие в действиях, наносящих ущерб внешней безопасности советского государства. Но сам факт, что кто-то не является стопроцентным советским человеком, вовсе не влечет за собой подтверждения такого намерения. В противном же случае, как ни странно, получается, что любой имевший в прошлом судимость или "нестопроцентный" советский человек, стремящийся покинуть страну нелегально, автоматически нарушает не ст. 83, а статью 64-а УК РСФСР, причем его намерения даже не принимаются во внимание.

21. Ленинградский городской суд утверждает, что прошлая судимость Мурженко (1962 г.) являлась одним из "мотивов" его побега за границу, за который ему и была инкриминирована статья 64-а. За этим не следует объяснений, каким образом наличие прошлой судимости может доказывать намерения Мурженко принести вред Советскому Союзу, став изменником. Это упоминание Ленинградским городским судом о прошлой судимости может казаться ошибочной попыткой вторичного осуждения за действия, совершенные 8 лет назад, когда подсудимому не было и 20 лет.

22. Обвиняя Мурженко в измене, Ленинградский городской суд ссылается также на то, что, отбывая срок наказания за антисоветскую деятельность, Мурженко вел якобы паразитический образ жизни. Следует заметить, что не существует ни одного указания на то, что после освобождения из заключения и в период, предшествующий вовлечению его в план захвата самолета, Мурженко вел паразитический образ жизни. Более того, паразитизм является правонарушением отдельным и отличающимся от столь тяжкого преступления, как измена. Упоминание о паразитизме в данном случае является еще одной ошибочной попыткой подвергнуть Мурженко вторичному осуждению.

23. Заключение, что действия Мурженко нельзя рассматривать как измену Родине, подтверждается еще и отсутствием каких-либо доказательств связи Мурженко с так называемыми антисоветскими организациями или публикациями в годы, предшествующие его аресту.

24. Вследствие причин, изложенных в параграфах 12—23, нет никаких доказательств в решении Верховного суда, которые подтвердили бы заключение о том, что, желая покинуть СССР, Мурженко тем самым преследовал антисоветские цели. (...)

*Господину Генеральному Прокурору
СССР от Валерия Вудки и от имени
его брата Юрия Вудки через его адво-
ката г-на Телфорда Тэйлора*

ПРОШЕНИЕ

1. Проситель Валерий Вудка, в прошлом гражданин Советского Союза, выехал на постоянное жительство в государство Израиль в 1973 году. В настоящее время он проживает в г. Холоне, Кириат-Шарет.

2. Проситель является младшим братом Юрия Вудки, гражданина Советского Союза, в настоящее время отбывающего срок наказания во Владимирской тюрьме по приговору Судебной коллегии по уголовным делам Рязанского областного суда, вступившего в силу 19 февраля 1970 года и приговорившего его к 7 годам лишения свободы с отбыванием их в исправительно-трудовом лагере строгого режима.

3. Проситель, разлученный с братом в результате

ареста и лишения свободы последнего по приговору суда от 19 февраля 1970 года, подает это прошение через своего адвоката г-на Телфорда Тэйлора для оказания помощи по нижеизложенным мотивам. (...)

ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

7. Приговор к семи годам лишения свободы был вынесен Юрию Вудке решением Рязанского областного суда, нашедшего его виновным по статье 70 и статье 72 Уголовного кодекса РСФСР (участие в антисоветской агитации, пропаганде и организации).

8. Вудка был арестован в августе 1969 года и с этого дня находился под стражей. Вышеупомянутый приговор был вынесен по окончании суда, на котором обвинялись Юрий Вудка и 5 других лиц (в том числе и проситель). Суд происходил с 9 по 19 февраля 1970 года. Приговор обжаловали в кассационном порядке, но Верховным судом РСФСР жалоба была отклонена и приговор оставлен без изменения.

9. Юрий Вениаминович Вудка родился 30 октября 1947 года в г. Павлограде. В приговоре Верховного суда он охарактеризован как "еврей, беспартийный, с незаконченным средним образованием". Он учился в Рязанском радиотехническом институте, ко времени ареста работал токарем на заводе "Рязсельмаш" и проживал в г. Рязани. Ранее Вудка судим не был.

10. Юрий Вудка и другие подсудимые обвинялись в создании "организации", занимающейся незаконной деятельностью, выразившейся в изготовлении и распространении антисоветской литературы, что является нарушением статей 70 и 72.

ПРОШЕНИЕ К ОПРОТЕСТОВАНИЮ ПРИГОВОРА

11. *Нарушение статей 240 и 301 УПК РСФСР.*

Решение Верховного суда РСФСР, утвердившего приговор, вынесенный Азерникову по статьям 70 и 72, содержит в основной части утверждение, что литература, хранимая Вудкой, являлась "антисоветской". По статье 70 для состава преступления необходимо, чтобы пропаганда велась "в целях подрыва или ослабления советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений", а также чтобы имело место распространение или хранение в тех же целях "клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй".

12. Определение, что литература была антисоветского характера, карающегося статьей 70, было несостоятельным, и обвинение по ней поэтому является нарушением статей УК РСФСР, перечисленных в параграфе 11. В поддержку этого положения проситель ссылается на Правовой меморандум о законодательных требованиях для установления антисоветского характера литературы, представляемый нижеподписавшимся в поддержку этого и других прошений (Правовой меморандум II).

13. К 'Правовому меморандуму II' приложены показания, данные под присягой в марте 1973 года просителем и Аароном Грилюсом (отцом подсудимого на том же процессе Шимона Грилюса). В этих показаниях утверждается, что:

а) на суде не были заслушаны заключения экспертов или других лиц, подтверждающих установление антисоветского характера данной литературы;

б) не было также ссылок на протоколы или другие документы, в которых эта литература охарактеризована как 'антисоветская';

в) судья отказался заслушать свидетельства подсудимых, относящихся к содержанию материалов, и в частности не разрешил Юрию Вудке прочесть выдержки из данных материалов с целью доказать, что характер материалов не является 'антисоветским'.

14. Как более полно излагается в 'Правовом меморандуме II', вышеописанные обстоятельства являются нарушением УПК РСФСР, а именно статьи 240 (суд первой инстанции обязан исследовать доказательства по делу, заслушать заключения экспертов, огласить протоколы и иные документы) и статьи 301 (обоснованность приговора). (...)

ПРОШЕНИЕ ОБ ИЗМЕНЕНИИ И УПОРЯДОЧЕНИИ УСЛОВИЙ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

17. В этих и других показаниях, представляемых на рассмотрение в связи с другими петициями, утверждается, что физические и общественные условия, в которых находится Вудка, тягостны и опасны для его здоровья, а также унижительны и оскорбительны для человеческого достоинства. Вудка и другие заключенные-евреи содержатся вместе с лицами, сотрудничавшими с нацистами, и подвергаются унижениям и оскорблениям со стороны последних. Ниже будет изложено, что Вудка подвергался репрессиям за соблюдение еврейских религиозных правил в отношении еды и одежды. Проводимые репрессии явля-

ются нарушением статьи 143 Уголовного кодекса РСФСР.

18. Проситель обращается к Генеральному Прокурору с тем, чтобы он распространил свои полномочия (ст. 32-37 Положения о прокурорском надзоре) на основании этого показания и Правового меморандума, представляемого нижеподписавшимся о соблюдении правил содержания заключенных ('Правовой меморандум III').

*Господину Генеральному Прокурору
СССР от Евы Бутман и от имени ее
мужа Г. Бутмана через ее адвоката
г-на Телфорда Тэйлора*

ПРОШЕНИЕ

1. Проситель Ева Бутман, в прошлом гражданка Советского Союза, выехала на постоянное жительство в Израиль 12 июня 1973 года, в настоящее время является гражданкой Израиля, проживает в г. Иерусалиме.

2. Проситель — жена Бутмана, гражданина СССР, в настоящее время отбывающего срок наказания в лагере № 35 г. Пермь по вынесенному 20 мая 1971 года приговору Ленинградского городского суда, приговорившего его к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере строгого режима.

3. Проситель, лишенная супружеских благ вследствие заключения мужа по приговору, вынесенному 20 мая 1971 года, подает это прошение через своего адвоката господина Телфорда Тэйлора для оказания помощи, как здесь и в дальнейшем указано.

4. Нижеподписавшийся Телфорд Тэйлор — гражданин США, адвокат, уполномоченный законами штата Нью-Йорк и округа Колумбия. Он уполномочен выступить в качестве поверенного по просьбе просительницы 21 марта 1974 года, доверившей ему под присягой действовать в качестве защитника ее интересов по этому делу.

Копия документа, подтверждающего полномочия адвоката, прилагается к этому прошению (Приложение А).

5. Разрешение представить прошение на рассмотрение от имени просителя и др. нижеподписавшемуся адвокату было лично дано первым заместителем Генерального Прокурора 5 апреля 1974 года.

ПРОШЕНИЕ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ

6. На основании причин, изложенных ниже, проситель обращается к Генеральному Прокурору СССР с просьбой:

а) Воспользоваться его полномочиями (статьи 23 и 25 Положения о прокурорском надзоре СССР и статьей 371 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР) и опротестовать приговор Ленинградского городского суда, по которому Г. Бутман осужден, и решение Верховного суда РСФСР, отклонившего кассационную жалобу Г. Бутмана на вышеупомянутый приговор.

б) Воспользоваться его полномочиями (Положения о прокурорском надзоре СССР статьи 32-37 включительно) и принять необходимые меры и дать указания соответствующим органам проверить условия, в которых Бутман отбывает срок заключения, к соблюдению правил, установленных законом о порядке надлежащего содержания лиц, находящихся в заключении;

в) Принять другие подходящие меры, включая обращение к верховным властям с просьбой о помиловании.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

7. Ленинградский городской суд, присудивший Бутмана к 10 годам заключения, признал Бутмана виновным по статье 189 ч. 1 (укрывательство хищения государственного имущества) и определил наказание — 2 года лишения свободы по статье 70 ч. 1 и 72 (участие в антисоветской агитации, пропаганде и организации) — 5 лет лишения свободы; по статьям 17 и 64-а — соучастие в измене.

В общем итоге Бутман был осужден на 10 лет лишения свободы.

8. Бутман был арестован 15 июня 1970 года и находился под стражей с этого дня.

Вышеупомянутый приговор был вынесен по решению суда по обвинению Бутмана и восьми других лиц. Процесс проходил с 11 по 20 мая 1971 года. Бутман и 7 других обвиняемых обжаловали выдвинутый приговор.

Каждый из восьми охарактеризован в решении Верховного суда как "еврей, беспартийный с высшим образованием".

9. Гилель Израилевич Бутман родился 11 сентября 1932 года в городе Ленинграде. Он женат на подательнице данного заявления, отец их дочери. Он окончил Ленинградский юридический институт и Ленинградский политех-

нический институт. К моменту его ареста проживал в Ленинграде, работая инженером на заводе "Электрик". В прошлом Бутман не был судим.

10. Обвинения против девяти подсудимых, как подытожено в решении Верховного суда РСФСР, состояли в том, что они организовали в конце 1966 года "нелегальную антисоветскую сионистскую организацию", которая "активно занималась пропагандой в целях подрыва или ослабления советской власти"; главным образом размножая и распространяя "антисоветскую литературу". Это является основой обвинений по статьям 70 и 72.

11. Бутман и шесть других обвиняемых были обвинены также в пользовании светокопировальной машиной "Эра" для этой деятельности, зная, что она была украдена из государственного учреждения в Кишиневе. Это является основой обвинения по статье 189.

12. Бутман и другой подсудимый (Михаил Коренблит) были также обвинены в преступной попытке захвата советского пассажирского самолета с целью побега за границу. Это является основой обвинения по статьям 17 и 64-а.

ПРОШЕНИЕ К ОПРОТЕСТОВАНИЮ ПРИГОВОРА

13. Нарушение статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

К этому прошению (В) прилагается показание, датированное 18 марта 1974 года и данное под присягой просителем (Н-1) 21 марта 1974 года. Как изложено в показании просителя, подсудимый отказался от официального защитника и сообщил судопроизводству, что он желает защищаться сам.

Подсудимый окончил Юридический институт и имел опыт работы следователем милиции. Вопреки возражениям подсудимого защитник для него был назначен Ленинградской коллегией адвокатов, и ему было сообщено, что он не имеет права отклонить услуги назначенного адвоката. Впоследствии, на суде и в кассационном разбирательстве, назначенный адвокат вел его защиту.

14. Факты, изложенные в параграфе 13, обнаруживают явное нарушение статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которая гласит: "Обвиняемый вправе в любой момент производства по делу отказаться от защитника". Совершенно ясно из 2-го параграфа статьи 50, что если подсудимый не является несовершеннолетним и не имеет физических или психических недостатков, его отказ от защитника обязывает суд, следователя и прокурора

принять этот отказ. Проситель также обращает внимание на право обвиняемого иметь выбор защитника, указанное в Меморандуме, предъявляемом отдельно нижеподписавшимся в поддержку этого и других прошений, называемом "Легальный меморандум I".

15. Нарушение статей 184, 185, 240, 276, 289 и 301 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Решение Верховного суда РСФСР подтвердившего приговор, вынесенный Бутману (и др. обвиняемым) по статьям 70 и 72, основано главным образом на том, что литература, размноженная и распространенная Бутманом и другими имела "антисоветский" характер. Статьей 70 осуждается распространение пропаганды "в целях подрыва или ослабления советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений", а также определяется противозаконным распространение или хранение с этой целью печатных материалов, содержащих "клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй".

16. В решении Верховного суда РСФСР в списке антисоветской литературы, которая хранилась и распространялась Бутманом, названы следующие материалы:

- Леон Юрис "Исход"
- Кэнан А. "Открытое письмо"
- Мнячко "Агрессоры"
- Штильбанс "Наши задачи" (подсудимый на этом процессе)

- Мемуары Максима Литвинова (авторство не выяснено)

- Итон-1 — Итон-2 — названный как "нелегальный сборник работ", авторство и содержание не выяснены в решении.

17. Документы, перечисленные в параграфе 16, вместе с другими названными документами были положены в основу определения, вынесенного Верховным судом РСФСР против всех обвиняемых в нарушениях по статьям 70 и 72.

18. Определение, что литература была антисоветского характера, карающегося статьей 70, было несостоятельным, и обвинение по ней поэтому является нарушением статей УК РСФСР, перечисленных в параграфе 15. В поддержку этого положения проситель ссылается на Общий меморандум о законодательных требованиях для установления антисоветского характера литературы, представляемого нижеподписавшимся в поддержку этого и других прошений под названием "Правовой меморандум II".

19. Прилагаемые к "Правовому меморандуму" показа-

ния под присягой, данной в марте 1973 года Мусей Ягман (Т-1) — женой просителя Льва Ягмана, обвиняемого на этом процессе, Полиной Коренблит (Д-2) — женой просителя Михаила Коренблита, обвиняемого на этом процессе, Симой Каминской (Г-2) — женой Лассалья Каминского, обвиняемого на том же процессе, Виктором Богуславским (С-1) и Львом Коренблитом (К) — оба обвиняемые на том же процессе.

20. Решение Верховного суда РСФСР не определяет никакого основания для заключения о том, что литература, на которую опирался суд, была антисоветской. Показания под присягой, перечисленные в параграфе 19, устанавливают, что:

а) В досье Льва Коренблита была выписка из ОБЛИТа (или, возможно, ГЛАВЛИТа, возможно, так же, как и в досье других обвиняемых, поскольку литература была во всех случаях более или менее одна и та же), характеризующая литературу, фигурировавшую в деле как антисоветскую;

б) Документ ОБЛИТа не был зачитан публично и не был записан в протокол суда;

в) Желание Льва Коренблита вызвать свидетелей для показаний по этому пункту не было удовлетворено его защитником, который отнесся к этому вопросу как к "пред-
решенному";

г) Никаких показаний или каких-либо улик, устанавливающих антисоветский характер литературы, не было представлено на суде;

д) Несмотря на недостаточность убеждающих обстоятельств, судья публично заявил, что литература является антисоветской;

ж) В просьбе подсудимого Богуславского о том, чтобы следователь привел заключение эксперта по этому пункту, было отказано.

21. Как более полно показано в "Правовом меморандуме II", обстоятельства, изложенные в параграфе 20, устанавливают нарушения статей 184 и 185 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (экспертиза в ходе предварительного судебного разбирательства), 217 и 289 (допрос экспертов на суде), 240 и 292 (публичное оглашение документов досье на суде) и 301 (обоснованность приговора). Эти обстоятельства подтверждают несостоятельность заключения о виновности по статьям 70 и 72. Такое заключение не может быть основой законного приговора по делу Бутмана.

22. Обвинение по статье 189.

Как указано в решении Верховного суда РСФСР, Бут-

ман был обвинен по первому параграфу статьи 189 — сокрытие якобы украденной светокопировальной машины "Эра". Однако кажется, что действие должно подпадать только под параграф 2 статьи 189, который относится к параграфу 1 статьи 90, предусматривающему — ответственность хищения, совершенного без насилия, наказывается максимально лишением свободы на 2 года, как следует из параграфа 2 статьи 189 УК РСФСР. В любом случае Бутман на сегодня отбыл почти двойной срок заключения, вынесенного по решению суда по этому обвинению, которое, следовательно, не является основанием для продолжающегося заключения.

23. Приговор по статьям 17 и 64-а не может считаться состоятельным.

Этот приговор включает наиболее серьезные обвинения против Бутмана и составляет десятилетний срок наказания, вынесенного по приговору.

Пресеченное покушение на советский самолет для побега в Швецию, состоявшееся 15 июня 1970 года, было главным предметом обсуждения на предыдущем Ленинградском процессе (декабрь, 1970), включающим прокурора Дымшица и др.

24. В прошениях, представленных нижеподписавшимся от имени родных девяти подсудимых Первого ленинградского процесса, утверждается, что нарушение процессуальных правил и необоснованность доказательств в этом процессе требует отмены приговоров по статьям 15 и 64-а против обвиняемых по этому процессу. Ясно, что если эти защитительные аргументы будут приняты в отношении осужденных по первому процессу, то они *a fortiori* будут относиться и к Бутману. С этой целью эти аргументы излагаются здесь.

25. Бутман не участвовал в попытке 15 июня 1970 года. Неоспоримо, что с 27 мая по день его ареста его не было в Ленинграде, вне которого он отдыхал со своей дочерью, хотя это обстоятельство не упомянуто в решении Верховного суда РСФСР. Соответственно он не был обвинен в покушении на преступление, а только в содействии такому покушению (статья 17).

26. Кажется, что было установлено, что Бутман в действительности участвовал в приготовлении хищения советского самолета ТУ-124 в начале мая, но это предположение было отклонено всеми замешанными. Вопрос о соучастии в последующем плане, предполагавшем использование меньшего самолета АН-2, которое завершилось кульминационным эпизодом 15 июня 1970 года.

27. Ход событий, ведущий к эпизоду 15 июня 1970 го-

да, описан детально в решениях Первого ленинградского процесса Ленинградским городским судом и Верховным судом РСФСР. Там ясно показано, что план захвата самолета АН-2 не выдвигался приблизительно до 1 июня 1970 года, что указывает на отсутствие Бутмана в Ленинграде к этому моменту в течение уже нескольких дней. Ни одно из этих решений ни разу не упоминает факта участия Бутмана в связи с приготовлением попытки 15 июня 1970 года. В определении Верховного суда РСФСР по обвинению Бутмана ничего не установлено относительно его участия в этом деле.

Факт, что Бутман, который в начале года был замешан в план побега, но не присоединился к покушающейся группе 15 июня 1970 года, и на самом деле не имел контактов с группой после 25 мая, убедительно подтверждает отсутствие связи в момент захвата самолета. В результате доказательства участия Бутмана в эпизоде 15 июня абсолютно несостоятельны.

28. Уголовная ответственность по статье 64-а предполагает не только само деяние (в данном случае "побег за границу"), но также, чтобы деяние было "умышленно совершено гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР". Чтобы установить такое намерение у обвиняемого по Первому ленинградскому процессу, Верховный суд РСФСР опирался особенно на подписание так называемого "Обращения" антисоветского содержания, и намерение тех четырех подсудимых, которые просили бы политического убежища в Швеции, и на распространение ими антисоветской литературы.

Два из этих обстоятельств абсолютно отсутствуют в случае Бутмана. Как показано в решении Ленинградского городского суда по Первому ленинградскому процессу "Обращение" было подписано 9 июня 1970 года, в момент, когда Бутман не находился в городе, пребывая на отдыхе, и не имел контакта с группой уже в течение двух недель.

Бутман также отсутствовал, когда другие якобы вели переговоры об их намерении искать политического убежища. И доказательства антисоветского характера литературы распространявшейся ранее, как показано в параграфах 15-21 и в прилагающихся показаниях под присягой, представляемых нижеподписавшимся в связи с Первым ленинградским процессом, не обоснованы и опровергаются фактом ряда нарушений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

29. При обстоятельствах, изложенных в параграфе 28,

даже если предположить, что Бутман ответствен за соучастие в попытке захвата 15 июня, это не подпадает под статью 64-а.

В крайнем случае они показывают на соучастие, подпадающее под статью 83, наказующую незаконный выезд за границу, максимальный срок наказания по которой — 3 года лишения свободы.

30. Кроме того, и опять же в условном предположении того, что соучастие Бутмана установлено, соучастие относится не к совершению преступления, наказуемого по статье 64-а, а только к приготовлению или покушению на него. Это видно из того, что участвующие в похищении самолета были обвинены по статье 15 совместно со статьей 64-а. Следовательно, была допущена ошибка в обвинении Бутмана по статье 17, в прямой связи со статьей 64-а, так как это обвинение включает совершение преступления. Обвинение, доказывающее соучастие в покушении, должно быть вынесенным по статьям 15, 17 и 64-а. Этот вывод поддерживается положением книги Ф.Г. Бурчака "Учение о соучастии по советскому уголовному праву", Киев, 1969 год, стр. 182-183 и 192-193. Ф.Г. Бурчак цитирует (стр. 183) учебник профессора Дурманова и комментарии профессора Ковалева (1961 г.) в подтверждение своего вывода.

31. Ошибка, разъясненная в параграфе 30, не является только лишь техническим вопросом защиты. Общественная опасность соучастия в покушении на преступление меньше, чем соучастие в совершенном преступлении, как указывает Бурчак на стр. 183 своей книги. На этом обстоятельстве поэтому должен базироваться меньший приговор Бутману, например ссылаясь на статью 43 УК РСФСР.

32. Основание на прошение к опротестованию.

Согласно статье 379 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР причины приговора, вступившего в законную силу, такие же, как перечисляются в статье 342 и для кассации. Все пять причин, перечисленные в статье 342, содержатся в обстоятельствах и аргументах, изложенных выше. К тому же мотивировка для опротестования статей 343 (1) предусмотрена для ситуаций, подобных данной, где "не была проведена экспертиза, когда ее проведение по закону является обязательным". (...)

ПРОШЕНИЕ О ВОССТАНОВЛЕНИИ НОРМ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

34. Это показание, как и ряд других, представляемых в связи с другими прошениями, заявляет, что Бутман — еврей, содержится в заключении вместе с бывшими нацистами.

35. Показание указывает также на неподобающие и угнетающие условия, в которых Бутман отбывает свой срок заключения.

36. Проситель обращается к Генеральному Прокурору с тем, чтобы он распространил свои полномочия (стр. 32-37 "Положения о прокурорском надзоре") на основании этого показания и "Правового меморандума", представляемого нижеподписавшимся о соблюдении правил содержания заключенных "Правовой меморандум III").

ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ ИЛИ СМЯГЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

37. Проситель сознает, что согласно статье 33 (1) Конституции РСФСР полномочие на помилование зависит от решения Президиума Верховного Совета РСФСР для таких граждан, как Бутман, которые были осуждены судебными органами РСФСР. Проситель также опирается на положение, взятое из официально принятого учебника по Исправительно-трудовому праву (Москва, 1971 г.), которое говорит, что основания, на которых предоставляется и добивается помилование, не предусматриваются законом и что инициатива прошения о помиловании может исходить от родственников осужденного лица или от любого органа государственной власти (стр. 371-373). Кроме того, там указывается, что помилование может быть частичной или полной отменой оставшегося срока заключения.

38. Исходя из этого, заявитель просит в случае, если просьбы этой петиции не будут удовлетворены, чтобы прошение расценивалось как заявление с просьбой о помиловании и передать в соответствующие инстанции Президиума Верховного Совета СССР.

39. В поддержку просьбы о помиловании заявитель хотел бы отметить, что, получив разрешение на выезд в Израиль, где она проживает, она испытывает острую необходимость присутствия отца, лишенная его в результате его пребывания в заключении в СССР, но в действительности не причинившего никакого вреда Советскому государству или народу. Воссоединение его с семьей, проживающей в Израиле, не представляет никакой общественной опасности для СССР.

40. Заявитель обращается также с просьбой к господину Генеральному Прокурору принять необходимые меры по решению данного дела в интересах правосудия.

Представлено с глубоким уважением —

Телфорд Тэйлор,

поверенный автора прошения

10 июня 1974 года

*Господину Генеральному Прокурору
СССР от Ялты Пинхасовой и от имени
ее мужа г. Пинхас Пинхасова через ее
адвоката г-на Телфорда Тэйлора*

ПРОШЕНИЕ

1. Проситель, Ялта Пинхасова, в прошлом гражданка СССР, выехала на постоянное жительство в Израиль 26 сентября 1973 года, в настоящее время является гражданкой Израйля в г. Хадера.

2. Проситель, жена Пинхаса Пинхасова, гражданина СССР, в настоящем отбывающего срок наказания в Большом Дариме, в лагере № 5 Маб-Дербентского района Калмыкской АССР, по приговору Дербентского городского суда от 13 ноября 1973 года, приговорившего Пинхасова к 5 годам лишения свободы. (...)

ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

7. Дербентский городской суд, присудивший Пинхаса Пинхасова к 5 годам лишения свободы, признал Пинхасова виновным по ст. 92 УК РСФСР (хищение государственного имущества посредством присвоения, растраты или злоупотребления служебного положения — 4 года лишения свободы) и ст. 156 (обман покупателей посредством обчета или завышения утвержденных розничных цен — 2 года лишения свободы).

8. Вышеупомянутый приговор был вынесен на открытом судебном заседании, на котором обвинялся Пинхасов один. Проситель, его жена, не присутствовала на суде; она с детьми выехала в Израиль ранее, чем состоялся суд. Ни приговор Дербентского городского суда, ни решение на кассационную жалобу в Верховный суд Дагестанской

АССР не были опубликованы. Копии ни того, ни другого документа не были показаны просителю. О решении суда писалось, однако, в советской печати. Более того, проситель узнала то, что случилось, через показания под присягой присутствовавших, в том числе и показания Райи Мишиевой, одной из двух народных заседателей на процессе.

9. Пинхасов был арестован 9 сентября 1973 года и находился под стражей с этой даты. Суд состоялся 12 и 13 ноября 1973 года. Пинхасов обжаловал приговор в Верховный суд Дагестанской АССР без помощи назначенного судом адвоката Ильяева, который, поддавшись запугиваниям и угрозам со стороны местного руководства, отказался подать кассационную жалобу от имени Пинхасова. По этой причине Пинхасов апеллировал самостоятельно. 11 декабря 1973 года кассационная жалоба была рассмотрена Верховным судом Дагестанской АССР, и приговор Дербентского городского суда оставлен в силе. Свидетели не были вызваны и оба — обвиняемый и его адвокат — отсутствовали в тот день, когда жалоба рассматривалась.

10. Пинхас Пинхасов родился в 1935 году, к моменту ареста он проживал в Дербенте Дагестанской АССР. Он еврей, женат на просительнице, отец шестерых детей. После 8 лет учебы он начал работать плотником. В 1959 году он лишился ноги из-за несчастного случая на его работе. До ареста Пинхасов судимостей не имел.

11. В начале 1973 года Пинхасов и его семья подали заявление в соответствующую инстанцию для выезда в Израиль. Летом того же года они получили разрешение на выезд от ОВИРа г. Махачкала. После этого Пинхасов уволился с работы и закончил свои личные дела с намерением выехать в Израиль в конце сентября 1973 года.

12. Между временем получения разрешения на выезд и арестом 9 сентября 1973 года местные власти и в том числе следователь Нагиев неоднократно требовали от Пинхасова отказаться от планов на эмиграцию. Пинхасов был предупрежден, что арабы победят Израиль, что его детям опасно будет жить там, а также, что люди в Израиле спят под открытым небом из-за недостатка жилых помещений. Когда 9 сентября 1973 года Пинхасов ясно дал понять властям, что он не хочет менять планов о выезде в Израиль, местная милиция арестовала его в присутствии жены и детей Пинхасова. Не раньше чем через три дня власти информировали просителя о возбуждении дела против ее мужа.

ПРОШЕНИЕ К ОПРОТЕСТОВАНИЮ ПРИГОВОРА

13. Приговор по статьям 92 и 156 несостоятелен.

Из письменных заявлений под присягой, данных тремя свидетелями в суде, явствует, что обвиняющая сторона на процессе стремилась инкриминировать преступление Пинхасову любыми способами. Однако все свидетели обвинения утверждали, что Пинхасов не виновен. Иааков Ниссан, родственник обвиняемого, утверждает, что приблизительно 11 человек, для которых Пинхасов выполнял плотницкие работы, были вызваны в качестве свидетелей обвинения, чтобы дать показания против Пинхасова. Однако не было ни одного свидетеля, подтвердившего, что Пинхасов завывшал расценки. Все они показали, что Пинхасов назначал цены, точно в соответствии с утвержденными на фабрике, где он работал. Далее свидетели показали, что всякая дополнительная оплата или подарки пищей или напитками давались ему за дополнительную работу, такую, как транспортировка материалов, сверхурочная и воскресная работа и за ту помощь, которую оказывал им сын Пинхасова при выполнении их заказов. Никто из свидетелей не выразил недовольства по поводу дополнительной оплаты; все свидетели считали эту оплату вполне обоснованной. Защита не выдвигала свидетелей, кроме самого Пинхасова, полностью отрицавшего виновность. Когда он пытался высказать мнение, что его обвиняют в связи с его планами эмигрировать в Израиль, судья прерывал и запрещал ему говорить.

14. Еще убедительнее невинность Пинхасова показывает заявление Р. Мишиевой, бывшей народным заседателем на суде по делу Пинхасова в ноябре 1973 года и проживающей теперь в Израиле. В своем заявлении Р. Мишиева утверждает, что после внимательного слушания показаний свидетелей она убедилась в невинности Пинхасова. Более того, на основе заявлений, сделанных ей судьей Расмасановым и другим народным заседателем, Мишиева пришла к выводу, что Пинхасов обвинялся потому, что подал заявление об эмиграции в Израиль. В перерыве судебного заседания Мишиевой было даже предложено передать семье обвиняемого, что если он откажется от намерения эмигрировать и вызовет из Израиля жену и детей, с него снимут обвинение и ему предоставят новую квартиру и работу.

Письменное заявление Иаакова Ниссана подтверждает эти сведения.

15. На суде, как указано в заявлении Мишиевой, Пин-

хасов просил разрешения вызвать некоторых свидетелей. В то время, как обвинение имело 11 свидетелей, судья не разрешил защите вызвать хотя бы одного свидетеля. Таким образом ущемляя Пинхасова в его праве представить суду показания, судья Расмасанов явно нарушил ст. ст. 46, 51, 245 и 276 УПК РСФСР. Но еще важнее, как следует из заявления Мишиевой, показания свидетелей обвинения совершенно не дают оснований для осуждения Пинхасова ни по обвинению в нарушении ст. 92 ни ст. 156. Но в итоге судебного разбирательства судья Расмасанов и другой народный заседатель тем не менее приготовили обвинительный приговор, который не соответствует свидетельским показаниям. Поступив так, они нарушили ст. 301 УПК РСФСР, требующую от судьи быть рассудительным, хорошо обоснованным и основывающимся только на доказательствах, зачитанных в ходе судебного разбирательства.

16. *Отказ Пинхасову в праве выбора адвоката и в праве на защиту.*

Как указано в заявлении Иаакова Ниссана, семья Пинхасова хотела, чтобы Пинхасова защищал московский адвокат Векслер. Однако дербентские власти не позволили Векслеру представлять Пинхасова; итак, лишь местный адвокат Овадя Ильяев был защитником Пинхасова. Запутанный местными официальными лицами, боявшийся угроз, Ильяев только символически представлял Пинхасова и наотрез отказался подать кассационную жалобу. Когда же другой дербентский адвокат не пожелал представлять Пинхасова, обвиняемый должен был самостоятельно составить кассационную жалобу. Кассационная жалоба Пинхасова рассматривалась Верховным судом Дагестанской АССР 11 декабря 1973 года. Свидетели не были приглашены, не явился и адвокат Ильяев. Пинхасову не позволили присутствовать. После 15 минут разбирательства суд утвердил приговор Дербентского горсуда. Хотя имелась в принципе возможность последующей жалобы в Верховный суд РСФСР, Пинхасову и его семье не удалось найти адвоката, который смог бы их представлять в этой инстанции.

*Господину Генеральному Прокурору
СССР от Фейги Моисеевны Школьник
и от имени ее мужа Исаака Рафаило-
вича Школьника через ее адвоката
г-на Телфорда Тэйлора*

ПРОШЕНИЕ

1. Просительница Фейга Моисеевна Школьник, в прошлом гражданка Советского Союза, выехала в государство Израиль 31 декабря 1973 года. В настоящее время просительница является гражданкой государства Израиль и проживает в Беэр-Шеве.

2. Просительница является женой Исаака Школьника, гражданина Советского Союза, в настоящее время отбывающего срок заключения в Перми, в лагерном пункте № 35 по приговору, вынесенному 11 апреля 1973 года в г. Виннице Военным Трибуналом Закарпатского Военного Округа и приговорившему его к 10 годам лишения свободы. После подачи кассационной жалобы приговор был смягчен до 7 лет лишения свободы.

3. Просительница, разлученная с мужем вследствие пребывания последнего в заключении по приговору суда от 11 апреля 1973 года, подает это прошение через своего адвоката Телфорда Тэйлора для оказания помощи по нижеизложенным мотивам.

(...)

5. Разрешение представить прошение на рассмотрение от имени просителя и др. нижеподписавшемуся адвокату было лично дано первым заместителем Генерального Прокурора 5 апреля 1974 года. (...)

6. На основании причин, изложенных ниже, проситель обращается к Генеральному Прокурору СССР с просьбой: (...)

б) воспользоваться его полномочиями (Положение о прокурорском надзоре СССР, статьи 32-37 включительно) и принять необходимые меры к соблюдению правил надлежащего, установленного законом, содержания лиц, находящихся в заключении;

в) принять другие меры, включая обращение к верховным властям о помиловании, если интересы правосудия этого потребуют.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

7. Приговор был вынесен Исааку Школьнику в городе Винница Украинской ССР Военным Трибуналом Закарпатского Военного Округа Украинской ССР; Исаак Школьник был признан виновным по статье 56 УК УССР (соответствующей статье 64 УК РСФСР — измена, 10 лет лишения свободы) и по статье 62 (соответствующей статье 70 УК РСФСР — антисоветская пропаганда и агитация, 5 лет) и по совокупности статей приговорен к 10 годам лишения свободы. По кассационной жалобе приговор был смягчен до 7 лет лишения свободы.

8. Вышеуказанный приговор был вынесен по окончании закрытого судебного процесса, на котором Школьник был единственным обвиняемым. На процесс Школьника, который велся Военным Трибуналом, не были допущены даже родственники обвиняемого. Просительнице, жене Школьника, было разрешено присутствовать на суде только в период, когда она давала свидетельские показания. Как известно свидетельнице, ни текст приговора Военного Трибунала, ни текст решения кассационной комиссии не были оглашены публично. Просительница не была ознакомлена с копиями данных документов. Результаты суда, однако, нашли отражение в советской прессе. Эта петиция основывается большей частью на сведениях, изложенных в советской прессе, на показаниях просительницы, данных под присягой, и на ее предыдущих заявлениях (также приложенных к петиции).

9. Школьник был арестован 5 июля 1972 года и с этого дня находился под стражей. Суд проходил с 29 марта по 11 апреля 1973 года. Школьник подал кассационную жалобу, а 13 июня 1973 года он написал в Президиум Верховного Совета СССР Генеральному Секретарю ЦК КПСС (копию заявления он послал в Военную Коллегию Верховного Суда), прося пересмотра приговора. Копия заявления от 13 июня 1973 года приложена к петиции (Приложение В).

10. Исаак Школьник родился в 1936 году и к моменту своего ареста жил на Украине, в городе Винница. Он еврей, женат на просительнице, у них есть дочь. У Школьника незаконченное среднее образование. Он работал шахтером, механиком, простым рабочим. Ко времени ареста Школьник работал сборщиком автоматических приборов на заводе в Виннице. Ранее Школьник судим не был.

11. 5 июля 1972 года при аресте Школьника в его квартире был произведен обыск. Среди изъятых материалов были письма на английском языке, полученные Школьником из Канады и Англии, фотографии и открытки с пор-

третами английских писателей, различные журналы на русском и английском языках, пять американских долларов, паспорт на импортный транзисторный приемник и несколько переписанных от руки уроков из учебника языка иврит. Среди изъятых предметов находилась визитная карточка английского инженера, который приезжал в Винницу приблизительно в 1968 году в составе группы британских инженеров, осуществлявших монтаж оборудования на Винницком химическом заводе им. Я.М. Свердлова, поставленного Советскому Союзу Великобританией.

12. После ареста Школьнику сразу же было предъявлено обвинение в нарушении статьи 187 УК УССР (соответствует статье 190 УК РСФСР): "систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй". Впоследствии это заявление было заменено обвинением в нарушении Школьником статьи 62 УК УССР (соответствует статье 70 УК РСФСР): антисоветская агитация и пропаганда. После приблизительно шести- или семимесячного предварительного заключения против Школьника были выдвинуты новые обвинения. Ему было предъявлено обвинение по статье 56 УК УССР (соответствует статье 64 УК РСФСР) в шпионаже в пользу правительства Великобритании. Когда просителю — жене Школьника — следователь КГБ сообщил об этом новом обвинении, она написала прошение на имя Генерального Прокурора СССР с просьбой о расследовании этого последнего изменения обвинения против ее мужа. В указанном прошении (Приложение С) проситель заявляла, что она, хорошо зная своего мужа в течение длительного времени, утверждает, что он никогда не занимался, да никогда и не искал случая заняться шпионажем в пользу британского правительства.

13. В феврале 1973 года британское правительство узнало, что Школьник был обвинен советскими властями в шпионаже в пользу Великобритании. Представители британского правительства опровергли слухи о том, что Школьник является английским шпионом. Член британского парламента Гревилл Дженнер, представитель лейбористской партии от графства Северо-Западный Лестер, сделал на эту тему публичное заявление, которое было опубликовано в британской печати: в частности, статьи появились в газетах "Таймс" (12 и 13 февраля и 30 марта), "Дейли Мейл" (12 февраля, 9 и 12 апреля) и "Гардиан" (13 февраля). Как сообщалось в этих статьях, британское министерство иностранных дел вошло в контакт с советскими властями по поводу дела Школьника и заявило, что Школьник никоим образом не был связан с Великобританией.

14. Когда Школьник был доставлен в суд, начавшийся 29 марта, обвинение против него было вновь пересмотрено. Он уже не обвинялся в шпионаже в пользу британского правительства, но был обвинен в шпионаже в пользу правительства Израиля: по статье 56 УК УССР. Он был также обвинен в антисоветской агитации и пропаганде по статье 62 УК УССР.

15. Как сообщалось в советском еженедельнике "Неделя" от 21 апреля 1973 года, главным обвинением против Школьника, выдвинутым на суде, был "систематический сбор шпионских материалов о Советском Союзе с целью передачи израильской разведке, когда он прибудет в Израиль". Винницкая газета, выходящая на украинском языке, сообщила об обвинениях в тех же выражениях, заявив, что Школьник был обвинен в "систематическом, многолетнем собирании информации относительно вооруженных сил СССР с целью передать эту информацию в распоряжение одной из иностранных разведок". Это обвинение явилось основанием для обвинения Школьника по статье 56 УК УССР (соответствует статье 64 УК РСФСР).

16. Подробные сведения об обвинении, выдвинутом против Школьника, были сообщены в советском еженедельнике "Неделя" от 21 апреля 1973 года, где говорилось, что собираемые Школьником материалы "содержали военные и государственные тайны, включая места расположений и назначение виднейших оборонных установок, места расположений и вооружение военных соединений, информацию о предприятиях оборонной промышленности, перечисление типов военного оборудования Советской Армии, включая танки и самолеты".

17. Обвинение в государственной измене, предъявленное Школьнику, представляется необоснованным. Не имея доступа к документам суда по этому делу, нижеподписавшийся не в состоянии определить с достаточной уверенностью, на основании каких свидетельств Школьник был обвинен в государственной измене. Тем не менее, информация, имеющаяся в распоряжении у нижеподписавшегося, почерпнутая из сообщений советской прессы и из заявлений просителя, убеждает, что в обвинении содержатся определенные юридические ошибки, как указывается ниже.

18. В сообщениях суда ни разу не предполагается, что Школьник когда-нибудь вступал в прямой или косвенный контакт с каким бы то ни было агентом израильского или другого государства. Также не было ни одного предположения, свидетельствующего о факте, что Школьник когда-нибудь действительно передавал письменно или устно какую-либо информацию, описываемую в параграфе 16, израильскому правительству или какому-либо друго-

му правительству. Материалы, изъятые при обыске, произведенном на квартире Школьника, не указывают на какую-либо связь с каким-либо израильским агентом. (Визитная карточка английского инженера, упоминаемая в параграфе 10, свидетельствует лишь о контакте с британским гражданином, который находился в Виннице как официальный представитель торговой фирмы. Однако Школьник даже не обвинялся в шпионаже в пользу Великобритании). Более того, все сообщения об обвинении Школьника ясно указывают, что Школьник был обвинен в намерении передать определенную информацию Израилю (когда-нибудь) в будущем, если и когда обстоятельства позволят.

19. Для установления уголовной ответственности за изменнические действия и шпионаж, согласно основам советского права, необходимо установить, что обвиняемый подлинно имел намерение совершить преступное деяние передачи "тайн". Бесспорные факты по этому делу не оставляют сомнений в том, что Школьник не мог быть обвинен в том, что необходимо наличествовало это намерение. Не может оспариваться и то, что к моменту ареста Школьника 5 июля 1972 года он еще не подал властям документы для получения выездной визы в Израиль. В статье советского еженедельника "Неделя" от 21 апреля 1973 года сообщалось, что Школьник намеревался обратиться к советским властям за разрешением выехать в Израиль. Однако у него не было времени подать документы на выезд из СССР, и только после своего ареста он получил вызов из Израиля.

Но в том же сообщении говорится, что Школьник собирал информацию "с целью *продать* ее израильской разведке, когда он приедет в Израиль".

Таким образом, совершенно ясно, что в то время, когда Школьник якобы собирал информацию с целью передачи ее, когда он приедет в Израиль, он ничего не предпринимал для достижения цели выезда в Израиль.

Более того, Школьник был не в состоянии добиться этой цели, ибо он был зависим от решения надлежащих властей, от которых он мог бы получить или мог бы не получить необходимое разрешение на выезд из Советского Союза. Но в любом случае Школьник не мог даже повлиять на решение властей дать ему разрешение. Таким образом, Школьник не мог знать, *получит* ли он необходимое разрешение на выезд, и если да, то когда он получит такое разрешение. Его так называемое намерение передать информацию Израилю было поэтому больше *условным* намерением, которое могло стать действительным и подлинным намерением только если и когда случились бы события, которые не зависят от него самого.

Такое условное намерение не может быть основанием обвинения в измене. И поскольку Школьник был обвинен в измене тогда, когда он не имел *действительного и фактически наличествующего* намерения передать информацию Израилю, обвинение не может считаться обоснованным.

20. Школьник не обладал и способностью собирания информации, описываемой в параграфе 16.

Из судебных отчетов явствует, что не было представлено ни одного доказательства, позволяющего предположить, что Школьник собирал какую-нибудь из указываемой информации, заноса ее на бумагу или сохраняя ее длительно в другой форме.

Обыск, произведенный на его квартире, не обнаружил никаких *документальных* свидетельств сбора им какой бы то ни было секретной информации. Хотя Школьник и был обвинен в "систематическом и постоянном сборе информации *в течение нескольких лет*", совершенно ясно, что если Школьник собирал секретную информацию, как обвиняется, то он запоминал ее на память и хранил все детали в уме на протяжении нескольких лет, в то время как он мог иметь возможность передать ее в Израиль.

21. Информация того вида, который описывается в параграфе 16 должна необходимо включать множество сложных деталей, как числовых так и описательных, с указанием местонахождения, размеров, особенностей, а также стратегические военные планы. Все это не может быть "систематически" и "постоянно" собираться и запоминаться человеком, который не обладает соответствующим складом ума и техническими познаниями, важными для понимания, запоминания и синтеза сложных технических и стратегических планов. Совершенно очевидно, что только человек необычных умственных способностей мог выполнить то, что инкриминируется Школьнику. Но кроме свидетельства, что Школьник читал некоторые военные и научные издания, ничто не свидетельствует о том, что Школьник обладал техническим и интеллектуальным кругозором, необходимым для того, чтобы понимать, запоминать и синтезировать информацию такого рода, какую он якобы собирал. Напротив, все указывает на то, что Школьник не обладал необходимыми для выполнения такой задачи умственными способностями. Он не имел ни среднего, ни тем более высшего образования, он работал только рабочим, шахтером, механиком, слесарем-сборщиком. Кроме наличествующего обвинения и приговора суда, трудно представить, какое свидетельство может быть получено для установления способности систематически собирать и держать в памяти — в течение неопределенного

количества времени, по крайней мере несколько лет — так называемую информацию. Если такого свидетельства получено не было, то нет и достаточного основания для обвинения, предъявленного Школьнику.

22. Соответственно, исходя из свидетельств и фактов, известных нижеподписавшемуся и изложенных в параграфах от 17 до 21, обвинение Школьника в государственной измене совершенно необоснованно.

23. *Наказание является чрезмерным, если принять во внимание провал плана.*

Бесспорно, что ущерб, который якобы планировал Школьник, в этом случае не имел места. Он на самом деле не передавал никакой информации представителю Израиля или какого-либо иного государства и даже не был близок к этому, так как он еще не подал документы на выезд. Согласно основному принципу советского законодательства, чем дальше преступление от совершения, тем мягче должно быть наказание. Соответственно, в деле Школьника приговор должен быть смягчен (основанием может служить статья 43 УК РСФСР), принимая во внимание бесспорный факт, что подсудимый был далек от совершения конечного ущерба, который им якобы планировался. Это замечание развито в Правовом меморандуме IV, который прилагается к настоящему прошению.

24. *Приговор, вынесенный по делу Школьника и обвиняющий его в антисоветской агитации и пропаганде, может считаться необоснованным.*

Чтобы нести уголовную ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду, требуются доказательства намерения причинить ущерб Советскому Союзу. Центральный элемент этого преступления состоит в распространении пропаганды "в целях подрыва или ослабления советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений". Распространение или хранение в тех же целях документов, содержащих "клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй"; тоже считается преступлением.

Не зная решения или приговора, подписавшийся не в состоянии определить с достаточной уверенностью, на какие доказательства опирался военный трибунал, чтобы прийти к выводу, что Школьник виновен в антисоветской агитации и пропаганде. Однако, исходя из показаний, данных под присягой просителем (S-1, Приложение Д), установлено, что никакой экспертизы по поводу антисоветского характера сведений, распространяемых Школьником, суду представлено не было. Обыск квартиры Школьника также не обнаружил каких-либо документов,

которые подтвердили бы обвинение в хранении антисоветской пропаганды. Однако известно, что свидетельство, доказывающее желание Школьника выехать на постоянное жительство в Израиль, было представлено суду. По основному принципу советского законодательства одно лишь доказательство желания покинуть СССР и поселиться в другой стране не может служить единственным основанием для вывода, что данное лицо желает причинить ущерб Советскому Союзу. Если желание Школьника уехать из Советского Союза является единственным основанием для обвинения по статье 62 Уголовного кодекса Украинской ССР, такое обвинение не может считаться обоснованным.

25. Отказ Школьнику в праве на защиту и в праве иметь защитника по своему выбору.

К данному прошению прилагаются показания под присягой просителя, в которых проситель свидетельствует об определенных фактах, касающихся характера защиты Школьника и его адвоката, а также заявление, посланное просителем и родителями Школьника Председателю Военной Коллегии Верховного Суда СССР, Председателю Военного Трибунала Закарпатского Военного Округа и Председателю Винницкой областной коллегии адвокатов, в котором они выразили свое недовольство действиями защитника Школьника. Как здесь указывается и доказывается ниже, Школьнику было отказано в праве на защиту.

26. Согласно показаниям, данным просителем под присягой, после ареста Школьника 5 июля 1972 года произошли следующие события. Его жена — проситель по настоящему делу — пыталась найти защитника для своего мужа. Ей было сообщено, что у нее нет возможности выбрать защитника, ибо только один винницкий адвокат, Николай Давидович Макаренко, имеет необходимый допуск КГБ для защиты ее мужа. Не имея никакого выбора, жена Школьника тогда наняла адвоката Макаренко, но он с самого начала пренебрегал своими обязанностями и не оказывал Школьнику необходимой юридической помощи.

27. Макаренко с самого начала считал Школьника виновным в правонарушениях, в совершении которых обвиняли Школьника, и отказывался защищать его каким-либо другим способом. Макаренко пользовался всеми средствами, чтобы убедить Школьника признать себя виновным в предъявленном ему обвинении. Просительница указывает, что Макаренко сообщил ее мужу, что если тот не признает себя виновным, то будет приговорен к смертной казни. На судебном процессе Школьник признал свою вину, но, исходя из разговоров со своим мужем после суда, когда ей было позволено посетить мужа в тюрьме,

просительница узнала, что признание Школьниковой своей вины не было ни добровольным, ни правдивым. В любом случае по советским законам признание обвиняемого — даже на открытом суде — не является достаточным доказательством его виновности.

28. На суде защитник Школьниковой вызвал в защиту Школьниковой лишь очень немногих свидетелей. Просительница заявляет в своих показаниях, данных под присягой, что она знает про других свидетелей, которые давали бы показания в защиту Школьниковой, если бы их вызвали в суд, но защитник не пожелал их вызвать. Это ясно доказывает, что единственный предложенный Школьниковой адвокат, который не был защитником по ее выбору, не воспользовался всеми законными методами и средствами, чтобы обеспечить Школьниковой защиту на суде — защиту, которая могла бы опровергнуть выдвинутые против него обвинения.

29. В своих показаниях, данных под присягой, просительница также заявляет следующее: после того как по делу Школьниковой был вынесен приговор, она пыталась обжаловать судебное решение от имени своего мужа. Когда же она посетила Школьниковой в тюрьме, она пыталась обсуждать с ним вопрос относительно жалобы, но тюремный охранник помешал ей это сделать. Макаренко отказался писать апелляционную жалобу, поэтому она наняла другого адвоката — Сарри, которого ей рекомендовала Московская коллегия. Сарри тут же поехал в Главный Военный Трибунал во Львове, занялся делом ее мужа и получил разрешение встретиться с ним в винницкой тюрьме. Сарри был в тюрьме 19 апреля 1973 года, но вопреки разрешению, данному ему властями во Львове, тюремная администрация не позволила ему с ним встретиться. Пока Сарри ждал в тюрьме, был вызван Макаренко, который и явился в тюрьму. Макаренко и тюремные служащие посоветовали Школьниковой не встречаться с Сарри и потребовали, чтобы он подписал написанное заранее заявление, уполномочивающее Макаренко быть его защитником. Помешав Школьниковой встретиться и побеседовать с защитником по выбору своих родных, Макаренко и тюремные служащие лишили его возможности защиты. После того как Сарри пытался встретиться со Школьниковой, Макаренко подал апелляционную жалобу, на которой он поставил дату, предшествовавшую дате визита Сарри. За несколько дней до подачи кассационной жалобы просительница ходила в Московскую Военную Коллегию Верховного Суда и старалась подать просьбу об отстранении Макаренко от должности защитника ее мужа, но в этом ей было отказано. Сарри

подал жалобу властям в Москве о том, что ему воспрепятствовали действовать от имени Школьника.

30. Факты, изложенные в параграфах 25-27, констатируют нарушение советской уголовной процедуры. По советскому закону обвиняемый обладает правом иметь защитника по своему выбору и быть представленным этим защитником, чтобы опровергать выдвигаемые против него обвинения.

То, что эти принципы поддерживаются советским законом, указывается в третьей главе Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, в частности, в статьях 46, 48, 50 и 51. Эти пункты более детально развиваются в "Правовом меморандуме I", прилагаемом отдельно нижеподписавшимся в поддержку этого и других прошений. Статья 51 УПК РСФСР под названием "Обязанности и права защитника" гласит:

"Защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь".

Школьнику не дали выбрать себе защитника — ни для первого судебного процесса, ни для кассационного судебного процесса, — и защитник, назначенный ему, не выполнял своих обязанностей согласно статье 51 — "использовать все указанные в законе средства и способы защиты" Школьника. (...)

Телфорд Тэйлор,
поверенный просительницы

10 июня 1974 года

Приложение Б

13 июня 1973 года

*В Президиум Верховного Совета СССР
Генеральному Секретарю ЦК КПСС
Брежневу*

Копия: Военной Коллегии Верховного Суда СССР

Мой муж, Школьник Исаак Рафаилович, осужден военным судом Закарпатского военного округа на 10 лет тю-

ремного заключения по обвинению в измене Родине и шпионаже.

Суд признал, что Школьник не был завербован, не являлся агентом какой-либо разведки, сведения никуда не передавал и, следовательно, никакого реального ущерба стране не причинил и не мог причинить.

Мой муж технически неграмотный человек, не имеющий никакого специального образования. Он просто не мог различить, какие сведения являются важными и составляют государственную тайну.

Носителем сведений, которыми обладал мой муж, мог быть любой другой человек, поэтому я уверена, что он не только не принес вреда Советскому государству, но и не мог его принести. Это уже подтверждается тем, что ни один из свидетелей, давших против него показания, не привлечен к ответственности за разглашение государственной тайны, т.е. вопреки проведенной экспертизе, не является носителем секретной информации.

У меня есть основание полагать, что показания, данные моим мужем, являются самооговором, и то они появились спустя полгода после начала следствия. В пользу этого предположения говорит высказывание Макаренко, что если Школьник будет влиять на суде, не исключена и смертная казнь.

Показания могли появиться в результате усталости от длительного следствия.

Если он действительно вынашивал какие-то планы и его признание соответствует истине, тогда оно является актом раскаяния и исключает дальнейшее существование этих планов. Никаких других доказательств, что он собирался вывезти эти сведения в Израиль, кроме его собственных показаний, у суда и следствия нет. Из того, что его признание является актом раскаяния или самооговора, вытекает, что он в дальнейшем не представит опасности для Советского государства.

Все вышеизложенное дает мне право считать, что осуждение моего мужа является трагическим недоразумением, и я прошу отменить этот жестокий приговор.

Фейга Школьник

Приложение В

*Генеральному Прокурору СССР
Руденко
в Комитет юристов-демократов в
Брюсселе
от Школьник Фейги Моисеевны, про-
живающей г. Винница, ул. Космонав-
тов, 14, кв. 19, тел. 4-37-61*

ЗАЯВЛЕНИЕ

5 июня 1972 года был арестован мой муж, Школьник Исаак Рафаилович, 1936 года рождения. Во время ареста был произведен обыск в нашей квартире. Целью обыска было обнаружить листовки и другие документы. Ничего подобного и ничего незаконного с точки зрения советских законов обнаружено не было. Вот уже 7 месяцев, как он находится под арестом. Сначала ему было предъявлено обвинение по статье 187 УК Украинской ССР (190 пункт Кодекса РСФСР), ст. 52 (70). Теперь следователь сообщил, что против моего мужа выдвинуто новое обвинение по ст. 56 (64) — измена Родине. Мне неизвестно, какими путями следствие пришло к такому страшному обвинению, но я убеждена в том, что мой муж не совершил и не мог совершить поступок, который можно было бы расценить как измену родине. Ему ставят в вину его хорошее знание английского языка, его знакомство с иностранцами, которые приехали в нашу страну как туристы или по служебным делам. Встречался он с ними всегда открыто, в многолюдных местах, в нашем доме, на именинах нашей дочери. При этом всегда было много наших знакомых и родственников. Ему ставят в вину посещение выставок, организованных иностранными государствами в нашей стране: "Народное образование в США", "Средства связи в США", и др. Почему тогда организовались эти выставки?

Я знаю, что мой муж всю жизнь работал честно: рабочим, шахтером, на стройке заводов, механиком. Он был простым рабочим и не имел доступа ни к каким важным сведениям. Единственная его вина заключается в том, что он хотел выехать в государство Израиль, считая, что это — историческая родина евреев, а стало быть, и его родина. Только отсутствие вызова не дало ему возможности подать заявление о выезде. Свое желание выехать в Изра-

иль он ни от кого не скрывал. Об этом знали его товарищи, его родственники и знали на работе. Он не считал это преступлением.

Прошу Вас разобраться и не допустить столь страшного и несправедливого обвинения.

Фейга Школьник —

жена Исаака Школьника

4 февраля 1973 года

г. Винница

Приложение Г

ИНФОРМАЦИЯ ИЗ МОСКВЫ

(Н. Файнгольд)

26 июля 197... г.

Копия: Председателю Военной Коллегии
Верховного Суда СССР
Председателю Военного Трибунала
Закарпатского Военного Округа
Председателю Президиума Винниц-
кой областной коллегии адвокатов
от родственников осужденного
Школьника И.Р., Школьник Ф.М.,
Школьник Р.М., Школьник Р.Н.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Нами для защиты Школьника И.Р. на первой инстанции был приглашен адвокат Макаренко. В связи с тем что он отказался подать кассационную жалобу и написал ее после наших телеграмм министру юстиции УССР, министру юстиции СССР и Председателю Верховного Суда СССР, в которых мы просили заставить его подать жалобу, а также потому, что действия Макаренко вызвали у нас сомнения в его добросовестности, мы официально отказались от его услуг в дальнейшем и просили его не посещать Школьника И.Р. Для защиты в Военной Коллегии Верховного Суда, мы обратились в Московскую коллегию адвокатов, которая выделила адвоката. Сделали мы это потому, что хотели избежать местных влияний на защитника, так как у нас возникли сомнения в правильности действий адвоката Макаренко.

Адвокат, приехавший из Москвы, ознакомился с делом, и с официальным разрешением на свидание прибыл в Винницу 16 апреля 1973 года. Мы проводили московского адвоката в тюрьму. Он вышел и сообщил, что начальник тюрьмы не разрешил свидания с адвокатом и предложил адвокату прийти после 12 часов дня, так как он якобы должен выяснить, кто будет защищать Школьника — этот адвокат или Макаренко.

Мы поехали в коллегия адвокатов и узнали, что Макаренко, несмотря на наши просьбы не посещать Школьника, поехал в тюрьму на свидание с ним. Московский адвокат после 12 часов дня поехал в тюрьму, и выйдя оттуда, сообщил, что ему в свидании отказано и, по словам начальника тюрьмы, Школьник якобы написал заявление о том, что хочет поручить защиту адвокату Макаренко и от любого другого адвоката отказывается. Перечисленные факты вызывают у нас сомнения. Почему наш муж и сын, не видя и не беседуя с московским адвокатом, заранее отказывается от любого другого адвоката, кроме Макаренко? Почему адвокат Макаренко, которому мы выразили недоверие и от услуг которого мы отказались, упорно добивается вести защиту в дальнейшем? Почему начальник тюрьмы не дал свидания московскому адвокату, а предложил ему прийти после двенадцати часов дня? А за это время дал возможность свидания адвокату Макаренко со Школьником и возможность получить, по его словам, заявление Школьника? Почему начальник тюрьмы, обязанный по закону предоставить свидание московскому адвокату, имеющему официальное разрешение Военного Трибунала, не дал его, ссылаясь на отказ Школьника?

Нам кажется, что начальник тюрьмы обязан был предоставить свидание московскому адвокату, а Школьник, если он действительно этого хотел, мог сам сказать, что отказывается от его услуг, предпочитая адвоката Макаренко. Объективно получается, что Школьника, приходящегося одному из нас сыном, а другому — мужем, прячут, и не дают ему возможности видеть никого, кроме Макаренко, которому мы не доверяем. Адвокату из Москвы, имеющему поручение на защиту Школьника, свидания с ним не дали, а дали свидание Макаренко, который не имеет поручения на защиту в кассационной инстанции.

Мы сомневаемся в том, что заявление Школьника, на которое сослался начальник тюрьмы, было добровольным, и у нас возникло сомнение в правильности действий администрации тюрьмы и адвоката Макаренко. У нас создается впечатление, что на Школьника оказывается какое-то дав-

ление, и именно поэтому к нему не допустили избранного нами адвоката. Мы считаем это и потому, что во время предоставленного нам свидания со Школьниковым нам не разрешили говорить с ним о кассации и о приглашении другого адвоката. Присутствующие при свидании работники тюрьмы заявили, что если мы будем об этом говорить, они прервут свидание. И нас, и избранного нами адвоката лишили возможности лично слышать от Школьника, что он избирает для защиты Макаренко и не хочет никого другого, а также услышать причины этого, и заставляют основываться на заявлениях, полученных при участии Макаренко. Московский адвокат сообщил нам, что он уезжает в Москву, так как ему не дали свидания и заявили, что Школьник избрал для своей защиты Макаренко.

Мы категорически возражаем против того, чтобы защиту вел Макаренко. Мы не будем оформлять с ним соглашения и считаем, что он морально не вправе вести защиту.

Мы настаиваем, чтобы защиту вел адвокат Московской коллегии.

Школьник Фейга

Школьник Р.М.

Школьник Р.Н.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

ПРАВОВЫЕ МЕМОРАНДУМЫ

ПРАВОВОЙ МЕМОРАНДУМ I

ПРАВО НА ЗАЩИТУ В СОВЕТСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

1. Одним из основных принципов советской уголовной процедуры является право обвиняемого на защиту. Это право гарантируется параграфом 111 Конституции СССР и статьей 19 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Советские авторы, руководствуясь идеями В.И. Ленина, всегда подчеркивали, что право на защиту является одним из основных принципов советского правосудия. Список значительных работ, посвященных вопросу центрального положения этого права, включает следующие названия:

"Основы советского государственного строительства и права", Москва, 1965, стр. 379-380 (стр. 379: "Важным конституционным принципом правосудия в СССР является обеспечение обвиняемому права на защиту");

"Роль В.И. Ленина в становлении и развитии советского законодательства", Москва, 1969, стр. 453-454;

"Научно-практические комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР", Москва, 1970, комментарий к статье 19;

"Советский адвокат", Москва, 1968, стр. 3-4;

"Адвокатура в СССР", Москва, 1971, стр. 6-7;

"Защитник в советском суде", Москва, 1960, стр. 8-9.

2. Право на защиту — общий принцип, который выражается рядом специальных, более детальных правил. Право обвиняемого выбирать защитника является примером обеспечения этого конституционного права. Это право обеспечивается статьей 48 УПК РСФСР. В решении, вынесенном Юридической Коллегией Верховного Суда СССР 17 декабря 1971 года, заявляется, что "лишение возможности привлечь защитника по своему выбору требует отмены обвинения". Кроме того, советское законодательство постоянно подчеркивает широкий круг лиц, к которым обвиняемый может обратиться, чтобы выбрать защитника, удовлетворяющего его желаниям (см. статью 47 УПК РСФСР, статью 22 Основ уголовного судопроизводства

СССР). Нет никаких ссылок ни в одном из этих законодательных документов или в каких-либо опубликованных постановлениях, или официальных комментариях об ограничении круга адвокатов, которым разрешается выступать по "особым делам".

3. Материалы из протокола, подтверждающие показания под присягой присутствовавших на суде, и данные прошения показывают, что в разбираемых случаях право на эффективную защиту было нарушено в нескольких пунктах. Некоторые из этих ошибок явились нарушением определенных параграфов УПК РСФСР или УК РСФСР; все они прямо или косвенно состояли в отрицании конституционного права на защиту.

Эти ошибки группируются следующим образом:

Отказ подсудимому в праве иметь защитника по своему выбору.

Навязывание защитника обвиняемому, который предпочел иметь другого защитника.

Отказ обвиняемому в замене не удовлетворяющего его защитника другим.

Неоправданный отказ в принятии кассационных жалоб.

Неоправданный отказ вести эффективную защиту.

Отказ защитнику иметь беседы с его клиентом.

Отказ защитнику в праве вести записи во время беседы с клиентом.

Отказ защитнику в возможности брать с собой свои записи по материалам дела.

Неоправданный отказ от вызова свидетелей по просьбе обвиняемого.

Свидетелю не давали закончить свои показания или прерывали свидетеля и удаляли его из зала в те моменты, когда он начинал давать показания, благоприятные для подсудимого.

В рассматриваемых делах подсудимым не разрешалось пользоваться его конституционным правом и привлекать защитника по своему выбору.

Во многих случаях обвиняемый был вынужден принять защитника, имеющего допуск, а не адвоката по своему выбору: см. показания под присягой Кисиной, Школьника, Грилюса.

4. Ограничивая подсудимых в выборе защитника из среды официально допущенных, им в результате во многих случаях было отказано в адвокате, который был бы готов принять на себя функции защиты.

Эти функции определяются статьей 23 Основ уголовного судопроизводства в СССР как обязанность "использовать все указанные в законе средства и способы защиты

в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь". Во многих отношениях те защитники, которых подсудимые вынуждены были иметь, не выполнили этого долга. В ряде случаев они отказались от подачи кассационных жалоб. См. показания под присягой Школьника. В других случаях адвокаты отказались от защиты своих клиентов от выдвинутых против них обвинений. Г.П. Саркисянц, автор книги "Защитник в уголовном процессе" (Ташкент, 1971), считает, что статья 249 УПК РСФСР требует, чтобы защитник вел себя таким образом, дабы оказать помощь, а не вред своему клиенту (стр. 25). В делах, изложенных выше, защитники явно не вели себя так, чтобы были наилучшим образом соблюдены интересы их клиентов, и в результате они прямо нарушили статью 249 УПК СССР, а также конституционное право обвиняемого на защиту (ст. 111).

5. В конституционном праве на защиту подразумевается, что государственные служащие не должны вмешиваться в выполнение адвокатом его обязанностей. По статье 51 УПК РСФСР защитник имеет право на беседу со своим клиентом. В деле Школьника это право не было соблюдено. В случае Л. Коренблита защитнику было разрешено встретиться с обвиняемым, но не было позволено делать какие-либо записи во время беседы.

В других случаях, когда защитнику было разрешено делать записи во время бесед с подзащитным, в то время, когда они разбирали обстоятельства дела, защитнику было отказано в возможности выносить эти записи из комнаты. Это запрещение является нарушением статьи 202 УПК РСФСР, которая обеспечивает защитнику право "вести запись документов дела". Все эти инциденты являются нарушением определенных правил и, что более серьезно, они затрудняют претворение в практику конституционного права обвиняемого на защиту.

6. Одним из основных положений конституционного права на защиту является право обвиняемого отказаться от своего защитника в любое время судебного производства и продолжать защиту, если он желает, самому. См. статью 50 УПК РСФСР. Это право было нарушено в деле Школьника, когда обвиняемый выразил недовольство своим защитником; ему не было дано права отклонить этого защитника и заменить его другим.

Право, гарантируемое статьей 50, также было нарушено в деле Бутмана, который — как юрист с профессиональной подготовкой — предпочел сам вести свою защиту. Не было никаких причин полагать, что Бутман недостаточ-

но квалифицирован, чтобы вести свою защиту.

Он имел явное право взяться за это: см. пункт 5 в комментариях к статье 50 Научно-практические комментарии к УПК РСФСР, 1971, стр. 78. Отказ Бутману в праве защищать себя является нарушением его конституционного права на защиту.

7. Основным пунктом конституционного права на защиту является право давать показания на судебном процессе (см. статьи 46 и 51 УПК РСФСР). Во многих случаях обвиняемые требовали, чтобы были вызваны свидетели, которые бы дали показания в их защиту. См. показания под присягой по делу Хноха.

В этих случаях дело кончилось тем, что подсудимым не дали возможности вызвать вообще никаких свидетелей для своей защиты. Следовательно, нет оснований предполагать, что показания, которые они дали бы, явились бы повторением или носили бы сомнительный характер, поскольку никаких предыдущих показаний свидетелями со стороны подзащитных представлено не было. Свидетели, чьих показаний обвиняемые безуспешно добивались, были единственным средством, с помощью которого подсудимые могли представить доказательства, которые они хотели представить суду.

Отказ в просьбе представить свидетелей лишает обвиняемого права давать показания, соответственно статьям 46 и 51 УПК РСФСР.

8. Другим пунктом представления показаний — пунктом, гарантируемым статьями 46 и 51 УПК РСФСР, — является право представлять показания, оправдывающие обвиняемого перед судом. Однако в целом ряде случаев свидетелей прерывали именно в тот момент, когда они начинали давать показания, оправдывающие обвиняемого. Это произошло самым явным образом в деле Каминского, когда свидетель со стороны защитника был прерван, как только он начал давать показания, благоприятные для обвиняемого. Два свидетельских показания очевидцев, присутствовавших на судебном процессе, свидетельствуют об этом факте. См. показания под присягой Каминской и Полины Хнох. Показания под присягой Вудки и Грилюса относительно подобных инцидентов на процессе в Рязани в феврале 1970 года подтверждают факты, что такое случилось неоднократно.

Самый грубый случай нарушения права на защиту произошел в тот момент, когда свидетель, вызванный прокурором, — М. Коренблит — был прерван и удален из зала суда. Ему не дали возможности остаться в зале и ответить на вопросы защитника и других участвующих в су-

дебном процессе. Насильно удалив его из зала, суд тем самым нарушил порядок, установленный для заслушивания свидетельских показаний. См. статью 268 УПК РСФСР, которая требует, чтобы свидетель был допрошен всеми присутствующими в процессе по уголовному делу. То, что свидетелей безапелляционно и ничем не оправданно прерывают, — даже свидетелей, вызванных обвинением, — является нарушением права обвиняемого давать показания (это право гарантируется статьями 46 и 51 УПК РСФСР) и, более того, нарушением конституционного права на защиту.

Телфорд Тэйлор

10 июня 1974 года

ПРАВОВОЙ МЕМОРАНДУМ II

СТАТЬЯ 70 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ ЭКСПЕРТОВ*

Процедуры, использованные для установления анти-советского характера о конфискованной литературе.

1. Целью настоящего меморандума является анализ юридической обоснованности процедуры, на основании которой различные произведения литературы подпали под определение, приводимое в статье 70 УК РСФСР.

1. Применение статьи 70 УК РСФСР было одним из центральных пунктов обвинения, выдвинутого против почти всех обвиняемых, в защиту которых подается настоящее прошение. Обвинение по статье 70 УК РСФСР было главной основой Рязанского процесса в феврале 1970 года (обвиняемые Грилюс, Вудка и др.), Ленинградского процесса в декабре 1970 года (обвиняемые Дымшиц, Кузнецов и др.), Ленинградского процесса в мае 1971 го-

* Условные сокращения в тексте меморандума: УК РСФСР — Уголовный кодекс РСФСР, УПК РСФСР — Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, ОУЗ — Основы уголовного законодательства, ОУСП — Основы уголовного судопроизводства.

да (обвиняемые Бутман, Коренблит и др.), Кишиневского процесса в июне 1970 года (обвиняемые Черноглаз и др.) и Ленинградского процесса в октябре 1971 года (обвиняемый Азерников).

2. Распространение запрещенной литературы, то есть нарушение статьи 70 УК РСФСР, представляло собою важную часть обвинения подсудимых в измене Родине (что карается по статье 64 УК РСФСР) как на первом, так и на втором ленинградских процессах. Статья 64 предусматривает, что побег за границу есть измена Родине; однако для того чтобы провести разграничение между таким чрезвычайно тяжким преступлением, как измена родине, и преступлением менее тяжким, каковым является незаконный выезд из Советского Союза (караемый по статье 83 УК РСФСР), и сам Уголовный кодекс и Комментарий к Уголовному кодексу (1971) разъясняют, что измена родине предполагает выезд из страны с целью принести ущерб "государственной независимости и территориальной неприкосновенности СССР" (Комментарий, стр. 158). Для того чтобы доказать, что помимо желания покинуть СССР у подсудимых были вышеупомянутые антисоветские намерения, обвинение на ленинградских процессах постоянно опиралось на якобы враждебное отношение подсудимых к Советскому Союзу, которое, по утверждению прокурора, выражалось среди прочего в распространении антисоветской литературы, что является нарушением статьи 70 УК РСФСР. То, что распространение литературы являлось неотъемлемой частью системы улик, свидетельствовавших о преступных намерениях обвиняемых, является из решения Верховного Суда СССР от 31 декабря 1970 года, в котором указывается: "Намерение осужденных совершить измену родине подтверждается также тем обстоятельством, что большинство осужденных (Кузнецов, Менделевич, И. Залмансон, Альтман, Хнох) систематически занимались изготовлением и распространением литературы антисоветского содержания".

3. Если распространение такой литературы, то есть нарушение статьи 70, представляет собою неотъемлемый элемент системы доказательств, необходимой для осуждения подсудимых по статье 64, то есть по обвинению в измене родине, то особенно важно, чтобы доказательство подсудности по статье 70 соответствовало принципам социалистической законности. Не доказано и не аргументировано самым несомненным образом, следовательно, осуждение Дымшица, Кузнецова, Менделевича, Хноха, Альтмана, братьев и сестры Залмансонов, Бутмана и Коренблита по статье 64 и является юридически необоснованным.

4. Положения статьи 70, использованные в делах, являющихся предметом настоящей петиции, сводятся к следующему:

(1) объективный элемент: обвиняемый хранит, изготавливает и распространяет литературу, "порочащую советский государственный и общественный строй";

(2) субъективный элемент: эти действия, связанные с хранением, изготовлением и распространением литературы, предпринимаются "в целях подрыва или ослабления советской власти".

5. Порочат ли те или иные произведения литературы советский государственный и общественный строй или нет — это вопрос, который должен быть решен в строгом соответствии с советской законностью. Настоящим меморандумом мы почтительно обращаемся к советскому суду с просьбой точно определить, характеризуются ли данные конкретные произведения литературы чертами, перечисленными в статье 70.

6. Вопрос о намерениях, предусматриваемых статьей 70, рассматривается в разделе IV.

В разделе II ставится ограниченная задача проанализировать *процедуру*, посредством которой было установлено, что различные литературные произведения отвечают объективным критериям, перечисленным в статье 70 УК РСФСР.

II. *Требуемая законом процедура, призванная установить, отвечают ли данные конкретные произведения литературы объективным критериям, согласно которым эти произведения можно отнести к "порочащим советский государственный и общественный строй", отсутствовала.*

1. В Уголовном кодексе указано, какого рода литература подпадает под действие статьи 70. Это особое свойство указанной литературы есть элемент *состава преступления*. Элементарнейшим принципом социалистической законности является положение, согласно которому элементы *состава преступления* должны быть строго указаны на суде (см. статью 68 УПК РСФСР).

2. Во всех рассматриваемых делах суд в своем решении указал, что литература, которую хранили или распространяли обвиняемые, была "антисоветской". Одно из основных принципов советского судопроизводства заключается в том, что все судебные решения должны быть подкреплены фактами и исчерпывающим образом обоснованы в установленном законом порядке. Это указывается в статье 43 ОУСП СССР и статье 301 ОУСП РСФСР. Другой основной принцип заключается в том, что суд должен обо-

снова все свои решения устными показаниями, заслушанными в судебном заседании: см. статью 43 ОУСП СССР и статью 301 ОУСП РСФСР.

3. Помимо этого, существует твердо установленное законоположение, согласно которому советский суд не имеет права выносить свои решения, исходя из предположений и допущений: см. статью 43 ОУСП СССР, а также Постановление Пленума Верховного Суда от 30 июня 1969 года (№ 4).

4. Каким же образом суды, которые рассматривали дела по обвинению в нарушении статьи 70, пришли к выводу, что те или иные произведения литературы, фигурировавшие на процессе, являются "порочащими советский государственный и общественный строй"? Ни один суд, вынесший приговоры, являющиеся предметом настоящей петиции, не заслушал в ходе процесса ни одного показания, которое бы свидетельствовало о том, что данная литература носила характер, предусмотренный статьей 70. А когда те или иные из обвиняемых пытались утверждать, что литература эта отнюдь не носила антисоветского характера, судьи прерывали их и не давали им высказаться. Это подтверждается данными под присягой показаниями Сони Друк, Полины Коренблит, Левит, Вудки, Пинхаса Хноха и Грилюса. Все эти лица были свидетелями на процессах. Все они показывают одно и то же: что не было представлено никакого свидетельства, доказывавшего, что литература, о которой идет речь, могла отвечать определению "порочащей советский государственный и общественный строй".

5. Тот факт, что в судебном заседании не было заслушано соответствующих показаний, еще не означает, что судьи, которые вели эти процессы, не располагали заключениями экспертов относительно характера вышеупомянутой литературы. В двух случаях один или более обвиняемых лично видели, что в деле имеются подобные заключения экспертов. Несколько обвиняемых, изучая свои дела по окончании предварительного следствия, обнаружили в них протоколы, составленные, видимо, в организации, называемой *Главлитом* или *Обллитом*: см. данные под присягой показания Левита, который под присягой подтвердил, что видел такие протоколы, в которых литература, фигурировавшая в их делах, характеризовалась как "антисоветская". Представляется вполне вероятным, что аналогичное положение имело место во всех делах, в которых обвиняемым инкриминировалось нарушение статьи 70.

6. Из этого следует, что литература, фигурировавшая

в этих делах, определялась как "антисоветская" не посредством показаний, заслушанных в судебном заседании, или иного фактического материала, но либо на основе "предположений", либо на основе данных экспертизы, имевшихся в деле. И в том и в другом случае имело место нарушение советского закона. Если приговор выносился на основании одного лишь предположения, что данная литература носит антисоветский характер, это было нарушением статьи 43 ОУСП СССР. Если же суд в своих решениях исходил только из протоколов, составленных Главлитом, то это шло вразрез с многочисленными установлениями советского уголовного судопроизводства по причинам, изложенным в следующем разделе.

III. Нарушение основ уголовного судопроизводства

1. Данный меморандум не ставит своей целью решать вопрос о том, насколько беспристрастен и справедлив был сделанный Главлитом анализ характера литературы, о которой шла речь на процессах, служащих предметом данной петиции. При рассмотрении такого рода дел проведение соответствующей экспертизы представляется вполне уместным: см. статью 78 ОУСП РСФСР.

2. Если протоколы Главлита, содержащиеся в делах, предполагалось использовать в качестве улик, свидетельствовавших о преступных намерениях обвиняемых, то прямой долг суда заключался в том, чтобы зачитать эти протоколы в судебном заседании: см. статью 240 ОУСП РСФСР и статью 37 ОУСП СССР. Тот факт, что эти протоколы оглашены на суде не были, явился нарушением вышеуказанных законов судопроизводства и, следовательно, нарушением принципа "устного представления доказательств" — принципа, который, по определению профессора Строговича, является одним из абсолютных принципов советского уголовного судопроизводства. Как пишет профессор Строгович, другие принципы могут иногда допускать исключения и ограничения, но только не принцип "устного представления доказательств" в судебном процессе (М. Строгович. "Курс советского процесса", Москва, 1968, том 1, стр. 165). Согласно этому принципу все протоколы Главлита, содержащиеся в деле, обязательно следовало публично зачитать на процессе. Однако этого не было сделано ни в одном из рассматриваемых здесь судебных дел.

3. Коль скоро решения судов базировались на протоколах, не оглашенных в судебном заседании, следовательно, при вынесении этих решений были нарушены статья

301 ОУСП РСФСР и статья 43 ОУСП СССР. Сделанный всеми этими судами вывод, что фигурировавшая в делах литература "порочила советский государственный и общественный строй", основывался на материалах, отнюдь не рассмотренных в ходе судебного заседания. Поэтому решения судов нельзя считать достаточно аргументированными и обоснованными, как того требует статья 301 ОУСП РСФСР.

4. Ведение судопроизводства во всех рассматриваемых делах разительно отличалось от ведения судопроизводства, например, в деле Синявского и Даниэля в 1966 году. На процессе Синявского и Даниэля, судя по официальным отчетам, прокурор неоднократно обращался к данным экспертизы, проделанной Главлитом, и представил обвиняемым возможность обсуждать результаты экспертизы Главлита. Кроме того, на этом же процессе судья Л.Н. Смирнов сообщил защитникам, что двое из экспертов не присутствуют, и спросил об их желании продолжать судебное заседание. На суде присутствовал литературный эксперт Александр Дымшиц, в связи с чем все согласились продолжать судебное заседание. Заключение Главлита было представлено суду и подвергнуто обсуждению. На суде присутствовали также и эксперты, выступавшие в качестве свидетелей. Следовательно, можно предполагать, что в соответствии со статьей 20 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР было проделано "всестороннее, полное и объективное исследование", касающееся вопроса, подпадают ли работы Синявского и Даниэля под действие статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР.

5. На судебных процессах, являющихся предметом настоящих прошений, не соблюдались те правовые основания, которые были соблюдены при разбирательстве дела Синявского и Даниэля. В одном из постановлений Верховного Суда СССР указывается на неоднократные случаи несоблюдения социалистической законности при использовании свидетельских показаний экспертов.

Постановление №1, принятое пленумом Верховного Суда СССР 16 марта 1971 года, содержит указание судьям не полагаться чрезмерно на заключения экспертов. Пункт 9 Постановления устанавливает правило, согласно которому суд обязан во время заседания заново обсудить и проанализировать все обстоятельства, которые послужили основой для экспертизы. Если же суд слепо полагается на заключение эксперта относительно характера фигурирующей в деле литературы, а не зачитывает выдержки из этой литературы и не обсуждает ее особенности в открытом заседании, то он нарушает вышеуказанное постановле-

ние Верховного Суда.

6. В статье, опубликованной в "Бюллетене Верховного Суда" (1971, № 3, стр. 37), перечисляются имевшие место многочисленные, систематически повторяющиеся нарушения порядка судопроизводства, — нарушения, которые и привели к тому, что возникла необходимость в принятии постановления Верховного Суда от 16 марта 1971 года. Из настоящего меморандума явствует, что в период, предшествовавший приговору, а именно, в 1970 году и в начале 1971 года, суды чрезмерно полагались на заключения экспертов. Суды основывались в своих решениях на заключениях экспертов, не обсуждая суть дела в ходе самих судебных процессов, как того требуют статьи 20, 240, 301 УПК РСФСР. Короче говоря, они совершали как раз то нарушение, которое так часто имело место в те годы, когда происходили суды, являющиеся предметом данной петиции.

7. Совершенно очевидно, что интересы социалистической законности требовали положить конец этим нарушениям и восстановить надлежащую роль судов в решении вопроса о том, насколько здравы и объективны заключения экспертов. Задача Постановления от 16 марта 1971 года состояла в том, чтобы исключить возможности подобных нарушений в будущем. При разборе дела, где подсудимому предъявляется обвинение по статье 70, судья должен потребовать тщательнейшей экспертизы, как сделал судья Смирнов в деле Синявского и Даниэля; заключения экспертов следует огласить и обсудить в ходе судебного разбирательства, как этого требует статья 240 УПК РСФСР. Если же суд слепо полагается на секретное, никем не обсужденное заключение анонимного эксперта, как было сделано в ходе процессов, о которых речь идет в настоящем меморандуме, то он нарушает социалистическую законность.

IV. Не было доказано, что эта якобы антисоветская литература изготовлялась и распространялась исходя из намерений, подпадающих под действие статьи 70 УК РСФСР.

1. Как гласит закон, правонарушение, караемое по статье 70 УК РСФСР, предполагает стремление "к подрыву или ослаблению советской власти". Согласно официальному комментарию, опубликованному в 1971 году, для того чтобы намерение правонарушителя было преступным, необходимо, чтобы он осознавал антисоветский характер литературы, которую он хранит, изготавливает и распространяет: см. "Советское уголовное право: осо-

бенная часть", 1971, стр. 47. Преступное намерение, квалифицируемое по статье 70, отличается от такового, квалифицируемого по статье 75 УК РСФСР, которая предусматривает, что лицо, разгласившее государственную тайну, действует с намерением разгласить информацию, являющуюся государственной тайной: см. Комментарии к Уголовному кодексу, 1971, стр. 173. Таким образом, статья 75 не требует, чтобы правонарушитель осознавал, что информация, которую он разглашает, является государственной тайной. Однако, как указывалось выше, для того чтобы намерение, квалифицируемое по статье 70, могло быть признано преступным, обвиняемый должен осознавать антисоветский характер находящейся в его распоряжении литературы и, кроме того, должен иметь намерение хранить, изготовлять и распространять эту литературу в целях подрыва или ослабления советской власти.

2. В процессах, являющихся предметом настоящего меморандума, в принятых судом решениях не был принят во внимание субъективный элемент статьи 70 УК РСФСР. Представляется, что не было сделано *никакой* попытки выяснить намерения обвиняемых при совершении ими действий, рассматриваемых судом, как преступные. Поэтому приговоры по этим делам не могут считаться хорошо аргументированными и юридически обоснованными, как того требует статья 301 ОУСП РСФСР.

3. Как показывают многочисленные свидетели, присутствовавшие на процессах, в ходе судебного разбирательства постоянно повторялась одна и та же процедура. Суд не делал ни малейших попыток разобраться — применительно к обвиняемым — не только в субъективном элементе статьи 70, но даже и в объективном элементе этой статьи. Это ясно доказывается данными под присягой показаниями, перечисленными в пункте 3 раздела II и прилагаемыми к настоящему меморандуму. Было высказано всего лишь *предположение*, что литература, о которой шла речь, хранилась, изготовлялась и распространялась, во-первых, при полном осознании обвиняемыми ее антисоветского характера и, во-вторых, с целью "подрыва или ослабления советской власти". Исходя в своих решениях из одного лишь предположения о существовании у обвиняемых этого намерения, которое, согласно закону, должно быть *доказано* в ходе судебного разбирательства, суды во всех указанных случаях нарушили статью 43 ОУСП СССР, которая запрещает выносить приговоры на основании предположений и допущений.

4. Было бы ошибкой утверждать, что преступность намерения, о котором говорится в статье 70, явствует

из самого факта хранения, изготовления и распространения соответствующей литературы. Если в этой литературе и были антисоветские пассажи, то эти пассажи соседствовали с другими, не имевшими никакого отношения к Советскому Союзу. Ни в одном из приговоров не указывается, какие именно пассажи носили антисоветский характер. Совершенно очевидно, что большинство этих произведений — если не все они — содержало, главным образом, сведения об иудейской религии и еврейском народе. Следовательно, наличие каких-то антисоветских пассажей не может служить сколько-нибудь убедительным доказательством того, что *мотивы* обвиняемых, побуждавших их распространять эту литературу, были именно антисоветскими, а не чисто национальными или религиозными.

5. Даже если некоторые из обвиняемых и признали на суде, что эта литература носила антисоветский характер, этого еще недостаточно, чтобы доказать, что намерения обвиняемых носили преступный характер и подпадали под действие статьи 70. Как говорится в книге В. Каминской "Показания обвиняемого в советском уголовном праве" (1960, стр. 79), признание обвиняемого может служить основой для признания его виновным только в том случае, если это признание подтверждается объективными фактами. Ни в одном из дел, по поводу которых подаются прошения, не было никаких объективных данных, свидетельствующих о том, что они воспринимали хранимую ими литературу как антисоветскую. Более того, допущения и предположения, сделанные в ходе процессов, были результатом влияния документов предварительного следствия. В делах нет ни малейших фактов, говорящих о том, каких мнений придерживались обвиняемые до того, как против них было возбуждено уголовное дело. Следовательно, все эти предположения, сделанные судом, совершенно не могут быть восприняты как находящиеся в соответствии с требованием закона, чтобы все элементы преступления были неопровержимо доказаны на суде.

V. Полагаясь на данные экспертизы, суд нарушил некоторые особые законоположения ОУСП СССР, призванные гарантировать право обвиняемого на защиту.

1. Имеются явные доказательства того, что при расследовании всех этих дел следователи, делая вывод об антисоветском характере рассматриваемой ими литературы, основывались на заключениях, сделанных экспертами Главлита. Привлекая данные экспертизы, обвинение при-

нимает на себя обязательства, перечисленные в статье 184 УПК РСФСР. В частности, следователь обязан проинформировать обвиняемого о его правах, указанных в статье 185. Этого не было сделано при расследовании дела Виктора Богуславского. Когда обвиняемый Богуславский попытался осуществить свое указанное в статье 185 право потребовать дополнительной экспертизы по вопросу о том, носила ли инкриминируемая ему литература антисоветский характер, следователь отказался рассматривать его просьбу. Нет никаких свидетельств о том, что в каком бы то ни было из рассматриваемых случаев следователь проинформировал обвиняемого о его правах, перечисленных в статье 185, и нет никаких свидетельств, что кому-нибудь из обвиняемых было разрешено осуществить хоть одно из этих прав.

VI. Резюме

Сделанный в настоящем меморандуме анализ позволяет сделать вывод, что процедура предъявления доказательств нарушения обвиняемыми положений статьи 70 УК РСФСР находилась в вопиющем противоречии с основополагающими законоположениями, касающимися использования показаний экспертов. Поэтому судебные процессы должны быть проведены повторно, с тем чтобы процедура привлечения экспертов в точности соответствовала положениям закона (статьи 184 и 185 УПК РСФСР) и чтобы данные экспертизы были использованы судом так, как этого требует установленная законом судебная процедура (статья 37 ОУСП СССР, статьи 240, 301 УПК РСФСР).

Ввиду того, что доказательства вины по статье 70 повели к вынесению приговора по статье 64, да позволено нам будет почтительно заметить, что, учитывая сомнительный характер обвинения и по статье 70, обвинению следовало бы также считать приговор по статье 64 спорным и заново классифицировать предъявленные подсудимым обвинения в соответствии со статьей 83 УК РСФСР.

ПРАВОВОЙ МЕМОРАНДУМ III

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Все цивилизованные народы признают, что и к осужденным преступникам должны применяться определенные принципы равенства и гуманности. Так, советский закон предусматривает ряд правил, которые ограждают заключенных от дискриминационных мер или чрезмерно жестоких лишений.

Но когда имеется большое число заключенных и работников тюрем, неизбежно возникают отклонения от этих норм. Появляются небрежности в работе, в некоторых случаях тюремная администрация злоупотребляет своими полномочиями.

Чтобы предотвратить и исправить такие злоупотребления, советский закон облекает Генерального Прокурора властью осуществлять надзор за условиями содержания осужденных в местах заключения и принимать, если необходимо, меры по восстановлению надлежащих норм, давая соответствующие указания тюремной или лагерной администрации¹.

Как следует из показаний под присягой, представленных бывшими заключенными и просителями по их делам, являющимися предметом данного меморандума, в некоторых случаях обращение с осужденными по этим делам не соответствует установленным законом правилам, как подробно излагается в данном меморандуме.

I. *Опасность для здоровья*

Советский закон особенно заботится о защите здоровья и благополучия заключенных. Цель и исполнение судебных приговоров не есть причинение физических страданий². Поэтому тюремные власти обязаны учитывать физические возможности заключенного при определении ему трудового задания³.

Медицинские учреждения в местах заключения обязаны оказывать заключенным все необходимые виды ква-

лифицированной медицинской помощи. В той же мере заключенные обладают правом получать необходимую для их здоровья пищу⁴.

Ряд осужденных, затронутых в этих прошениях, не получает в полной мере защиты, гарантируемой советским законом.

Школьнику⁵ и Менделевичу⁶ давали задания, которые являются опасными. Более того, что касается Менделевича⁷, а также Ягмана⁸ и Маркмана⁹, трудовые задания и суровые климатические условия в лагерях, где они находятся, ухудшают состояние здоровья этих заключенных, усугубляя имевшиеся у них ранее болезни¹⁰. Невыполнимые трудовые нормы¹¹ причиняют им ненужные физические страдания¹² и в результате нарушают регламентированный восьмичасовой рабочий день¹³. Менделевичу отказывают в необходимых медикаментах¹⁴. Многие из заключенных, в том числе Менделевич¹⁵, Бутман, Ягман, Вудка и Азерников¹⁶, получают недостаточное питание. Кроме того, многим из вышеназванных лиц была выдана неподходящая одежда и в недостаточном количестве¹⁷.

Более того, в некоторых показаниях под присягой указывается, что состояние здоровья заключенных таково, что, возможно, они подлежат освобождению от отбытия оставшегося срока наказания (статья 362 или 365 УПК РСФСР).

Мы обращаемся с особой просьбой провести — в порядке надзора — соответствующее расследование положения заключенных Сильвы Залмансон, Иосифа Менделевича, Владимира Маркмана, дабы установить, является ли обоснованным, учитывая состояние их здоровья, применение к ним названных статей.

II. Унижение человеческого достоинства

Согласно советским законам, исполнение приговоров не ставит своей целью унижить человеческое достоинство заключенного¹⁸.

Антисемитизм унижает как тех, на кого он направлен, так и тех, кто позволяет себе антисемитские выходки. Антисемитизм во всех его проявлениях всегда считался противозаконным в Советском Союзе.

Действующая Конституция СССР¹⁹ и конституции всех союзных республик²⁰ запрещают какие бы то ни было прямые или косвенные ограничения прав граждан по расовому или национальному признаку. Кроме того, Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, касаясь исправительно-трудовых учреждений СССР, утверждают, что все заключенные, не-

зависимо от расы, национальности или вероисповедания, равны перед лицом закона²¹.

Вопреки установлениям закона заключенные-евреи оказываются в местах своего заключения в атмосфере воинствующего антисемитизма. Например, Дымшиц содержится в заключении вместе с бывшими нацистами²², которые и по сей день остаются неисправимыми антисемитами.

В результате заключенные-евреи подвергаются со стороны этих бывших нацистов как физическим, так и моральным издевательствам — это находится в вопиющем противоречии с советским законом.

Нацисты-бригадиры из числа заключенных устанавливают дискриминационные и невыполнимые трудовые нормы для заключенных-евреев²³. Администрация лагерей, обязанная соблюдать социалистическую законность, постоянно потворствует этим возмутительным злоупотреблениям²⁴. Фактически некоторые работники лагерей прямо поощряют такое мерзкое возмутительное поведение²⁵.

Оказывается, что нацисты, большинство из которых отбывает наказание за убийство²⁶, постоянно находятся в привилегированных условиях²⁷ по сравнению с заключенными-евреями как в отношении характера выполняемой ими работы, так и в отношении трудовой нагрузки²⁸,

Сомнительно, что, давая власть одним заключенным над другими с целью соблюдения дисциплины, работники лагерей действуют в соответствии с законом²⁹. Во всяком случае злоупотребления заключенных своей властью должны быть причиной лишения их этой власти. Заключенные, позволяющие себе антисемитские выходки, должны быть наказаны и в подобных случаях изолированы от пребывания в одном учреждении с евреями. Работники лагерей, позволяющие и поощряющие антисемитизм, должны быть наказаны.

Лагерная администрация должна взять на себя ответственность за прекращение антисемитских выходок в лагерях.

Мы просим Генерального Прокурора принять необходимые меры для прекращения унижения человеческого достоинства в исправительно-трудовых лагерях.

III. Незаконные наказания

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР гарантируют заключенным некоторые права и привилегии

в соответствии с режимом, который им был определен приговором. Даже те заключенные, которые совершили самые тяжкие преступления против общественного порядка, не лишаются защиты закона.

Так, даже заключенные, отбывающие срок наказания в лагерях особого режима, обладают определенными правами, которых не могут быть лишены без оправданных оснований.

Например, заключенные имеют право посылать определенное число писем ежемесячно³⁰ и получать неограниченное количество писем³¹. Корреспонденция должна отправляться лагерной администрацией по утверждении цензурой³² через три дня после ее подачи³³. Осужденные имеют право получать от друзей и родственников посылки, вес и количество которых определяется правилами³⁴.

Конечно, осужденных можно лишить этих прав по причине нарушения ими порядка³⁵. Дополнительно к ним можно применить такую меру наказания, как одиночное заключение в камере, если они совершили особые нарушения³⁶.

Однако заключенные не могут быть наказаны, если они не нарушают правил. К тому же наложение взысканий должно проводиться в законном порядке. Некоторые осужденные были подвергнуты наказаниям за поступки, не являющиеся нарушениями закона³⁷.

IV. Вопрос о религии

Свобода вероисповедания гарантируется Конституцией СССР и конституциями союзных республик³⁸⁻³⁹. На самом же деле, препятствование исполнению религиозных обрядов, не нарушающих общественный порядок⁴⁰, является преступлением, караемым по Уголовному кодексу. Нет никаких установленных ограничений свободы вероисповедания ни в одном известном уголовном законодательстве. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР дает подробный список допустимых ограничений, накладываемых на заключенных. Отсутствие религиозных ограничений в этом списке позволяет сделать заключение, что такие ограничения не допустимы⁴¹.

Не может быть и речи, чтобы за совершение каких-либо религиозных обрядов лица, исполняющие эти обряды, подвергались уголовной ответственности.

Кроме того, следует отметить, что, будучи членом Экономического и социального Совета ООН, СССР 31 июля 1957 года проголосовал за принятие Стандартного минимального кодекса по обращению с заключенными.

Статьи 41 и 42 этого кодекса отражают общую политику проголосовавших за него государств, согласно которым заключенным должны быть предоставлены возможности выполнять обряды своей религии в той степени, в какой это не нарушает правил внутреннего распорядка мест заключения.

Однако, несмотря на то что СССР подписался под этими гарантиями свободы совести, заключенные-евреи в СССР не раз подвергались наказаниям за то, что выполняли предписания своей религии. Так, Иосифу Менделевичу не разрешается произносить молитвы, хранить у себя молитвенники или носить головной убор, как того требует его вера⁴². Не разрешается ему также соблюдать *шабат* (субботу) как день отдыха⁴³, несмотря даже на то, что в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР содержится положение, согласно которому следует предоставлять заключенным один день отдыха в неделю⁴⁴. Шимону Грилюсу не было позволено носить бороду в соответствии с требованиями его религии⁴⁵. Более того, он был подвергнут суровому наказанию за то, что настаивал на своем праве соблюдать обряды своей веры⁴⁶, хотя это право защищается советским законом. Точно так же семью Вудки подвергали притеснениям за то, что они пытались отстаивать свое право выполнять религиозные обряды. Более того, власти не сделали ничего, чтобы заключенные могли следовать требованиям своей религии относительно употребления определенной пищи⁴⁷. Таким образом, заключенным причинялись несправедливые физические страдания, что является явным нарушением советского закона⁴⁸.

V. Политзанятия

Хотя не может быть никаких возражений против того, чтобы заключенных на добровольных началах привлекали к посещению политзанятий⁴⁹, власти не имеют права "считать обязательным для заключенного принимать участие в политических мероприятиях, проводимых администрацией, или посещать собрания политического характера"⁵⁰.

Тем не менее Иосиф Менделевич, который по религиозным соображениям не пожелал посещать политзанятия, был наказан за это вполне законное действие заключением в карцере, где он получал урезанный рацион⁵¹. Точно так же Гиллель Бутман был лишен права свидания со своей женой за отказ присутствовать на некоторых политических мероприятиях⁵².

Все эти наказания явно противозаконны, и мы просим Генерального Прокурора применить меры, чтобы ничего подобного больше не повторялось.

VI. Произвольные или дискриминационные наказания

Наказания, вынесенные на незаконных основаниях, или наказания, которым людей подвергают без всяких видимых причин, вообще являются в равной степени нарушением закона. Учитывая факт, что именно заключенные-евреи становятся жертвами этих произвольных наказаний, очевидно, что тенденции к дискриминации обнаруживаются в деятельности самой администрации исправительно-трудовых лагерей.

Например, заключенные лагерей Потьмы Хнох, Менделевич, Ягман и Маркман не получили многих писем от своих друзей и родственников⁵³. В отчаянии эти заключенные отказались писать письма своим семьям в надежде, что это поможет улучшить положение с получением ими корреспонденции. Точно так же, без всякой видимой причины, было конфисковано несколько писем, которые Дымшиц отправил своей семье⁵⁴. Ягману и Грилюсу было отказано в праве получать посылки⁵⁵. Что касается Грилюса, то посылка с совершенно правильно написанным адресом была возвращена отправителю с пометкой: "Адресат неизвестен"⁵⁶. Ягман был беспричинно лишен свидания с семьей⁵⁷. У Азерникова без видимого основания была конфискована купленная им вещь⁵⁸. Когда он попытался попросить свою мать обратиться с жалобой к соответствующим властям, что является его законным правом⁵⁹, он был сурово наказан⁶⁰.

VII. Выводы

Мы обращаемся к Генеральному Прокурору с просьбой предотвратить повторение подобных незаконных наказаний и издевательств. Мы также просим расследовать эти случаи, дабы установить, насколько распространена такая дискриминационная практика, и принять меры к ее пресечению.

VIII. Примечания

Некоторые из ссылок относятся к показаниям, в целях сокращения объема не включенным в книгу.

1. "Положение о прокурорском надзоре в СССР", стр. 32-37.

2. "Основы Исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик", часть 1.
3. Комментарий к статье 27 "Основ".
4. "Основы", статья 36.
5. Фейга Школьник, показания под присягой.
6. Соня Друк, показания под присягой; Ева Лисицна, показания под присягой.
7. Там же.
8. Муся Ягман, показания под присягой.
9. Генриетта Кисина, показания под присягой.
10. См. также показания под присягой Богуславского.
11. Шимон Левит, показания под присягой.
12. Статья 37 "Исправительно-трудового кодекса РСФСР" гласит, что трудовая деятельность не преследует экономических целей, а должна служить перевоспитанию заключенных.
13. "Исправительно-трудовой кодекс", статья 38.
14. Соня Друк, показания под присягой; Ева Лисицна, показания под присягой.
15. Там же.
16. Виктор Богуславский, показания под присягой; Ева Бутман, показания под присягой; Валерий Вудка, показания под присягой.
17. Там же.
18. "Основы", часть 1.
19. Статья 123.
20. Конституция РСФСР, статья 127.
21. Часть 5.
22. Юлия Дымшиц, показания под присягой; Шимон Левит, Берта Черноглаз, Валерий Вудка, Хаим Грилюс — показания под присягой.
23. Берта Черноглаз, показания под присягой.
24. Соня Друк, показания под присягой; Ева Лисицна, показания под присягой.
25. Берта Черноглаз, показания под присягой.
26. Шимон Левит, показания под присягой.
27. Хаим Грилюс, показания под присягой.
28. Валерий Вудка, показания под присягой.
29. См. статью 28 Стандартного минимального кодекса по обращению с заключенными (ООН).
30. Общий режим — "Исправительно-трудовой кодекс", статья 52; усиленный режим — статья 63; строгий режим — статья 64; особый режим — статья 65.
31. "Кодекс", статья 30. См. также "Основы", статья 26.
32. "Кодекс", статья 22.
33. "Кодекс", статья 30.
34. "Кодекс", статьи 28, 62-65.

35. "Кодекс", статьи 53, 54.
36. Там же.
37. Валерий Вудка, показания под присягой.
38. Статья 124.
39. Конституция РСФСР, статья 128.
40. "Уголовный кодекс РСФСР", статья 143.
41. "Исправительно-трудовой кодекс" требует, чтобы власти сообщили всем заключенным об ограничивающих постановлениях.
42. Соня Друк, показания под присягой; Ева Лисицына, показания под присягой.
43. Там же.
44. Статья 38.
45. Аарон Грилюс, показания под присягой.
46. Валерий Вудка, показания под присягой.
47. Аарон Грилюс, показания под присягой; Валерий Вудка, показания под присягой; Соня Друк, показания под присягой.
48. "Основы", статья 1.
49. "Кодекс", статья 43.
50. Комментарии к "Основам", часть 19.
51. Соня Друк, показания под присягой; Ева Лисицына, показания под присягой.
52. Ева Бутман, показания под присягой.
53. Пинхас Хнох, показания под присягой; Мери Хнох, показания под присягой; Муся Ягман, Генриетта Кисина — показания под присягой.
54. Юлия Дымшиц, показания под присягой.
55. Муся Ягман, показания под присягой; Хаим Грилюс, показания под присягой.
56. Там же.
57. Муся Ягман, показания под присягой.
58. Мира Азерникова, показания под присягой.
59. "Кодекс", статья 36.
60. Мира Азерникова, показания под присягой.

ПРАВОВОЙ МЕМОРАНДУМ IV

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКШИЕ НА ЛЕНИНГРАДСКИХ ПРОЦЕССАХ

Данный Меморандум составлен с целью проанализировать некоторые правовые аргументы, выдвинутые в прошении, которые были поданы в пользу М.Ю. Дымшица, Э.С. Кузнецова, Л. Хноха, С.И. Залмансон, И.И. Залмансона, В.И. Залмансона, Ю.П. Федорова, А.Г. Мурженко, И.М. Менделевича (Ленинградский процесс от 24 декабря 1970 года) и Г.И. Бутмана и М.С. Коренблита (Ленинградский процесс от 20 мая 1971 года). Аргументы, приведенные в этом Меморандуме, относятся к нарушениям статей 15, 17, 64 и 93-1 УК РСФСР, примененных при выдвижении обвинений в планировании попытки захвата советского самолета 15 июня 1970 года с целью покинуть территорию Советского Союза.

I. Действия заключенных не являются нарушением статьи 64-а

Заключенные М.Ю. Дымшиц, Э.С. Кузнецов, И.М. Менделевич, Л. Хнох, С.И. Залмансон, В.И. Залмансон, И.И. Залмансон, Ю.П. Федоров, А.Г. Мурженко, Г.И. Бутман и М.С. Коренблит были осуждены за приготовление или покушение (ст. 15) или соучастие (ст. 17) в измене (ст. 64-а) путем участия в инкриминируемой им попытке покинуть территорию Советского Союза.

Просители позволяют себе выразить мнение, что статья 64-а не применима при рассмотрении деяний, инкриминируемых обвиняемым. Инкриминируемые им деяния подпадают под действие статьи 83, которая "запрещает выезд за границу... без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей". Мендель Абрамович Бодня, бывший обвиняемым совместно со всеми вышеперечисленными подсудимыми, за исключением Г.И. Бутмана и М.С. Коренблита, был осужден по статье 83, а не по статье 64. Статья 64-а определяет измену как "деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР". Из этого определения явствует, что обвиняемый, нарушивший эту статью, должен совершить (или намереваться совершить) некие действия,

имеющие целью серьезно затронуть важные интересы СССР — независимость государства, его территориальную неприкосновенность или его военную мощь. Если гражданин СССР совершает действия, являющиеся нарушением существующего в СССР правопорядка или затрагивающие престиж государства, то эти действия нельзя квалифицировать как измену, если они не наносят ущерба интересам страны хотя бы в одной из этих трех важнейших областей.

Такое толкование статьи 64-а поддерживается перечислением шести категорий деяний, исчерпывающе перечисленных в законе, которые могут быть расценены как акты измены:

1. переход на сторону врага;
2. шпионаж;
3. выдача государственной или военной тайны иностранному государству;
4. бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР;
5. оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР; или
6. заговор с целью захвата власти.

Пять из этих шести категорий недвусмысленно касаются действий, влекущих за собой непосредственную и конкретную угрозу безопасности Советского Союза. Повсеместно принятые принципы толкования законоположений требуют, чтобы шестая (четвертая из перечисленных) категория — бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы — была бы хоть в какой-то степени соотнесена с основной целью закона, которая ясна для других категорий. Этот вывод еще более подтверждается тем определением зафиксированного в законе понятия "измена Родине", которое было приведено выше. Таким образом, если даже побег из СССР и нанес бы ущерб престижу государства, этого было бы не достаточно для того, чтобы рассматривать это деяние как измену до тех пор, пока оно не совершено в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи.

Отсюда с очевидностью вытекает, что сам по себе акт выезда из СССР без разрешения, когда он совершается гражданином СССР, может явиться объективной стороной преступления, предусмотренного либо статьей 64, либо статьей 83. Но столь же очевидно, что сам по себе этот акт, являющийся нарушением статьи 83, еще не является нарушением гораздо более тяжелой статьи 64-а¹. Для того чтобы нелегальный переход через границу квалифицировать

как измену по ст. 64-а, в ходе судебного разбирательства должно быть установлено, что данный акт нелегального перехода действительно представляет собою деяние "умышленно совершенное... в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР"². Этот добавочный элемент деяния, который превращает относительно легкое преступление, влекущее за собой тюремное заключение сроком от одного до трех лет, в тяжкое преступление, караемое даже смертной казнью, должен быть полностью доказан в ходе судебного разбирательства и не может быть принят априорно³.

Этот принцип, применяемый при определении вины по ст. 64-а, должен применяться не только в случае оконченного исполнителем преступления, но также и случае приготовления и покушения (ст. 15) или соучастия (ст. 17).

Несомненно, и нет нужды доказывать, что под действие статьи 64-а подпадает всякое деяние, в действительности причинившее ущерб независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи Советского Союза; вполне достаточно даже доказать, что причинение ущерба предполагалось⁴. Намерение совершить достаточно серьезные антисоветские акции за границей весьма существенно, однако никоим образом нельзя утверждать, что само по себе желание выехать из страны было мотивировано антисоветскими настроениями *.

Ряд советских правоведов и выдвигает тот аргумент, что антисоветские мотивы и превращают нелегальный выезд в измену, подпадающую под действие ст. 64-а. Они проводят различие между личными мотивами для выезда (которые влекут за собой наказание по ст. 83) и антисоветскими мотивами (влекущими за собой наказание по ст. 64-а)⁵.

Да будет позволено почтительно заметить, что это раз-

* Различие между мотивом и намерением принято всеми правовыми системами. Мотив, как правило, относится к прошлому: он объясняет, почему деяние было совершено (или совершается). Намерение, как правило, относится к будущему: оно указывает на планируемый ход событий. Это различие объясняет, почему в уголовных кодексах, как правило, не предусматривается наказание за мотив, но часто предусматривается наказание за намерение (по крайней мере, если это намерение сопровождается какими-либо противоправными действиями).

личие ошибочно и что оно сводит на нет цели ст. 64-а. Такое толкование отвергает определение понятия "измена", содержащееся в самом законе, определение, которое требует наличия конкретных намерений, без которых данное деяние не может быть квалифицировано как изменническое⁶. Человек, покидающий Советский Союз по антисоветским соображениям, может и не иметь намерения заниматься какой-либо антисоветской деятельностью по прибытии на место назначения. В этом случае, несомненно, не возникает никакой опасности для ценностей, охраняемых ст. 64-а — внешней государственной безопасности. С другой стороны, человек, уезжающий по личным мотивам (например, семейным или экономическим), может тем не менее иметь намерение заняться антисоветской деятельностью, как только он прибудет на место назначения; он может согласиться на это, например, из корыстных побуждений, а вовсе не по политическим мотивам. Толкование закона, которое позволяет наказать первого и не наказать второго представляется несовместимым с основной целью закона об измене — защитой внешней безопасности СССР. Именно поэтому некоторые известные комментаторы считают, что для осуждения по ст. 64-а необходимы строгие доказательства того, что люди, покидающие страну, имели намерение совершать за рубежом определенные поступки, которые могли бы принести вред внешней безопасности СССР. Их выезд, который якобы мотивируется антисоветскими настроениями или их предыдущим поведением, носящим антисоветский характер, не является достаточным основанием. Этот взгляд недавно был выражен в весьма авторитетном учебнике, опубликованном Московским государственным университетом под редакцией трех ведущих советских ученых по уголовному праву: проф. В.Д. Меньшагина, Н.Д. Дурманова и Г.А. Кригера. Соответствующий отрывок гласит: "Незаконный переход государственной границы СССР признается изменой Родине только в том случае, если гражданин СССР совершил это деяние с антисоветской целью, т.е. имел намерение, оказавшись за границей, заняться деятельностью, направленной в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: передать иностранному государству сведения, составляющие государственную или военную тайну, участвовать в деятельности антисоветских организаций, выступать в печати или по радио с клеветой на советский государственный или общественный строй, поступить на службу в иностранную разведку и т.д."⁷. Такая изменническая цель, как правильно определяется в

той же книге (стр. 36), должна быть доказана и никогда не может предполагаться. В особенности нет никаких оснований делать такой вывод, исходя только лишь из чистого факта о нелегальном переходе через границу, даже если к тому же доказано, что мотивом побега являлись антисоветские настроения.

Верховный Суд, пересматривая дела подсудимых, обвиненных в покушении на нарушение ст. 64-а, ссылается только на одно лишь действие, которое возможно было бы предпринято некоторыми (не всеми) подсудимыми после их прибытия за границу — намерение просить политического убежища, возможно в Швеции, предполагаемом месте назначения. Текст этой статьи явно указывает на тип антисоветской деятельности, которую человек должен задумать, чтобы такая деятельность явилась преступлением по ст. 64. Деятельность должна носить характер шпионажа, передачи государственных тайн или военных секретов, оказания помощи вражеским вооруженным силам или преступный заговор, имеющий целью свержение правительства. Другими словами, она должна быть направлена против внешней безопасности СССР.

Да позволено нам будет почтительно предположить, что действие, состоящее в просьбе политического убежища, не является антисоветским деянием такого рода. Поиски политического убежища еще далеко не похожи на те действия, которые советским законодательством определяются как причиняющие ущерб государственной безопасности, а именно те, которые с исчерпывающей полнотой перечислены в ст. 64 — 65 УК РСФСР.

Кроме того, Конституция СССР в статье 129 провозглашает "право на политическое убежище иностранным гражданам"⁸. Советское государство всегда декларировало свое уважение к независимости и национальному суверенитету иностранных государств соответственно своему принципу невмешательства в их внутренние дела. Таким образом, обеспечение политического убежища иностранному гражданину не может рассматриваться как причиняющее ущерб безопасности иностранного государства. В подобной же мере поиски политического убежища в дружеской стране, такой, как Швеция, которые якобы планировались некоторыми из просителей, не могут рассматриваться советским законодательством как нечто, причиняющее ущерб безопасности СССР.

II. Неправильное применение ст. 93-1 УК РСФСР

Да позволено нам будет почтительно предположить, что применение ст. 93-1 УК РСФСР к данным случаям представляет собою существенное нарушение закона.

Для того чтобы какое-либо деяние можно было толковать как "хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах", это деяние должно, конечно же, подпадать под правовое определение понятия "хищение". Суд во всех рассматриваемых случаях в сущности игнорирует это законное требование. Судебные решения, вынесенные высокими советскими судебными инстанциями, так же, как и советская юридическая литература по данной теме, в течение долгого времени единодушно поддерживали ту точку зрения, что правовое определение понятия "хищение" включает в себя нечто большее, чем простое физическое изъятие собственности из-под контроля владельца. Все они единодушно подтверждали, что в понятие "хищение" входит изъятие собственности с намерением присвоить ее или каким-либо другим способом завладеть ею как своей собственностью. Следовательно, сюда входит намерение лишить владельца его собственности *навсегда*.

Эта основополагающая точка зрения советского уголовного права особенно подчеркнута в Указе Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 года, подтвержденном последующими решениями этого же Суда⁹.

Такое толкование было полностью поддержано и нашло свое дальнейшее развитие в трудах советских правоведов. Академик А.А. Пионтковский в своем фундаментальном труде дает следующее определение: "хищение государственного или общественного имущества — это умышленное незаконное обращение кем-либо государственного, колхозного или иного общественного имущества в свою собственность"¹⁰. На следующей странице автор поясняет, что под понятием "присвоение" он понимает фактическое распоряжение присвоенным имуществом, не создающее охраняемое законом право собственности. Обсуждая в особенности вопрос умысла, академик А.А. Пионтковский продолжает: "Верховный Суд СССР в постановлениях Пленума и в определениях своих судебных коллегий неоднократно обращал внимание судов на обращение государственного или общественного имущества в свою собственность..."¹¹ Таким образом, с субъективной точки зрения *для всякого хищения характерна цель присвоения*" (курсив мой)¹². Очевидно, что сюда же относит-

ся и хищение, о котором трактует ст. 93-1. Вывод академика А.А. Пионтковского о том, что акт хищения требует и наличия намерения навсегда присвоить собственность, единодушно разделяют советские правоведы – специалисты по уголовному праву¹³.

Единственный вывод, который можно сделать из общего определения понятия "хищение", приведенного выше, это то, что действие, совершенное без намерения присвоить государственную или общественную собственность не может быть отождествлено с понятием преступного хищения. Это особенно справедливо для случаев незаконного временного использования средств передвижения, поскольку советское законодательство рассматривает действия такого рода как отдельные специфически определяемые уголовные преступления (см. ст. 212-1 УК РСФСР). "Временное пользование государственным или общественным имуществом явно без цели его присвоения не может рассматриваться как хищение... Нельзя рассматривать как хищение угон автотранспортных средств не с целью незаконного обращения их в свою собственность, а для того, чтобы прокатиться и затем бросить их на произвол судьбы"¹⁴.

Поскольку суд в случаях, обсуждаемых в настоящем документе, в сущности не принимает во внимание фундаментальный правовой принцип, гласящий, что подсудимые могут быть признаны виновными в хищении только в том случае, если они намеревались навсегда присвоить государственную собственность, в приговорах не установлены факты, касающиеся наличия умысла присвоить, и нет правового обоснования приговора по этому вопросу, что само по себе является нарушением ст. 301, 303 и 314 УПК РСФСР. Решение, принятое без всякого основания и базирующееся на предположениях, находится в противоречии со ст. 301 и 309 УПК РСФСР. Решение построено на предположениях, т.е. без приведения достаточных аргументов в описательной части приговора, что лишает подсудимых возможности использовать свое законное право и оспорить таковые аргументы в кассационной жалобе или в заявлениях, направляемых в органы надзора, что противоречит статьям 301 и 314 УПК РСФСР. Кроме того, вывод о том, что подсудимые намеревались присвоить себе самолет навсегда, находится в явном противоречии с фактическими обстоятельствами дела:

1) общеизвестная и установившаяся международная практика показывает, что в случае угона самолета последний немедленно возвращается владельцу;

2) в данных обстоятельствах присвоение самолета на-

всегда было абсолютно невозможно, и просителям это было прекрасно известно в течение всего предшествовавшего их аресту времени;

3) обвинительная концепция прокурора была построена на предположении, что подсудимые руководствовались политическими, а не корыстными соображениями.

Из всего вышесказанного следует, что применение ст. 93-1 УК РСФСР в настоящем случае явилось ошибкой.

Можно добавить, что советские законодательные органы, по-видимому, пришли к выводу о том, что уголовное законодательство, господствовавшее до января 1973 года в СССР, не предусматривало достаточной уголовно-правовой защиты против утона воздушного судна. Новый закон, принятый Президиумом Верховного Совета СССР 3 января 1973 года, призван исправить это упущение¹⁵.

III. Чрезмерная строгость приговора

1. Даже если предположить, что ст. 64-а и 93-1 УК РСФСР можно было бы применить к деяниям, совершенным просителями, наказания, наложенные на них, чрезмерны, если исходить из начал назначения наказания по советскому праву.

2. В соответствии с известным общим правилом так называемые неоконченные преступления, т.е. приготовление и покушение, не должны наказываться так же строго, как и оконченные варианты этих преступлений, поскольку первые представляют собою меньшую степень общественной опасности¹⁶. Профессором Дурмановым была даже высказана мысль о том, что "было бы целесообразным установить при назначении наказания за покушение возможность значительного снижения наказания, например, до половины низшего предела санкции, а при приготовлении установить право суда снижать наказание без какого-либо ограничения"¹⁷. Кроме того, в советском законе предусмотрено четко проведенное различие между покушением на *совершение* преступного деяния и менее тяжким *приготовлением* к совершению такового. Различие между этими двумя ранними стадиями преступного деяния охарактеризовано академиком А.А. Пионтковским следующим образом: "Если покушение на преступление создает непосредственную опасность наступления преступного результата, то приготовление означает лишь создание условий для возможности в дальнейшем совершить преступные действия ... покушение на преступление уже в самом себе заключает реальную возможность наступления преступного результата; в нем, как в начале исполнения

преступления, заключается непосредственная опасность для охраняемого уголовным законом объекта”¹⁸.

В учебнике, цитированном в прим. 7, специально обсуждается различие между приготовлением и покушением в приложении к ст. 64-а. “Если же гражданин к моменту его задержания... непосредственно к переходу границы еще не приступил, его деяние должно рассматриваться как приготовление к измене Родине” (стр. 35).

Заключенные же были арестованы на значительно более ранней стадии: первая группа была арестована в аэропорту, до того как они поднялись на борт самолета, а вторая — на значительном расстоянии от аэропорта, в лесу. Таким образом, если даже предположить, что успешное завершение их планов и повлекло бы за собою возможность нарушения ст. 64-а, их можно было бы осудить лишь за приготовление к совершению такого уголовно наказуемого деяния, и даже не за покушение на совершение этого деяния.

Эта ошибка в правовой квалификации действий подсудимых могла нанести ущерб обвиняемым при назначении наказания. Комментарий к УК РСФСР от 1971 года гласит, что в случае покушения, а тем более в случае приготовления, как правило, не должно применяться максимальное из установленных законом наказаний¹⁹.

3. Суд при назначении наказания за незаконченное преступление должен был бы принять во внимание “степень осуществления преступного намерения” (ст. 15, абз. 4, УК РСФСР).

Это положение вносит в процесс назначения наказания другое правило, соответствующее упомянутому в параграфе 2: чем дальше преступление от совершения, тем мягче должно быть наказание. Отсюда следует, что приготовление при прочих явных обстоятельствах должно было бы повлечь за собою более мягкое наказание, чем покушение; более продвинутое (так называемое оконченное) покушение должно было бы повлечь за собою несколько более тяжелое наказание, чем менее продвинутое (неоконченное покушение)²⁰.

4. Практика применения наказания советским судом показывает, что он последовательно придерживается этой основной линии. “Вид покушения учитывается судами при назначении наказания, — говорится в недавно вышедшем учебнике по уголовному праву²¹. — При неоконченном покушении в 36% случаев было назначено минимальное наказание или применена ст. 13 УК, т.е. назначено более мягкое, чем предусмотрено законом наказание... Приготовление по общему правилу влечет еще более мягкие наказания” (курсив мой)²².

Другие высокоавторитетные источники сообщают, что в практике уголовная ответственность за приготовление вообще редко налагается: наоборот, дело прекращается или даже не возбуждается, поскольку учитывается ничтожная степень социальной опасности самих по себе действий, связанных с приготовлением²³.

Как отмечено в Комментарий, опубликованном Прокуратурой СССР "привлечение к уголовной ответственности вообще не должно иметь места" даже при приготовлении столь тяжких преступлений, как поджог (наказуемый десятью годами лишения свободы)²⁴.

5. Да позволено будет почтительно заметить, что Верховный Суд СССР в своей практике назначения наказаний показал, что неоконченность преступления, которое в случае окончания относилось бы к разряду особо тяжких (попытка изнасилования несовершеннолетней), является основанием для назначения наказания более мягкого, чем минимальное, предусмотренное законом. Случай такого рода имел место в казусе, рассмотренном в порядке надзора по протесту заместителя председателя Верховного Суда СССР²⁵.

6. В упоминавшемся выше деле А. Мередова²⁶ Верховный Суд смягчил приговор, уменьшив срок лишения свободы вдвое против минимального срока, предусмотренного статьей (попытка изнасилования несовершеннолетней); суд исходил из следующих соображений: "Мередов ранее не судим, имеет семью. Из дела также видно, что от действий Мередова каких-либо последствий для пострадавшей не наступило"²⁷. Следует заметить, что все соображения, которыми руководствовался суд в деле Мередова, применены к большинству заключенных по данным делам. Основной тезис этого решения — отсутствие какого бы то ни было ущерба — применим ко всем заключенным. (...)

7. В свете всего вышесказанного наказание представляется чрезмерно строгим и вынесенным без учета установившихся принципов и существующей в советской юриспруденции практики.

Мне бы хотелось почтительно заметить, что установившиеся принципы и существующая практика требуют существенного смягчения приговоров с применением ст. 43 УК РСФСР.

10 июня 1974 года

Телфорд Тэйлор

IV. Примечания

1. Г.З. Анашкин, "Ответственность за измену Родине или шпионаж" (Москва, 1964 г.), стр. 105, т. 1; Под ред. В.И. Курлянского и М.П. Михайлова, "Особо опасные государственные преступления" (Москва, 1963 г.), стр. 86; Под ред. М.И. Якубовича и А. Владимирова, "Государственные преступления" (Москва, 1961 г.), стр. 27; "Курс советского уголовного права." В шести томах. Часть особенная, т. IV (Москва, 1970 г.), стр. 90-91; "Курс советского уголовного права. Часть особенная", т. 3, (Ленинград, 1973 г.), стр. 136.

2. Г.З. Анашкин, см. примеч. 1, стр. 156-157; Курлянский и Михайлов, см. примеч. 1, "Комментарий к уголовному кодексу РСФСР" (Москва, 1971 г.), стр. 158; "Курс...", 1970 г., см. примеч. 1, т. IV, стр. 85; "Курс...", 1973 г., см. ссылка 1, т. 3, стр. 118, 136.

3. "Теория доказательств в советском уголовном процессе". Часть общая (Москва, 1966 г.), стр. 200-201.

4. Курлянский и Михайлов, см. примеч. 1, стр. 77-78; "Прокуратура Союза ССР, Научно-практический комментарий уголовного кодекса РСФСР". Издание второе (Москва, 1964 г.), стр. 154.

5. См. Анашкин, стр. 105; Курлянский и др., стр. 85-86; Якубович и др., стр. 27. В цитируемых источниках не проводится различия между антисоветскими мотивами и антисоветскими целями. См. также "Курс...", 1970 г., т. IV, стр. 90-91; "Курс", 1973 г., т. 3, стр. 136-138.

6. "Курс", 1973 г., т. 3, стр. 137.

7. В.Д. Меншагин, Н.Д. Дурманов, Г.А. Кригер, "Советское уголовное право. Особенная часть", Издательство Московского университета, 1971 г., стр. 35.

8. См. также УК РСФСР, статья 83, параграф 2.

9. "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1962 г., № 3, стр. 26-34. Обратите особое внимание на параграфы 7, 8 и 12. См. также более поздние решения того же суда: Дело Дабышева, Судебное решение Военной коллегии от 31 августа 1967 года; Дело Драганова, судебное решение Судебной коллегии по уголовным делам от 15 февраля 1971 года. Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам (Москва, 1973 г.), стр. 169, 184 соответственно.

10. "Курс советского уголовного права. В шести томах. Часть особенная", т. IV (Москва, 1970 г.), стр. 307.

11. Там же, стр. 308.

12. Там же, стр. 325, 327.

13. Сравни: "Советское уголовное право. Особенная часть". Издательство Московского университета, 1971 г., стр. 107; "Курс советского уголовного права. Часть особенная", т. 3. Издательство Ленинградского университета, 1973 г., стр. 350; "Комментарии к уголовному кодексу РСФСР" (Москва, 1971 г.), стр. 193; "Уголовное право. Часть особенная" (Москва, 1969 г.), стр. 96; "Уголовное право. Часть особенная" (Москва, 1968 г.), стр. 121.

14. "Курс советского уголовного права", т. IV, см. примеч. 10, стр. 327; Решение Верховного Суда СССР по делу Дабышева, см. примеч. 9, стр. 184, 185: "Обвинение в хищении лица, самовольно угнавшего машину, может быть признано правильным лишь при доказанности умысла на присвоение машины".

15. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 января 1973 г. "Ведомости Верховного Совета СССР", 1973 г., № 1, параграф 3.

16. "Советское уголовное право. Часть общая", Издательство Московского университета, 1969 г., стр. 223; "Курс советского уголовного права. В шести томах", т. II (Москва, 1970 г.), стр. 408; "Комментарии к уголовному кодексу РСФСР (Москва, 1971 г.), стр. 43; "Прокуратура Союза ССР. Научно-практический комментарий уголовного кодекса РСФСР" (Издание второе, Москва, 1964 год), стр. 41; Н.Д. Дурманов, "Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву" (Москва, 1955 г.), стр. 185-186; Ф.Г. Бурчак, "Учение о соучастии по советскому уголовному праву" (Киев, 1969 г.), стр. 192-193.

17. Дурманов, см. примеч. 16, стр. 186.

18. "Курс советского уголовного права. В шести томах", т. II (Москва, 1970 г.), стр. 409.

19. "Комментарий" (1971 г.), стр. 43.

20. См. ссылку 16.

21. "Советское уголовное право. Часть общая" (Москва, 1972 г.).

22. Там же, стр. 254.

23. "Научно-практический комментарий", см. примеч. 16, стр. 41; "Курс советского уголовного права", см. примеч. 16, т. II (Москва, 1970 г.), стр. 408.

24. "Научно-практический комментарий", см. прим. 16, стр. 41.

25. Судебное решение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 15 августа 1969 го-

да. Дело Мередова, "Бюллетень Верховного Суда СССР"
(1969 г.), № 5, стр. 30-31.

26. См. примеч. 25.

27. Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

ПОКАЗАНИЯ ПОД ПРИСЯГОЙ

ПОКАЗАНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ *Пинхаса Хноха*

1. Мое имя — Пинхас Хнох. Я, бывший гражданин СССР, где проживал в Даугавпилсе, Латв. ССР и где меня знают как Пинхаса Хноха. С 14 апреля 1971 года я гражданин Израиля и проживаю в кибуце Решафим.

2. Я брат Лейба (Арие) Хноха, который в настоящее время находится в заключении в Пермском лагере, расположенном в районе Перми, по решению Ленинградского городского суда от 24 декабря 1970 года, приговорившего его к десяти годам лишения свободы.

3. Я присутствовал на суде над моим братом в Ленинградском городском суде в период с 15 по 24 декабря 1970 года и помню все подробности судебного разбирательства.

4. Я был свидетелем прекращения показаний Льва Коренблита и его насильственного удаления из зала суда непосредственно перед прекращением им дачи показаний. Коренблит свидетельствовал в пользу моего брата и других подсудимых по данному процессу. В частности, он свидетельствовал о событиях, которые происходили в доме Марка Дымшица вечером 13 июня 1970 года незадолго до ареста моего брата и других подсудимых утром 15 июня 1970 года.

На основании моих наблюдений прекращение свидетельских показаний Коренблита произошло в то время, когда Коренблит начал говорить об отношении Дымшица к выезду из Советского Союза. Коренблиту, очевидно, помешали продолжать давать показания по вопросам, относящимся к обвинению других подсудимых.

5. По моим наблюдениям на суде, прокурор подтвердил своим поведением и предъявлением доказательств преднамеренность со стороны обвинения доказать наличие умысла в намерении нанести вред Советскому Союзу после перехода шведской границы. В отношении наличия умысла в намерении нанести вред СССР прокурор представил суду следующее:

- а) планируемый созыв пресс-конференции в Швеции;
- б) "Воззвание", написанное до развернувшихся событий;
- в) печатные материалы, которые прокурор оценил как антисоветские.

6. В отношении вопроса, является ли литература, фигурирующая на суде, действительно антисоветской, не было представлено ни свидетельства эксперта, ни никаких других доказательств, а прокурор или судья даже не упомянули о каком-либо существующем уже определении, в протоколах не было никаких ссылок на характер содержания материалов. Основываясь на моих наблюдениях, судья признал и подтвердил на суде, что вопрос о том, является ли данная литература антисоветской — относящийся к делу законный вопрос. Я знаю это, потому что судья разрешил подсудимым спорить о том, является ли данная литература антисоветской или нет. Я слышал, как следующие подсудимые спорили с судьей о том, является ли данная литература антисоветской или нет.

По моим наблюдениям на суде, прокурор даже не потрудился опровергнуть утверждения моего брата и других подсудимых, что литература не антисоветская.

7. В отношении некоторых других вопросов на суде, судья публично прочел протоколы, подписанные свидетелями-экспертами. Один из этих вопросов относился к тому, является ли оружие, найденное у одного из подсудимых, действительно действующим. Другой вопрос, по которому свидетель-эксперт дал показания, касался психического состояния подсудимых.

21 марта 1974 года

Пинхас Хнох

ПОКАЗАНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ *Евы Бутман*

1. Мое имя — Ева Бутман, я, бывшая гражданка Советского Союза, проживала в Ленинграде, где меня знали как Еву Бутман. Я эмигрировала в Израиль в 1973 году 12 июля и сейчас проживаю в Иерусалиме.

2. Я жена Гилеля Бутмана, находящегося в настоящее время в заключении по решению Ленинградского городского суда от мая 1971 года, приговорившего его к 10 годам лишения свободы.

3. До суда мой муж довел до сведения властей, что он сам хочет выступить в свою защиту и не нуждается в адвокате. Мой муж получил юридическое образование в Пра-

вовом институте и имеет диплом с 1954 года. Поэтому он имел полное право работать в качестве юриста и действительно он работал в течение нескольких лет следователем в милиции.

Когда адвокат из Москвы хотел посетить его, мой муж отказался с ним встретиться на том основании, что намерен сам защищать себя. Следователь мне сообщил, что мой муж не имеет права сам себя защищать. Несмотря на возражения мужа, адвокат, направленный Ленинградской коллегией, был назначен вести его дела, и моему мужу сказали, что он не имеет права отказываться от него.

Ева Бутман

ПОКАЗАНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ *Симы Каминской*

Мое имя Сима Каминская, я — жена Лассалья Каминского, который в настоящее время отбывает свой пятилетний срок лишения свободы по приговору Ленинградского суда от мая 1971 года. В настоящее время, я — гражданка государства Израиль, живу в Иерусалиме. До эмиграции в Израиль в октябре 1971 года я была гражданкой Советского Союза и проживала в Ленинграде.

1. После ареста моего мужа 15 июня 1970 года я решила найти ему адвоката. Я выбрала адвоката по имени Рождественский, чтобы он представлял моего мужа. Я намеренно выбрала адвоката нееврея т.к. мы полагали, что хороший адвокат нееврей сможет защищать моего мужа более убедительно и с меньшей опаской давления со стороны властей, чем адвокат еврей.

Я знала, что у Рождественского было необходимое разрешение (допуск), позволяющее ему представлять подсудимых в политических процессах.

2. После суда я узнала, что адвоката Рождественского лишили права адвокатской практики. Я узнала, что потерял он это право за инцидент, который произошел до суда, во время следствия над моим мужем. Я также узнала, что до суда Рождественскому сказали, что он совершил неблагоприятный акт и что с ним будут иметь дело после окончания суда. Ему сказали также, что он, однако, может довести дело моего мужа до конца.

3. Адвокат Рождественский посоветовал моему мужу принять часть вины на себя, хотя я и была против этого, и мой муж вообще не признавал себя виновным. Однако в силу обстоятельств он был вынужден последовать совету Рождественского.

4. Я знаю, что мой муж не знал ни до суда, ни во время суда, что Рождественскому сообщили, что вопрос о его будущем как юриста будет решен после окончания суда. Я тоже узнала об этом лишь после суда.

5. Если бы мой муж и я знали о его положении, мы, конечно, настаивали бы на отстранении его от дела и на назначении нового адвоката, перед которым не стояла бы угроза лишиться права на адвокатскую практику.

6. Мы сознательно выбрали Рождественского, потому что мы сочли необходимым иметь адвоката, который не боялся бы последствий, представляя моего мужа. Очевидно, что адвокат, который знает, что сразу же после суда ему предстоит серьезное обвинение, которое может привести к потере его права на адвокатскую деятельность, не будет чувствовать себя свободным бросить вызов властям, к чему хороший адвокат должен быть готов, когда обстоятельства вынуждают к этому. Более того, адвокат, перед которым такая неприятная перспектива, не может посвятить все свое внимание и энергию защите другого человека, когда его собственная карьера под угрозой.

7. Мое искреннее мнение, что право моего мужа на эффективное представление, гарантированное законом, было нарушено тем фактором, что его защищал адвокат, который во время суда не имел права на адвокатскую деятельность, и ни он, ни власти не сообщили об этом ни ему, ни его семье.

21 марта 1974 года

Сима Каминская

ПОКАЗАНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ *Шимона Левити*

Я, Шимон Левит, в данное время гражданин государства Израиль, проживающий в г. Бней-Брак, объявляю и утверждаю:

1. Я родился в г. Кишиневе, СССР, в 1947 г. и был гражданином Советского Союза до 1975 года, когда я эмигрировал в Израиль, куда прибыл 1 февраля 1973 года.

2. 30 июня 1971 года я был осужден по статье 67 и 69 Уголовного кодекса Молдавской ССР Верховным судом Молдавии и присужден к 2-м годам тюремного заключения.

3. После моего ареста и в ходе следствия мне не было разрешено иметь какую-либо связь с моими родителями, родственниками и друзьями или получать какую-либо юридическую консультацию. После того как следствие было закончено, мне было разрешено ознакомиться с

моим обвинением и с материалами, на которых оно основывалось. Среди этих материалов была Объяснительная записка Главлита, которая классифицировала различные документы, взятые во время обыска, проведенного у меня в доме и в домах других обвиняемых, которых судил вместе со мной Верховный суд Молдавии.

4. Эти классификации были: антисоветская, сионистская, националистическая, опасная, не для широкого использования, вредная литература. Только литература, которая была определена как антисоветская, могла служить основанием для уголовного преследования по статьям 67 и 69 Уголовного кодекса Молдавской ССР. В Объяснительной записке Главлита только некоторые из тех документов, которые были взяты в наших домах, были классифицированы антисоветскими, в то время как большая часть документов была классифицирована как сионистская и националистическая.

5. Во время судебного заседания председатель суда объявил, что суд не считает себя обязанным соглашаться с классификацией, данной Главлитом и на которых основывалось обвинение. В приговоре суд определил как антисоветские многие из тех документов, которые не были классифицированы в Объяснительной записке Главлита. Судья не вызвал каких-либо экспертов и не привел каких-либо причин, по которым эти документы были определены как антисоветские.

6. Только около половины из тех свидетелей, которые дали показания во время следствия и на чьих показаниях основывалось обвинение, были вызваны дать показания во время суда. Например, не был вызван в суд Лацман, а Шпильберг, хотя он был доставлен в Кишинев, также не давал показаний в суде.

7. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Молдавской республики осужденный имеет право взять копию своего приговора и обвинительного заключения с собой в место своего заключения. Я не получил на это разрешения. Во время моего пребывания в лагере я писал письма к представителям власти Молдавии и просил, чтобы копии этих документов были бы мне присланы. Наконец я получил ответ, в котором говорилось, что я могу ознакомиться с документами в определенном городе, в учреждении КГБ.

8. После моего осуждения я был послан в лагерь № 3 возле Потьмы в Мордовии и оставался там в течение всего периода моего заключения. Вместе со мной в лагере № 3 находились Израиль и Вульф Залмансоны, осужденные на первом процессе евреев в Ленинграде; Олег Фролов, осуж-

денный Рязанским судом; Могилевер и Дрейзнер, осужденные на Втором ленинградском процессе, и Черноглаз, осужденный на Кишиневском процессе, как и я.

9. В лагере № 3 было около 450 заключенных. Среди них были 8 евреев, небольшие группы националистов, (группа, в которую входили вышеупомянутые евреи, украинцы, литовцы и т.д.), так называемые "демократы", "русские националисты" (включая монархистов) и религиозная группа, в которую входили баптисты и Свидетели Иеговы! Все эти группы вместе составляли около 1/4 числа заключенных.

10. Остальные заключенные, составлявшие 3/4 общего состава заключенных, были осуждены за преступления, совершенные по обвинениям в сотрудничестве с немецкими фашистами, вторгшимися в Советский Союз во время второй мировой войны. За время, прошедшее между этой войной и до моего заключения в лагере № 3, были объявлены две амнистии, вследствие которых многие из бывших нацистских коллаборантов были освобождены. Те из них, которые находились в заключении во время моего пребывания в лагере, отбывали большие сроки заключения, т.к. они совершили одно или несколько убийств.

11. Нацистским коллаборантам представлялись на работу лучшие и более выгодные должности, на которых выполнение норм было возможным. Еврейским заключенным давали самые тяжелые работы, причем установленные нормы были на невыполнимом уровне. Например, еврейскому заключенному, инженеру Вульффу Залмансону, была вначале дана техническая работа на заводе автомобильных колес, где работало больше ста заключенных. Однако через несколько недель после его прибытия, когда власти лагеря узнали, что он еврей, осужденный на так называемом "Ленинградском процессе по утону самолета", они поставили его на тяжелую физическую работу вместе с другими евреями. В то же время нацистские коллаборанты получили работу в лагере в качестве надзирателей, и т.д., а некоторых поставили "бригадирами". В результате этого создались условия, которые причиняли евреям постоянные трудности на работе из-за невыполнения норм, и они лишались привилегий получать продукты, посылки, свидания и т.д., в то время как к нацистским коллаборантам относились снисходительно.

Шимон Левит

ПОКАЗАНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ *Валерия Вудки*

Я, Валерий Вудка, в настоящее время гражданин Израиля, проживаю в Холоне, Кирьят Шарете, ул. Атарот 120/8, настоящим свидетельствую и утверждаю, что:

1. Я родился в г. Павлограде в 1950 году и был гражданином Советского Союза до февраля 1973 года, когда я эмигрировал в Израиль.

2. Я младший брат Юрия Вудки, осужденного по статьям 70 и 72 Уголовного кодекса РСФСР 19 февраля 1970 года Рязанским районным судом и приговоренного к семи (7) годам лишения свободы. Двое других осужденных по тому же делу и по тем же статьям — Шимон Грилюс и Олег Фролов, каждый из них был приговорен к заключению на пять (5) лет.

3. Я сам был осужден по тому же делу и по тем же статьям и был приговорен к заключению на три (3) года, с августа 1969 по август 1972 года.

4. После приговора и отказа в кассационной жалобе меня вместе с братом отправили в лагерь № 19, недалеко от Потьмы, в Мордовии. Я оставался в этом лагере с июля 1970 года по март 1971 года, когда меня перевели в тюрьму во Владимир. Там я оставался до конца моего трехлетнего срока заключения.

5. В то время, когда меня перевели из рязанской тюрьмы в лагерь № 19, мой брат и я решили соблюдать еврейские религиозные обычаи: например, носить бороду, ермолку и есть кошерную еду. В лагере № 19 и затем во Владимире я отказывался есть тюремное мясо, т.к. оно не было кошерным и настаивал на ношении бороды и ермолки. Лагерная администрация не заставляла меня насильно брить бороду или не носить ермолки, но я страдал от дискриминации и наказаний из-за моей настойчивости в соблюдении этих религиозных традиций.

6. В лагере № 19 заключенным разрешено покупать на 5 рублей ежемесячно дополнительную еду. В том случае, если выполнялась трудовая норма, то разрешалось покупать еще на два рубля, а если норма перевыполнялась, то предполагалось, что дополнительное разрешение на покупку было заработано.

Я должен был пилить и переносить дрова, что было очень трудно, но все же я выполнял норму. Однако мне не платили тех двух рублей, которые мне полагались. Администрация это делала из-за того, что я выполнял еврейские религиозные обряды. Тогда я перестал выполнять

норму, и это привело к тому, что комендант лагеря наказывал меня и в конце концов меня перевели во Владимирскую тюрьму.

7. Среди заключенных лагеря № 19 было много таких, которые были осуждены за сотрудничество с нацистами во время второй мировой войны. Некоторые из них служили в вооруженных частях генерала Власова, которые боролись на стороне нацистов против Советского Союза. Среди них были офицер армии Власова Стаплинский и некий Балашов, заключенный, сотрудничавший с фашистами. Эти бывшие пособники нацистов работали в сотрудничестве с администрацией советских лагерей и тюрем, получали лучшую работу, при которой выполняли или перевыполняли нормы. Они пользовались дополнительными привилегиями. Это касалось лучшей еды, получения посылок от родных, в покупке еды не только в лагерном ларьке, но и у людей, живших вне лагеря.

Эти бывшие сотрудники нацистов сеяли антисемитизм среди других заключенных.

8. Меня отправили во Владимир по приказу специального трибунала, прибывшего в лагерь № 19. Когда я появился перед трибуналом, комендант лагеря прочел по частям предполагаемый список нарушений с моей стороны. Председатель трибунала приказал мне снять ермолку. Когда я объяснил, что моя религия не разрешает мне этого сделать, то после краткого совещания трибунал приказал перевести меня во Владимир.

Мой брат Юрий Вудка был отправлен туда же в марте 1973 года, почти при тех же обстоятельствах.

Трибунал, перед которым я предстал, не просил меня объяснить причины тех нарушений, в которых меня обвинял комендант лагеря.

9. Тюремный режим во Владимире очень строгий. Во время первых нескольких месяцев рацион был совершенно не достаточен и состоял из 50 г хлеба и 60 г селедки с небольшим количеством супа и каши. Никаких дополнительных покупок не разрешалось. Заключенному разрешалась прогулка по полчаса в день. Работать неставляли. Родственники заключенных могли посещать два раза в год на очень короткое время. Заключенный был обязан носить специальную форму. Электрический свет в камере горел круглые сутки, летом было нестерпимо жарко.

Во Владимире я не видел бывших пособников нацистов, общеизвестно, что их редко посылают туда, т.к. они сотрудничают с лагерной администрацией.

10. В тюрьме я узнал, что у Шимона Грилюса и Иоси-

фа Менделевича также были серьезные столкновения с администрацией, т.к. они настаивали на ношении бороды, ермолки и отказывались есть некошерную пищу.

18 марта 1974 года

Валерий Вудка

ПОКАЗАНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ *Фейги Школьник*

1. Мое имя — Фейга Школьник. Я, бывшая гражданка СССР и проживала в Виннице, где меня знали как Фейгу Моисеевну Школьник. Я прибыла в Израиль 31 декабря 1973 года, где сейчас и проживаю в Беершеве.

2. Я жена Исаака Рафаиловича Школьника, который содержится в заключении в Перми с августа 1973 года по решению Военного Трибунала Закарпатского Военного Округа от 11 апреля 1973 года в Виннице, приговорившего его к семи (7) годам лишения свободы.

3. Я наняла адвоката Макаренко для защиты моего мужа на суде. Мне сообщили, что Макаренко единственный адвокат в Виннице, имеющий допуск, требуемый КГБ. Я была недовольна ведением защиты моего мужа адвокатом Макаренко, т.к. с самого начала он считал моего мужа виновным и приложил все усилия для того, чтобы убедить моего мужа признать свою вину. Он также отказался детально обсудить со мной дело моего мужа и не сообщал мне абсолютно никаких сведений о процессе, отвечая только на особые вопросы, которые я задавала.

4. Вскоре после вынесения Военным Трибуналом приговора моему мужу, во время свидания с ним в Виннице в тюрьме, я попыталась поговорить с ним о Макаренко и о кассационной жалобе. Конвоир не разрешил мне разговаривать с мужем на эту тему.

5. После вынесения приговора моему мужу я попросила адвоката Макаренко подать кассацию. Он сначала отказался, поэтому я наняла другого адвоката, по фамилии Сарри, к которому я обратилась через Московскую коллегию. Сарри немедленно обратился в Штаб Военного Трибунала во Львове, изучил дело моего мужа и получил разрешение посетить его в Винницкой тюрьме. Сарри отправился в тюрьму 19 апреля 1973 года, но, несмотря на разрешение, выданное ему львовскими властями, тюремная администрация не разрешила ему встретиться с моим мужем. Пока Сарри ждал у тюрьмы, вызвали Макаренко. Макаренко и тюремная администрация посоветовали моему мужу не встречаться с Сарри и потребовали

у него подписать заявление, уполномочивающее Макаренко действовать в качестве его адвоката. Следовательно, Сарри не смог встретиться с моим мужем. До этого Сарри подал кассацию в Военный Трибунал во Львове. После того как ему отказали во встрече с моим мужем, он подал жалобу московским властям на препятствия, чинимые ему при попытке действовать в защиту моего мужа.

Я и родители мужа подали жалобы в Верховный Совет СССР, в Верховный Совет Украинской республики и министру юстиции.

6. Я никогда больше не просила Макаренко подать кассацию по делу. Однако после того как Сарри попытался встретиться с моим мужем, Макаренко задним числом, 16 апреля, за день до посещения Сарри, подал кассационную жалобу. За несколько дней до подачи кассации я поехала в Москву и обратилась в Военную Коллегию Верховного Совета с тем, чтобы отказаться от услуг Макаренко, но мне не разрешили этого сделать.

7. Основываясь на этих фактах, ясно, что мой муж был лишен квалифицированного защитника по выбору его и его семьи и что некоторые авторитетные лица в сговоре с Макаренко лишили его этого права.

18 марта 1974 года

Фейга Школьник

ПОКАЗАНИЯ ПОД ПРИСЯГОЙ *Рая Мишиевой*

1. Меня зовут Рая Мишиева, я являюсь гражданкой Израиля и проживаю в г. Шдерот. В прошлом я была гражданкой СССР и проживала в г. Дербент. Я эмигрировала в Израиль 7 февраля 1974 года.

2. До моей эмиграции в Израиль я была членом коммунистической партии в течение семи лет, была членом Местного совета в Дербенте и работала на конфетной фабрике в течение восемнадцати (18) лет.

3. В ноябре 1973 года я выполняла мои официальные обязанности народного заседателя в прослушивании дел, представленных перед городским судом г. Дербент. Мое имя фигурировало в списке народных заседателей в течение пяти (5) лет, и я участвовала как заседатель в многочисленных судебных делах.

4. Одним из дел, на котором я присутствовала как народный заседатель в ноябре 1973 года, было дело по обвинению Пинхаса Пинхасова, еврейского столяра из

Дербента. Пинхасов обвинялся по статье 92 Уголовного кодекса РСФСР (хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты, либо путем злоупотребления служебным положением) и по статье 156 (обмеривание, обвешивание, превышение установленных розничных цен, наказуемое лишением свободы до двух лет). Имя судьи — Расмасанов (лезгинского происхождения) и присутствовал еще один народный заседатель.

5. Я изучила материалы дела Пинхасова и беседовала с ним самим. В течение двух дней суда я внимательно слушала заявления свидетелей, вызванных обвинителем. На основании всего этого я пришла к выводу, что Пинхасов не виновен в совершении тех преступлений, в которых он обвиняется.

6. На основании того, что я наблюдала на суде и во время суда, а также на основании заявлений, сделанных судьей Расмасановым и вторым народным заседателем, я поверила в то, что Пинхасов был обвинен из-за подачи заявления с просьбой о выезде в Израиль.

Во время перерыва в ходе суда я сообщила семье Пинхасова о том, что мне стало известно, что его обвинение — результат его просьбы о разрешении на выезд. По словам судьи, обвинение было бы снято с Пинхасова, если бы он отказался от своего намерения уехать в Израиль и убедил бы свою семью вернуться обратно в СССР.

7. Пинхасов просил на суде разрешения вызвать свидетелей в свою защиту, но судья отказал ему в этом.

8. Заявления свидетелей, вызванных обвинителем, не подтвердили предъявленных обвинений.

9. В заключение суда судья Расмасанов и другой народный заседатель приготовили приговор, который объявлял Пинхасова виновным и который не соответствовал заявлениям свидетелей.

10. Судья Расмасанов и другой народный заседатель решили приговорить Пинхасова к семи годам лишения свободы, но я отказалась подписать это решение суда, содержащее такой приговор.

Когда судья и другой заседатель согласились на принятие приговора к пяти годам лишения свободы, тогда я согласилась подписать приговор, так как мой отказ привел бы к увеличению срока до семи (7) лет.

11. После суда материалы дела Пинхасова были пересланы в Москву, несмотря на то что кассация не была туда передана.

2 февраля 1975 года

Рая Мишиева

ЗАЯВЛЕНИЕ *Шимона Грилюса* (№ 1)

1. Меня зовут Шимон Грилюс и я являюсь гражданином Израиля. Я эмигрировал из Советского Союза 1 декабря 1974 года и теперь проживаю в г. Тель-Авиве, Израиль.

2. В августе 1974 года я вышел из заключения, отбыв пятилетний срок лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима в соответствии с приговором Юридической комиссии по уголовным делам Рязанского областного суда от 19 февраля 1970 года.

3. В обеих колониях, в которых я отбывал свой срок, я и другие заключенные-евреи подвергались преследованиям и оскорблениям из-за того, что мы — евреи. В обоих лагерях многие заключенные — бывшие нацисты, включая многих немцев. Нацисты сотрудничали с администрацией лагеря, им предоставлялись лучшие работы, они раздавали пищу, производили обыски и надзор за жилыми помещениями с ведома администрации лагеря.

Заключенные-нацисты часто провоцировали евреев заключенных, выражая ярый антисемитизм.

4. В обоих лагерях мне и другим евреям заключенным было запрещено выполнять обряды нашей религии. Нам не разрешалось носить ермолки, носить бороды, изучать нашу религию и соблюдать религиозные обряды, касающиеся пищи. Еврейские молитвенники и Библии, а также другие письменные документы, относящиеся исключительно к еврейской религии, были конфискованы, и нам постоянно насильно брили бороды.

5. В январе 1973 года прокурор Пермской области Мякишев посетил Пермские лагеря и подтвердил, что заключенным-евреям и впредь будет запрещено соблюдать религиозные обряды.

Мякишев заявил, что Декларация прав человека не предназначена для евреев, а предназначалась только для негров и, несмотря на то что христианам разрешалось носить кресты, он не получил никаких инструкций по отношению к тому, что евреям разрешается соблюдать их религиозные обряды.

6. Меня и других заключенных-евреев часто наказывали за наши попытки соблюдать обряды нашей религии.

7. До Перми я находился в одном лагере с Юрием Вудкой с июля 1972 года до марта 1973 года, когда Юрий Вудка был переведен во Владимирскую тюрьму на максимальный срок тюремного заключения на 3 года. До июля 1972 года Вудка содержался в Мордовской АССР, в

Потьме, в лагере ЖХ-385/19 в соответствии с приговором Юридической комиссии по уголовным делам Рязанского областного суда, приговорившей его к семи (7) годам лишения свободы.

8. Я знаком с условиями заключения Вудки в лагерях по моим личным наблюдениям и из множества бесед, которые я имел с Юрием Вудкой во время моего пребывания с ним в одном лагере. Я также знаю о его условиях заключения во Владимирской тюрьме от лиц, которые были там вместе с ним.

9. Во время его заключения в лагерях Вудка был подвергнут преследованиям и наказаниям заключенными-нацистами и лагерной администрацией только за то, что он еврей и что он пытался соблюдать еврейские обряды.

10. Ниже последует хронологический перечень многих наказаний, которым Вудка был подвергнут в лагере.

11. В Мордовии в апреле или в мае 1972 года, после того как вся его группа опоздала на обед в столовую лагеря, он и еще один заключенный-еврей, Ягман, были наказаны. Вудка был посажен в одиночную камеру на 12 дней.

12. В июне 1972 года, вскоре после того, когда Вудка рассказал товарищам по заключению о присутствии в лагере некоего Мартимонова, который был агентом-provocатором, предавшим Вудку органам КГБ.

Вудка был посажен на шесть месяцев в ПКТ. Примерно через месяц после отбывания срока в ПКТ он вместе с другими заключенными был переведен из Мордовии в Пермь (ВС-389/36). Другим арестованным, которые находились в ПКТ в Мордовии, было разрешено по прибытии в Пермь оставаться в зоне лагеря, а Вудка был немедленно помещен в ПКТ до окончания срока 6 месяцев наказания. Лагерная администрация ему сообщила, что имелась специальная инструкция — поместить его в ПКТ. Но подобной инструкции не было по отношению к другим заключенным.

13. Во время его содержания в ПКТ в Перми Вудке дали пищу, очевидно, с селитрой и также заставили принимать не известные ему таблетки. После потери сна и потери элькуляции у него появились апатия и бессоница. Вудка и некоторые заключенные начали протестовать, тогда Вудка начал получать пищу без селитры.

14. 30 ноября 1970 года, за день до истечения срока пребывания в ПКТ, его брат Валерий Вудка прибыл в Пермь с разрешением на дополнительное свидание с братом.

Валерий проехал 2000 км, чтобы повидать брата перед своим выездом в Израиль. Свидание было отложено на

основании того, что Юрий совершил три нарушения:

а) у Вудки была найдена красная шариковая ручка. Раньше разрешали заключенным иметь такие ручки до того, как их посадили в ПКТ. Когда Юрий Вудка был в ПКТ, такие ручки были конфискованы у четверых заключенных. Красная ручка у Вудки не была отнята, но зато Вудка оказался нарушителем закона;

б) Вудка попросил соседа по камере в ПКТ помочь ему вынести тяжелую металлическую парашу. Эта просьба была рассмотрена как отказ от выполнения приказа офицера, и, следовательно, Вудка нарушил снова приказ: вынести парашу одному;

в) согласно правилу охраны труда в лагере, Вудка попросил выделить ему варежки и теплую обувь для работы на холоде вне ПКТ. Так как он не получил требуемого, он не вышел на работу и оказался в положении нарушителя закона и лагерного устава.

15. 30 ноября 1972 года, в тот самый день, когда брат приехал к нему и был лишен встречи, Вудку назначили на самую тяжелую и грязную работу в бараке-цехе термоэлектронагревателей. В этом бараке-цехе нет соответствующей вентиляции и нет горячей воды для мытья после работы. Начальником работ в этом бараке-цехе был бывший нацист, работавший в одном из лагерей в Бухенвальде или Освенциме. Во время работы в цехе Вудка не мог выполнить установленных норм из-за того, что ему не дали необходимого количества деталей. Он не мог знать, сколько им сделано, т.к. его работа зависела от объема производительности, сделанной до него. Следовательно, невыполнение нормы не было его виной.

16. 24 декабря 1972 года, примерно через месяц после его освобождения из ПКТ, Вудка послал заявление Подгорному, в котором просил признать его гражданином Израиля и также выразил протест против политических судов, направленных против евреев в СССР. Он также просил, чтобы его и других заключенных-евреев освободили и позволили эмигрировать в Израиль.

В заявлении Вудка протестует против преследований, которым подвергается он и другие заключенные за религиозные убеждения.

17. В начале 1973 года Вудка подвергался еще более интенсивным преследованиям и наказаниям за то, что он навел товарища-еврея в соседнем бараке без особого на это разрешения. Вудке запретили покупать продукты в ларьке в течение одного месяца. В это время Вудке надели наручники, силой побрили, сорвали с головы ермолку и посадили в штрафной изолятор.

Группа бывших нацистских преступников созвала "коллективный совет". Они вызвали Вудку и пытались "воспитывать" его, но он отказался разговаривать с подобными "воспитателями".

18. В начале 1973 года Вудка написал жалобы в союзные органы Москвы, в которых он протестовал против религиозных преследований, которым он и его товарищи были подвергнуты, а также писал о других беззакониях, имевших место в лагере. Он писал о незаконной отмене его свидания с братом и другими родственниками, о нарушениях правил техники безопасности на работе, об отсутствии теплой одежды и обуви, положенных по закону.

Начальник управления ВС-389, полковник Миков, отобрал эти жалобы и не отправил их в Москву. Вудка узнал об этом, когда полковник Миков сам начал отвечать ему от имени союзных организаций. Тогда Вудка начал писать протесты в Москву, что Миков нелегально помешал ему отправить свои протесты в высшие инстанции.

19. В марте 1973 года за отказ снять ермолку Вудка был помещен в ШИЗО на 10 дней. Там ему надели наручники и побрили. За отказ побриться самому ему прибавили еще 10 дней ШИЗО (согласно режиму лагеря максимальное время для заключения в ШИЗО — 15 дней).

20. По истечении срока в ШИЗО Вудка был приведен в комнату, где присутствовали: судья Городского суда г. Чусовая, два народных заседателя, прокурор Чусовского района и начальник 3-го отряда лагеря лейтенант Долматов.

Стража, сопровождавшая Вудку, сообщила, что его будут судить немедленно за его поведение в лагере.

21. Позже Вудка рассказывал мне лично, что его "суд" в марте 1973 года состоялся следующим образом.

Вудка обратился к суду на иврите и попросил переводчика, но такового ему не дали. Вудке также не дали прочесть обвинительное заключение, а также не разрешили встретиться с адвокатом или с кем-то другим, который мог бы выступить в его защиту. Лейтенант Долматов говорил 30 минут о том, что Вудка не выполняет установленные нормы работы в цехе нагревателей, не реагирует на воспитательные меры, применяемые по отношению к нему, он отрицательно влияет на других заключенных. Это заявление было голословным и не было доказано. Когда Долматов закончил свое выступление, прокурор повторил все дословно, что говорил Долматов. Суд удовлетворил просьбу лагерной администрации — перевести Вудку

на тюремный режим сроком на три года. Согласно этому решению Вудка был переведен во Владимирскую тюрьму.

22. Пока Вудка был во Владимирской тюрьме, он был лишен свиданий, установленных законом.

Вудка женат на Анне Гуревич (ему не разрешили зарегистрировать их брак после ареста). Но 19 ноября 1974 года Анне Гуревич не разрешили свидание с Вудкой в тюрьме в отведенное для этого время. Тюремное начальство объяснило причину запрета свидания из-за отрицательного влияния этого визита на заключенного. Гуревич обратилась к прокурору г. Владимир, который в свою очередь сказал ей, что разрешит это свидание, если она убедит Вудку не писать жалоб в Москву.

23. Пока Вудка был во Владимирской тюрьме, он находился в исключительно тяжелых условиях. Он не получал адресованные ему письма от брата, родственников и друзей из Израиля.

Вудка страдает от систематического недоедания, от радикулита, который обострился вследствие очень низкой температуры в его камере. Его продолжают преследовать из-за религиозных убеждений, насильно сбривают бороду, не разрешают изучать еврейскую религию. Вудка подвергается физическим наказаниям со стороны других заключенных.

24. Как в Мордовии, так и в Перми я находился вместе с Иосифом Менделевичем, осужденным Ленинградским судом 24 декабря 1970 года сроком на 12 лет лишения свободы в лагере строгого режима после уменьшения срока Верховным судом.

25. Я знаю условия заключения Менделевича по своим личным наблюдениям и беседам с ним в то время, пока мы были вместе в лагерях.

26. Менделевич все время заключения был в очень плохом состоянии здоровья. Он страдает высоким кровяным давлением и заболеванием сердца, чем он страдал до своего заключения. В течение четырех лет, пока он был моим товарищем по заключению, ему ни разу не было сделано медицинское исследование, несмотря на инструкции медицинской комиссии Исполнительного комитета внутреннего отдела Пермской области. В сентябре 1973 и в августе 1974 годов эта комиссия посетила лагерь ВС-389/36 в Перми, где сидел Менделевич, и после проверки вынесла заключение, что Менделевича надо отправить в больницу для полного обследования. Но и это не было сделано.

Когда у Менделевича были приступы гипертонии, ему не давали лекарств, кроме успокоительных, а также не освобождали от работы. В результате общей слабости он

потерял много зубов.

27. Менделевича постоянно наказывали за попытку соблюдать еврейские религиозные обряды. Ему насильно сбривали бороду и угрожали, что в случае отказа от бритья его посадят в ПКТ или отправят во Владимирскую тюрьму (выполнение этих угроз опасно для его здоровья из-за сердечного заболевания).

За попытку отрастить бороду его лишили возможности покупать дополнительные продукты в лагерном ларьке. Неоднократно силой снимали с него ермолку, и в январе 1973 года прокурор Пермской области Мякишев приказал конфисковать его ермолку. С того времени Менделевич носил на голове носовой платок, но и его сорвали силой с его головы.

28. Все религиозные книги, которые посылали Менделевичу, были конфискованы. Директор Института Исследований Истины в Париже послал ему экземпляр Библии, но и она была конфискована. Родственники и друзья послали Менделевичу религиозные и еврейские книги, но ему не разрешили получить их. Менделевичу запретили записать молитвы на иврите, а менору, которую он вырезал из куска дерева, отобрали у него.

29. Менделевич пытался соблюдать обряды еврейской религии путем молитв и встреч в субботу с другими заключенными-евреями, но лагерная администрация мешала этим его попыткам и угрожала наказанием.

30. Менделевич не может из-за своих религиозных убеждений есть свинину, которая составляет основную часть лагерного рациона. Но несмотря на его просьбы, он не получает никакой пищи взамен свинины и поэтому в течение целого года он был лишен достаточного количества питания.

В 1973-1974 гг. за два месяца до еврейской Пасхи Менделевич и другие заключенные-евреи, содержащиеся в лагере в Перми, обратились к администрации лагеря с просьбой разрешить им получить от своих родственников мацу в соответствии с количеством хлеба, который они получают. Посылки с мацой, присланные родственниками, никогда не были отданы заключенным.

31. Многие письма, написанные Менделевичем своим родителям в Ригу и своим сестрам в Израиль, конфисковались лагерной администрацией без законных оснований.

В марте и апреле 1974 года он писал, что страдает от холода и от своих болезней. Эти письма также были конфискованы. Письма, отправленные из Израиля, не всегда попадают к нему, и если они все же попадают, то с большим опозданием — от двух до четырех месяцев. Менделевича

предупредили, чтобы его родственники не писали на иврите, и что письма, написанные по-русски, придут быстрее.

32. Менделевич подвергался телесным наказаниям и другим формам преследования, а также антисемитскому обращению со стороны бывших нацистских преступников, которые находятся с ним вместе в лагере.

33. В июне 1974 года Менделевич подвергся трем формам наказания за одно нарушение лагерных правил. Наказание последовало за протест более сорока (40) политических заключенных 23 июня 1973 года против избияния молодого украинца-националиста Степана Сапилека лагерным офицером. Протест заключался в отказе выйти на работу в этот день. Как результат — Менделевич был помещен в карцер на 15 дней, а также лишен возможности покупать еду и свиданий с родителями.

34. Каждый год, 24 декабря, начиная с 1971 года, Менделевич посылает Подгорному, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, послание, в котором он просит лишить его советского гражданства и признать гражданином Израиля, а также протест против преследования евреев и своего осуждения.

5 февраля 1975 года

Шимон Грилюс

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

ПИСЬМА

*Достопочтенному Л.Н. Смирнову
члену Верховного суда РСФСР
Москва, СССР, 15 марта 1974 г.*

Уважаемый г-н Смирнов!

В ближайшее время мне предстоит поездка в Советский Союз. В период с 29 марта примерно по 6 апреля я планирую быть в Москве. С тех пор как мы вместе с Вами работали на Нюрнбергском процессе военных преступников, прошло много лет, и я был бы очень рад возможности встретиться с Вами в течение моего пребывания в Москве для возобновления нашего знакомства и обсуждения некоторых юридических вопросов, представляющих взаимный интерес.

С наилучшими пожеланиями и в надежде увидеть Вас в добром здравии,

искренне Ваш,

Телфорд Тэйлор
профессор права

*Достопочтенному Роману Руденко
Генеральному Прокурору СССР
Москва, СССР, 15 марта 1974 г.*

Уважаемый г-н Руденко!

В ближайшее время мне предстоит поездка в Советский Союз. В период с 29 марта и примерно по 6 апреля я планирую быть в Москве. С тех пор как мы с Вами работали на Нюрнбергском процессе военных преступников, прошло много лет, и я был бы очень рад возможности встретиться с Вами в течение моего пребывания в Москве для возобновления нашего знакомства и обсуждения некоторых юридических вопросов, представляющих взаимный интерес.

С наилучшими пожеланиями и в надежде увидеть Вас в добром здравии, искренне Ваш

Телфорд Тэйлор

*Достопочтенному Роману А.Руденко
Генеральному Прокурору СССР
Прокуратура СССР, Пушкинская ул.
Москва, СССР, 12 апреля 1974 г.*

Уважаемый г-н Руденко!

Разрешите выразить мою глубокую признательность за Вашу любезность, благодаря которой я получил возможность посетить Прокуратуру и провести беседу с прокурором Маляровым, встретившим меня исключительно приветливо.

Очень сожалею, что Ваша болезнь не дала нам возможности встретиться лично. Надеюсь, что к настоящему времени Вы полностью выздоровели.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш

Телфорд Тэйлор
профессор права

*Господину М.П. Малярову
Первому заместителю Генерального
Прокурора СССР, Прокуратура СССР
Пушкинская улица
Москва, СССР, 12 апреля 1974 г.*

Уважаемый г-н Маляров!

Позвольте выразить мою глубокую благодарность за теплый прием, оказанный мне во время недавнего пребывания в Москве, и за то, что Вы сочли возможным уделить мне столь много времени.

Я также благодарен Вам и за обещание, что Прокуратура примет и рассмотрит прошения, которые я вскоре намереваюсь представить Вам от имени родственников заключенных. Разумеется, я вполне понимаю Вашу точку зрения, что прошения не могут быть включены в материалы судебных дел и будут рассматриваться лишь как представляемые на усмотрение Генерального Прокурора.

Вновь примите мою благодарность и наилучшие пожелания,

искренне Ваш

Телфорд Тэйлор

*В Прокуратуру СССР
Генеральному Прокурору СССР
Руденко Р.
10 июня 1974 г.*

Уважаемый Господин Прокурор!

Первый заместитель Генерального Прокурора 5 апреля 1974 года любезно разрешил мне представить Прокуратуре ряд прошений со стороны жен и других родственников некоторых советских граждан, признанных виновными в разных преступлениях и ныне находящихся в заключении. Сим почтительно представляем Вам эти прошения вместе с четырьмя подсобными правовыми меморандумами, в которых совместные в ряде дел вопросы разбираются.

Правовые меморандумы и большинство прошений представлены и на русском и на английском языках. Приходится извиниться, что ввиду нашего дефицита в русских пишущих машинках мы замедлились в составлении русского текста двух из прошений; надеюсь, что мы скоро сможем представить Вам и эти остальные прошения на русском языке.

Приложены к каждому прошению соответствующие доверенности от родственников, которые попросили меня представить прошения от их имени.

Разумеется, что я вполне к Вашим услугам и с удовольствием буду предлагать Вам дополнительное изложение любого документа.

Позвольте мне выразить глубокую благодарность за представленную мне возможность представления этих дел.

С искренним уважением

Телфорд Тэйлор,
адвокат, доверенный просителями

*Роману Андреевичу Руденко
Генеральному Прокурору СССР
Прокуратура СССР, Пушкинская ул.
Москва, СССР, 7 июля 1974 г.*

Уважаемый г-н Руденко!

Позвольте выразить мою признательность за Ваш любезный и дружеский прием в прошлом месяце. Я был очень рад вновь встретиться с Вами и найти Вас в добром здравии после многих лет, истекших со времени нашей сов-

местной работы в Нюрнберге.

К сожалению, я вынужден также выразить мое удивление и глубокое разочарование по поводу того, что сказал нам заместитель Генерального Прокурора Маляров, когда профессор Липсон позвонил ему 18 июня. В ответ на наш вопрос, не можем ли мы в чем-нибудь помочь при рассмотрении поданных нами прошений, пока мы в Москве, г-н Маляров дал нам понять, что он не имеет права отходить от Ваших инструкций и что прошения уже отвергнуты.

Эта позиция Малярова в корне противоречит нашему соглашению 12 июня, когда Вы обещали, что Прокуратура рассмотрит прошения и даст заключения по ним в письменном виде.

5 апреля прокурор Маляров любезно обещал мне, что Прокуратура примет прошения. 12 июня Вы приняли прошения и поручили г-ну Роговину передать их прокурору Малярову. Отвергнуть все прошения, не подвергнув серьезному рассмотрению приводимые в них факты и юридические доводы, равносильно тому, как если бы прошения вообще не были приняты. Поскольку всего было подано 19 прошений по трем союзным республикам (РСФСР, Молдавская ССР и Украинская ССР), естественно, что к 18 июня работники Прокуратуры никак не могли изучить судебные материалы всех процессов и рассмотреть излагаемые в прошениях факты нарушения процессуальных норм.

Меня особенно огорчает отказ в нашей просьбе лично к Вам воспользоваться Вашими полномочиями Генерального Прокурора и расследовать условия содержания заключенных. Когда профессор Липсон спросил об этом прокурора Малярова, ему было сказано, что советская система не предусматривает рассмотрения просьб об особом отношении к отдельным заключенным. Очевидно, у прокурора Малярова сложилось превратное представление о характере представленных нами прошений, ибо там и речи не идет о каких-либо привилегиях, а лишь содержится просьба провести расследование с целью установить, в какой мере соблюдаются советские правила и принципы содержания заключенных.

Все свидетельства, находящиеся в нашем распоряжении, указывают на то, что в советских исправительно-трудовых колониях евреев содержат вместе с нацистскими преступниками — ярыми антисемитами, которые пользуются привилегиями и всячески преследуют евреев заключенных. Правда это или нет, я не знаю, но меня поражает, что прокурор Маляров совершенно безответственно отнесся к affidavitам и аргументам по этому вопросу. Не сом-

неваюсь, что как Главный обвинитель на Нюрнбергском процессе Вы более, чем кто-либо, сознаете порочность антисемитизма и должны с особым вниманием следить за тем, чтобы это зло не возникало в поднадзорной Вам области. Ни один человек, будь то в Советском Союзе или за его пределами, никогда не сможет понять, как можно мириться с таким положением дел.

Как Вам известно из нашего разговора, в прошениях также содержится просьба, чтобы их рассматривали не только как совокупность юридических доводов, но также и как ходатайства о смягчении участи заключенных. Согласно официальным советским документам, пересмотр приговоров может производиться по инициативе любой общественной или частной организации, и именно на этом основании я и обратился к Вам с просьбой проявить милосердие.

Однако, поскольку Вы отказались принять личное участие в судьбе заключенных, я сообщу моим клиентам о предложении прокурора Малярова передать заключенным, что они имеют возможность сами ходатайствовать о пересмотре дел. Что касается моих клиентов — родственников заключенных — я горячо надеюсь, что президиумы верховных советов соответствующих республик с Вашей помощью рассмотрят любые прошения этого рода, будь то от самих заключенных или от их родственников, с тем вниманием, которого они более чем заслуживают.

С уважением и наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш

Телфорд Тэйлор

*Генеральному Прокурору СССР
Господину Руденко
30 сентября 1974 года*

Многоуважаемый Господин Руденко!

В соответствии с замечанием, сделанным генералом Маляровым, я передал родственникам заключенных Ваши указания о том, что ходатайства о помиловании приходится самим заключенным представить президиумам тех советских республик, в которых вынесены приговоры.

Оказывается, однако, что в некоторых случаях точный адрес отдельных заключенных пока не известен их родственникам. К тому же в ряде случаев отправленные заключенным письма возвращены родственникам, не дошедши до адресата. Прошу Вас о содействии в извещении заклю-

ченных о настоящих обстоятельствах, передавая им подготовленные мною прилагаемые письма вместе с заранее представленными Вам в их пользу прошениями.

Приложены всего лишь восемнадцать, а не девятнадцать писем; мы сердечно приветствуем освобождение Сильвы Залмансон.

Благодарю Вас за Ваше внимание и шлю Вам личный привет.

С уважением,

Телфорд Тэйлор

Письмо от заключенного Бориса Пенсона

Уважаемый г-н Тэйлор!

Как мне стало известно, Вы сейчас занимаетесь моим делом. Возможно, Вам будет интересно узнать о моем взгляде на дело, взгляде осужденного.

Действительно, я с группой единомышленников желал бежать из СССР в г-во Израиль. Действительно, для этой цели мы намеревались захватить самолет. Сейчас, когда немалое количество евреев совершенно легально уезжает в Израиль, наши действия могут показаться по крайней мере странными, тогда же, до 71-го года, это была единственная возможность вырваться из СССР. В 70-м году в феврале моя семья получила категорический отказ от советских органов на просьбу о выезде к своим родственникам в Израиль. Все мои настойчивые требования остались безрезультатными. Тогда же в 67-70 годах в СССР властями проводилась широкая пропагандистская антиизраильская — антиэмиграционная кампания. Устраивались пресс-конференции, на которых некие лица от имени всех евреев, проживающих в СССР, заявляли: "Евреи не желают покидать СССР".

Понятно, ни я, ни мои единомышленники не могли смириться с таким положением вещей. На наших глазах топтали нашу мечту — жить на Родине, в Израиле. Ждать дольше было невозможно. Такой поворот событий не оставлял никаких надежд.

Советский суд квалифицировал мои действия по двум статьям: 64-а и 93-1, по каждой из которых приговорил меня к 10 годам лишения свободы в лагере строгого режима.

Статья 64-а — "измена Родине" — особо опасное государственное преступление. Можно ли вообще считать виновным в "измене Родине" человека, не желающего этой навязанной ему Родины, не считающего себя ее гражданином, человека, который пытался осуществить свое право на вы-

езд, право, которого его лишили? Разве я не действовал законно, возбудив в соответствующих советских органах ходатайство о выезде из СССР? Почему же суд совершенно игнорировал обстоятельства, объясняющие суть дела, — факт ходатайства и факт категорического отказа на него? В обвинительном заключении и в приговоре об этом не сказано ни строчки. Советское правосудие силилось представить меня и моих товарищей бандой маньяков, единственная цель которых — угон самолета.

О статье 93-1 — "Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах" — говорить не приходится, она здесь более, чем неуместна. Все юристы, осуществлявшие нашу защиту на суде, заявили по ней протест, да и сам суд даже и не пытался обвинить кого-либо из нас в намерении присвоить самолет с целью наживы, — всем ясно — самолет, лишь средство транспорта. Тем не менее, только из-за того, что в советском Уголовном кодексе отсутствовала в то время нужная статья (статья "Угон воздушного судна" введена лишь в 73-м году), суд приговорил нас по "чужой" статье к немалым срокам заключения.

Суд совершенно не посчитался и с тем, что, собственно, ничего и не произошло, что бегство было всего лишь задумано, и рассматривал дело таким образом, как если бы оно было осуществлено.

15 июня исполнится четыре года, как я и мои друзья томимся в заключении. Четыре года грязи, лишений, унижений человеческого достоинства, тяжелого принудительного труда. Думаю, что это — не самая большая плата за надежду жить дома, в Израиле, за это можно отдать и большее. Но ни у кого не может оставаться и тени сомнения в отношении характера тех, кто взимает эту плату, кто день за днем, капля за каплей пьет нашу жизнь.

Жму Вашу руку, с уважением

Борис Пенсон

Мордовия, Лесное
Весна 1974 года

P.S. Я не возражаю против использования этого письма в любой, удобной для Вас форме.

*Господину Чернышеву— ТАСС
Национальное Пресс-здание 883
Вашингтон, Округ Колумбия, 20045
24 апреля 1975 г.*

Уважаемый г-н Чернышев!

Это письмо является ответом на вопросы, которые Вы недавно задали мне по телефону, а именно:

1. Какова Ваша точка зрения на значение победы союзников над нацистской Германией во 2-й мировой войне?

2. Каков, с Вашей точки зрения, вклад советской армии в победу?

3. Что Вы можете сказать относительно сотрудничества между США и Советским Союзом во 2-й мировой войне, и какое значение может сыграть сотрудничество наших стран сегодня для предотвращения новой мировой войны?

Отвечая на Ваш первый вопрос, несомненно, разгром нацистской Германии во многих отношениях является важнейшим событием мировой истории. Победа союзников положила конец попыткам Гитлера захватить Европу и, возможно, весь мир, ознаменовала резкий рост могущества и международной ответственности обеих наших стран и наконец в полной мере выявила расовые и иные зверства нацистов, включая уничтожение значительной части еврейского народа.

Что касается второго вопроса, никто не может поставить под сомнение ни мужество и стойкость советских народов перед лицом германского нашествия, ни важнейшего вклада советских вооруженных сил в победу Союзников.

Третий вопрос: я ничего не могу сказать о сотрудничестве между нашими странами в ходе второй мировой войны, поскольку, будучи в армии, я не имел к этой области никакого отношения. Что касается будущего, ясно, что ничто не играет столь важной роли для дела мира во всем мире, как сотрудничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Конечно, подобное сотрудничество будет зависеть от того, сможем ли мы преодолеть взаимное недоверие. А это, в свою очередь, может быть достигнуто только при условии, что правительства будут проявлять чуткость и внимание к чувствам и мнениям народов обеих стран и воздерживаться от репрессивных

мер, неизбежно антагонизирующих расовые, религиозные или национальные группы и сеющих подозрение и враждебность.

Искренне Ваш

Телфорд Тэйлор

*Роману Андреевичу Руденко
Генеральному Прокурору СССР
Прокуратура СССР
Пушкинская ул., Москва, СССР
8 мая 1975 года*

Уважаемый г-н Руденко!

Относительно Лазаря Любарского

Прошу Вас подшить к делу прилагаемый к данному письму оригинал доверенности, выданной мне 12 февраля 1975 года женой Лазаря Любарского, Галиной Певзнер, на ведение дел ее мужа.

Позвольте мне воспользоваться этой возможностью и напомнить Вам, что я все еще жду, когда Вы сообщите, что предпринято по поводу прошений, памятных записок и других писем, направленных по Вашему адресу или доставленных Вам за период, истекший с моей первой встречи с г-ном Маляровым в апреле 1974 года.

Примите поздравления по случаю тридцатой годовщины победы над общим врагом.

Искренне Ваш

Телфорд Тэйлор

СПИСОК
замеченных опечаток

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
24	13 сн.	привело к	провело в
51	13 св.	окупаются	откупаются
78	11 сн.	победителя	потребителя
144	1 св.	рис. 1	рис. 2
152	9 св.	разрешена	разрешима
163	14 св.	переговоров	переворотов
181	9 св.	демократии	оппозиции

\$ 6.95